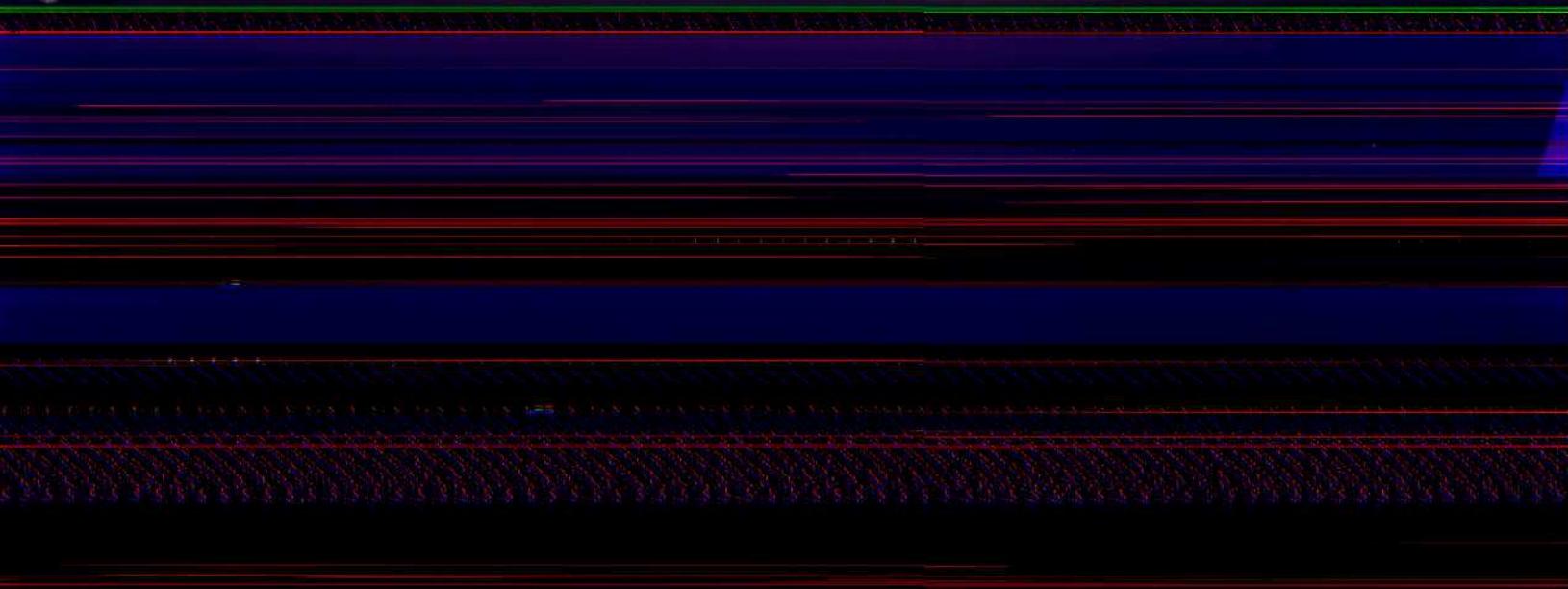

Муаед Ахметов

Адыгские амазонки

Муадж Ахметов

Адыгейские амазонки

Роман

Нальчик

Издательство М. и В. Котляровых

2007

ББК 67.3

А95

Ахметов М. Б.

А95 Адыгские амazonки. Роман. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых. – 236 с.

Роман «Адыгские амazonки» отличается немалыми литературными достоинствами: отменной фабулой, яркими образами, сочным языком. Но самое главное – он написан на реальной основе. Во всяком случае, так уверяет автор, убежденный, что амazonки жили именно в наших благословенных местах. И одно из их поселений располагалось именно близ родного автору Кенже.*

Основанный на преданиях, адыгском фольклоре, топонимических сведениях (имена ряда героинь и поныне сохранились в названиях могильных курганов), многочисленных трудах античных историков, мифологии древних народов Средиземноморья, роман, без всякого преувеличения, можно рассматривать как произведение документальное. Что, наряду с авторским мастерством, придает ему особую привлекательность.

© М. Б. Ахметов, 2007

© Издательство М. и В. Котляровых,
2007

*Светлой памяти моего дедушки,
Ахметова Асхада Теуновича,
последнего хранителя предания об амазонках*

ОТ АВТОРА

В пятилетнем возрасте меня повезли в город Пятигорск девочка и дядя. Когда задолго до Горячеводска стала видна гора Машук, мой дедушка, указав на нее, произнес: «А под этой горой ежегодно в день весеннего равноденствия собирались амазонки и устраивали состязания по бегу. И здесь они делили земли и воды». С этого момента начались – и не прекращаются по сей день – мои поиски любых сведений об удивительных женщинах-воительницах древней эпохи. Я ушел с головой в невероятный, ни на что в истории не похожий мир амазонок.

Еще юношей я рассказал обо всем, что мне было известно, одному ученному человеку, который, подобно известному чеховскому персонажу, сказал, что этого не может быть, потому что не может быть никогда. Уже в зрелом возрасте я побеседовал еще с одним ученым человеком, уже имея под рукой полный комплект аналогий из нартского эпоса. Ученый человек удивился и промолчал. Молчит до сих пор...

В этой небольшой книжке нет ни одного литературно обыгранного события без доказательной базы – либо из национального эпоса, либо из давно известных мифов Древнего Средиземноморья, либо из наследия «отца истории» Геродота, а также Вергилия, Овидия и других авторов. В конце концов я пришел к

выводу: то, что раньше я не мог доказать, не требует больше никаких доказательств – все слишком очевидно. Про амазонок писали и говорили в древности все! Более того, анализируя то, что сохранила история, приходишь к твердому убеждению: государство амазонок в 2000–1100 гг. до нашей эры имело огромное геополитическое влияние в тогдашнем мире. Примечательно и то, что у всех авторов и во всех мифах Древней Греции амазонкам дают такие эпитеты, как «непобедимые», «прекрасные», «великолепные», «неустранимые», и признаются, что победить амазонок могут только великие герои. Мифы осмеливаются дать победу над амазонками только Гераклу, Ахиллу, Энею.

Все источники единогласно говорят о том, где расположено это царство, – на самом дальнем от Греции берегу Эвксинского Понта (Черного моря). Естественно, имена амазонок звучат на греческом, при этом элины не присваивают себе родство с ними.

Мой дедушка ничего не знал о девятом подвиге Геракла (равно как и о первом). Но то, что он говорил о страшном оружии амазонок – гибкой сабле (по-адыгски – «и залэр масу», то есть «сосредоточенная в малом огромная мощь»), что звалась поясом царицы амазонок, полностью совпадает и с мифами Эллады (за поясом царицы пришел к амазонкам Геракл), и с описанием Геродота.

История Антеипху, которая вышла замуж за царя Аттики Тесея (победителя Минотавра и героя многих других подвигов), взята мною также из греческой мифологии и книги Геродота. Использован исторический факт – разрушение амазонками Аттики и захват Афин в 1255 г. до н. э.

Согласно Геродоту (книге IV его «Истории») написана и часть романа, касающаяся Даудух – амазонки, ставшей царицей савроматов.

Николай Куни в своей книге «Мифы Древней Греции» приводит ряд мифов относительно амазонок и того, откуда они пришли. Там же подтверждается война амазонок с эллинами, взятие амазонками Аттики и главного ее города – Афин. Из тех же греческих источников взяты пересказанные мною сюжеты о битве амазонок под Троеей и о том, как Ахилл был поражен кра-

сотой убитой им амазонки, хотя хронологически это событие относится к другому периоду.

Но самым ярким доказательством существования амазонок все-таки является адыгский эпос о нартах! Обратите внимание – ученые собирали и записывали старинные предания от разных сказителей в разное время и в совершенно разных местах: от Карачаевска, Черкесии и Адыгеи до Иордании, Турции и Сирии. И во многих сотнях текстов, записанных из многих сотен уст, совпадают имена и действия героев эпоса. Здесь ничего не придумывалось и ничего не приукрашивалось. Разве что не вполне ясно значение многих слов из старинных песен, хотя не все ряды смыслов (слава Всевышнему!) утеряны безвозвратно. Приведу один пример.

«Когда слава о красоте и уме Малычипху распространилась по всей стране нартов, – говорится в сказании, – к ней начали приходить и свататься молодые нарты. Но она всем придумывала разные предлоги и насмешки и отправляла всех восвояси... И приехал к ней Шаум со словами: «Попробуй мне сделать замечание-насмешку!» Тогда она попросила разрешения обойти его кругом, обошла и произнесла: «Будучи сыном Канж и не будучи сыном Нэрыбгей, ты не жил бы!» Шаум ушел с низко опущенной головой, не смея ничего возразить...»

Чем же его потрясли эти слова? Тем, что Малычипху указала нарту на то, что он сын не определенного отца, а приходящего в дом свиданий (в дом Канж – сороки), и родила его амазонка. Он должен был быть умёрщвлен в младенчестве, но, являясь сыном самой могучей амазонки – великанши Нэрыбгей, – Шаум остался в живых из-за всеобщего страха перед его матерью. То есть девушка буквально сказала: «Будучи сыном сороки, ты должен был умереть. В тебе не видно ничего такого чудесного, что оставляло бы тебе право на жизнь. И только авторитет твоей матери спас тебя». Вот такую убийственную правду услышал Шаум от Малычипху.

И таких неожиданных открытий в нартском эпосе множество! Если читать эпос (как это сделал ваш покорный слуга), имея ключ к такого рода понятиям, то все становится на свои места, и

перед нами открывается удивительный и ужасный, эмоционально и психологически глубокий мир великих и непобедимых амазонок. Этот мир настолько богат и неправдоподобно страшен, что порою не хотелось не только рассказывать об этом, но и думать, и писать... Только этим я объясняю то, что адыгский народ вычеркнул из своей памяти эпоху амазонок.

Но как бы там ни было, это наша история. Благодаря именно этой культуре хетты, колхи, меоты, адыги прошли через четыре тысячелетия, развиваясь и процветая. Очевидно, что именно удожицами амазонок – сохранили науку и культуру древнейшихprotoхеттов и хеттов. И эта культура была самой высокой в области военно-стратегических знаний в те годы. В то время, когда греки знали только бронзовые мечи, амазонки носили стальную саблю на поясе, кстати, изготовленную методом порошковой металлургии. Геродот называет эту саблю «поясом царицы амазонок Ипполиты – даром бога войны Ареса», то есть перед нами не предмет одежды, а божественной силы оружие, от которого невозможно было защититься ничем, потому что, огибая все представленные (щит, меч, налокотники) предметы, эта сабля добиралась до врага неотвратимо.

В устной речи моего народа осталось одно выражение, четко свидетельствующее об этом: «Нэжъгъужъыдзэр къыгтеуаш!» («Амазонки напали!»). Утрирование понятия привело к современному смыслу этого выражения, и теперь оно является синонимом опустошающего и безысходного захвата, уничтожения.

Известно, что одним из составляющих воинской победы является беспощадная жестокость. В этом равных амазонкам не было. Их воспитывали и готовили к такой жестокости. Ведь вся жизнь амазонок, с рождения обучаемых военному искусству, проходила на грани человеческих возможностей, между жизнью и смертью. И те матери, которым никогда не показывали новорожденных и которые знали, что их мальчиков умертвят, находились за всякой гранью человеческих чувств и, естественно, уже не могли испытывать ни жалости, ни сострадания. Они становились хладнокровными зомби, предназначенными только для того, чтобы убивать врагов и производить себе подобных.

Нужно сказать, что производили они очень много. Возьмем, к примеру, сто семейных пар, которые в те времена могли родить детей. Редко какая пара способна была родить двадцать сыновей и сделать из них воинов. Во-первых, пары не подбирались из самых здоровых, как это было у амазонок, во-вторых, детская смертность – очень высокая в те века – уносила половину. То есть, по максимуму, сто лучших семей через двадцать лет давали двести воинов. А двести амазонок за двадцать лет могли дать около четырехсот воительниц! А те в свою очередь начинали рожать с шестнадцати лет – и теперь ясно, почему никакая другая империя не могла с ними соперничать. По законам арифметической прогрессии сто шестнадцатилетних амазонок через полвека превращаются в четыре тысячи воительниц в возрасте от шестнадцати до шестидесяти лет! В те времена такое войско могли выставить только крупные города с населением более пятидесяти тысяч жителей.

Вот что это была за империя! Конечно, часть из этого числа надо списать на большие потери при обучении. Но даже если умирала половина, то и в этом случае амазонки могли выставить такую пару тысяч, где каждая единица стоила полусотни других воинов, настолько они были обучены и экипированы. Поэтому им ничего не стоило отнять у других флот, добравшись до Аттики, разрушить ее вместе с Афинами, убить сбежавшую к Тесею амazonку, похоронить ее там и вернуться на родину. Культурные эллины ничего не могли противопоставить противнику, который был воспитан в жесточайшей системе выживания, что превращало амазонок в монолитное и прекрасно управляемое войско.

Все преимущества женского военизированного общества на-талкивают на мысль, что хетты могли специально создать такое общество внутри своего государства. Возможно, впоследствии амазонки не поладили с Кадешем, Хатуссой или другими хеттскими городами, покинули Малую Азию и пришли на Кавказ, где также жили хетты и другие народы в достаточном количестве и качестве, чтобы процветало царство амазонок. Вскоре они воцарились над местными, что в конечном итоге, наряду и с дру-

гими причинами (например, восстановленное чувство материнства), привело к гибели мира амазонок.

Одной из причин, по которой хетты были вынуждены – предположим – создать отдельные войска амазонок, мог стать древний хеттский обычай отдавать своих дочерей в жены сыновьям, то есть ищест. Могло быть так: когда правители поняли, что это приводит к демографической катастрофе, и начали бороться с этим, то столкнулись с традиционным хеттским упорством. Хетты не любили отказываться от чего-либо привычного в поведении и обычаях. Они создали крепости амазонок, где во избежание кровосмесления вели записи «щ1ыхъ» – глиняные таблички на каждого мужчину и каждую амазонку. Если предположить, что это было так, то можно признать это великим политическим решением, спасшим на некоторое время народ от вымирания. Но вскоре народ отказался от такого воинства. Очевидно, их защита была не лучше оккупации.

Да, это было мудрое решение, преследовавшее благие цели, но одно то, что игнорировалось – в случае рождения мальчика – святое чувство материнства, делало это образование уязвимым.

«А кто же тогда были нартские герои?» – спросите вы.

Могучие богатыри эпоса – такие, как Сосруко, Бадыноко, Батараз, Шауей, Тотараши – были сыновьями и воспитанниками амазонок, сумели избежать умерщвления по разным причинам, обучались и вооружались амазонками.

Сосруко был рожден Сатаней, но она при этом смогла испечь гипс, облепить ребенка и, прибежав к кузнецу Тлепшу, заявила, что в горячем камне бьется чье-то сердце. Ведь известно, что при твердении гипс выделяет тепло. Тлепиш разбил камень и достал ребенка. Так как он «являл собой чудо» и якобы не был рожден Сатаней, его оставили в живых, хоть и ненадолго.

В том же эпосе говорится, что (из крепости?) пришла Бырымбыху (видимо, возглавлявшая отдел внутренних расследований) и устроила допрос Сатаней.

* * *

Крепости империи, как правило, располагались на естественных природных укреплениях, что не требовало больших затрат – то, что создала природа, доводилось до состояния неприступной крепости. На господствующих высотах, или плато, обязательно были необходимые атрибуты: родники, лес для стройматериалов и топлива и хотя бы одно большое нартское село поблизости, чтобы мужчины приходили в дом свиданий не слишком уставшими после дальней дороги. Чем больше нартских сел было в округе, тем активнее множился гарнизон крепости, и можно было содержать больше скота и пахотных земель.

Представителями крепости, постоянно жившими среди нартов, были амазонки преклонного возраста, которые уже не посещали дома свиданий. Они были как бы руководителями этих сел, принимали участие во всех делах, касающихся всех сфер жизни. Руководили они не только как представители крепости, с позиции силы творя законы, но и по другой очевидной причине: амазонки были умнее своих мужчин. Поскольку культура амазонок была высокой, хозяйствовали они, можно сказать, по науке, используя многовековой опыт земледелия и скотоводства.

По бытовым или общественным вопросам амазонки сверялись с неписанными (а возможно, и писанными!) законами и уставами, охватывающими все стороны жизни. А обычай в нартских селениях только еще зарождался (или же были забыты).

Авторитет амазонок, представляющих интересы крепости, в селах был заслуженно велик. Об этом свидетельствуют образы, сохраненные нацим эпосом: Сатаней, Уэрсэрыжь, Вакъуз нанэ. Этих женщин очень ценили в селениях, постоянно спрашивали совета в трудную минуту, учились у них обычаям.

Например, однажды у нартов вырос хороший урожай проса, и они побоялись, что не успеют его убрать своими примитивными орудиями. Тогда они вспомнили про орудие, с помощью которого быстро убирают урожай амазонки, и стали думать, как выпросить секрет его изготовления. Думали и вспомнили про старую Уэрсэрыжь, которая была известна своей привычкой вслух размышлять. Послали за ней и долго и дипломатично уговаривали ее открыть секрет серпа, которым пользуются амазон-

ки. Уэрсэрыжь ничего им не сказала, но когда она, попрощавшись, вышла, старшие нарты послали молодого ловкого парня пойти за ней незаметно и подслушать ее речи.

Старая Уэрсэрыжь шла домой в темноте и вслух бормотала:

— Вот глупые нарты! Им всего-навсего надо загнуть свои ножи, как хвостовое перо петуха, и прорезать одну сторону, как зубы гуся, — вот и готов серп, что тут такого сложного? Вот глупые нарты!

Парень запомнил ее слова и, вернувшись, рассказал нартам. Те заказали нужное орудие кузнецу Тлепшу и получили таким образом серп.

Столь же интересно и то, как Сатаней раскрыла нартам секрет молота и щипцов. Сатаней была воительницей! Это видно уже из того, что когда приехал Сосруко, побежденный в день хасы и получивший три дня срока до нового поединка, мать дала ему много ценных военных советов и научила хитростям, в результате чего Сосруко победил врага. «Не сравнивай меня с женщинами, сынок», — говорила она при этом, то есть видела себя не просто женщиной, а истинной воительницей-амазонкой.

Сатаней пожалела Тлепшу, который голой рукой вытаскивал из огня раскаленную заготовку и ковал ее кулаком. Она изгото-вила деревянный молот и бросила во двор кузницы. Затем, увидев на трофеях кузнеца двух поперек лежащих змеек, она острой палкой проткнула их. Когда Тлепш заметил, что головы и хвосты змей то расходятся, то сходятся, он догадался о кузачных клещах.

В обеих притчах интересно то, чторушался запрет амазонок на выдачу стратегических секретов, каковыми являлись орудия труда — показатель уровня культуры. Воительницы несли ответственность за сохранение тайны, и Сатаней сделала все таким образом, чтобы оставить за собой право поклясться святым идолом (именем бога), что никому ни слова не сказала про молот и клещи, никому не давала таких инструментов. Тем не менее, она ухитрилась помочь нартам обрести эти орудия.

Кроме того, в молодости Сатаней руководила домом свиданий, где амазонки встречались с мужчинами, что мы недвусмысльно наблюдаем в поэме о нарте Бадыноко.

Смотрящие за порядком амазонки, жившие в селах, не имели права входить в любовные связи с нартами, тем более рожать от кого попало. Видимо, существовала система отбора мужчин, потому что вблизи домов свиданий устраивались турниры и состязания, где победителю давали кубок с пивом («Сэтэней хъумбэлэи егъавэ» – «Сатаней варит хмель-пиво»), который назывался «батырыбжэ» – кубок богатырю-победителю. Есть в эпосе и прямое подтверждение тому, как амазонки проводили отбор. Это поэма, где Сатаней узнает о едущем в их направлении всаднике, знаменитом Бадыноко, и говорит своим девочкам: «Идите и завлеките его сюда, от него можно получить богатырские мышцы».

Девочки не смогли его завлечь, после чего сама Сатаней, появившись на крыльце, постепенно раздевается перед Бадыноко, ласково приглашая его отдохнуть. Но тщетно. Все это говорит о том, что амазонки ценили физическую силу и вынуждены были спариваться только с избранными мужчинами. Да и кому было интересно в столь древние времена рожать от больного или слабого? И какой прок от такого потомства? Поэтому можно верить тому, что они действительно вели «любовные» записи и хранили их в виде глиняных табличек – «щыхъ». Мужчины, имевшие большое количество таких щыхъ, пользовались почетом, они признавались полноценными. И сейчас в современном кабардинском языке это слово означает «почет».

Дома свиданий располагались вблизи первой стены крепости, имея более или менее затищенные естественные ограждения. Рядом – не дальше одного полета стрелы – обязательно были источники воды. Этому есть свидетельства. Например, в крепости на территории сегодняшней Хасаньи (район Нальчика) протекает речка Нарт-Унэ – то есть «Дом свиданий для нартов». На территории Кенже (Къянжэпс), вблизи кургана Куцей Бабки (одногрудой предводительницы крепости), где и сегодня опознаются черты древней крепости, есть место Къянжэ унэ – «Дом сороки». На реке Белая в Адыгее есть место Гузерипиль, где дом свиданий был расположен прямо под крепостью как на ладони. А в переводе Гузерипиль означает – «Место, куда тянет (смотрит) сердце».

Дома свиданий можно, с нашей точки зрения, назвать грубым, скотским местом, где люди разных полов бесстыдно спрашивали свои потребности. Конечно, наличие таких домов полностью исключало возвышенную любовь двух сердец, которая заменилась чисто конвейерным методом воспроизведения. Очевидно, воительницам было не до любви, им нужно было рожать как можно больше детей (девочек) и делать из них себе подобных. Мальчики им не были нужны, думаю, по весьма прозаичной причине. Чтобы быстро размножаться, нужно уменьшить период созревания. Девочки могут рожать, начиная с четырнадцати лет, и продолжается это до пятидесяти с лишним, а мужчин для этого процесса нужно минимальное количество. Грубо говоря, чтобы получить то, что дают сорок-пятьдесят женщин, нужен всего один мужчина, который каждый год должен успевать «обслужить» каждую из них.

Была и еще одна особенность, «оправдывавшая» столь дикие нравы амазонок. Девочки до определенного возраста гораздо смышленее, хитрее и умнее мальчиков. Их можно было научить воинской хитрости (они и воевали только хитростью, а не силой) в тринадцать–четырнадцать лет, то есть на пять–шесть лет раньше мальчиков. В современном мире тоже есть доказательства этому. Например, много ли вы знаете тринадцати–пятнадцатилетних гимнастов и фигуристов, ставших чемпионами мира? Таких нет. Зато есть гимнастки и фигуристки. Мальчик может стать зрелым мастером в этих видах не раньше восемнадцати–девятнадцати лет. Женское чутье, женская хитрость и женская терпеливость – в том числе к боли и стрессам – ставят их гораздо выше, чем мужчин, в условиях и обстоятельствах, при которых одерживаются военные победы. Особенно, когда исход битвы решает количество стрел, выпущенных во врага. Женщины-воительницы отлично стреляли из лука – во всяком случае, не хуже мужчин.

Итак, дома свиданий были ужасны с точки зрения высокой нравственности, но при этом имелись и положительные стороны. В первую очередь – гигиена. Из эпической песни мы знаем, что женщины были обязаны два раза мыть мужчин – до и после акта любви. Малычишху в своей песне о женихах, где она всем

делает замечания, касательно кузнеца Тлепша поет: «Ну, утром я сама тебя помою, но кто мне вечером тебя отмоет...» То есть пропагандировалась культура любви.

Выбирая только здоровых и сильных мужчин, амазонки помогали и нартам, показывая, как важна селекция, и те в свою очередь задумывались, когда подбирали подруг. А если еще учитывать, что в то время молодому парню надо было зарабатывать калым в течение десяти-пятнадцати лет, то надо признать правильным, что они все это время не томились от воздержания, а свободно и бесплатно могли удовлетворить свои потребности и получить неплохоеовое образование. Не устраивая при этом резню при дележе немногих одиноких и свободных женщин, которые зачастую были не так интересны, как амазонки – львицы любви.

Нарты – а это слово переводится с адыгского как «стоящие перед глазами» – могли быть разных национальностей. На эту мысль наводит тот факт, что едва ли не все народы Кавказа тянут нартов именно в свой «чулан». Нам кажется это неверным. Кавказ, как сейчас, так и три–четыре тысячи лет назад, мог быть местом, куда прятались остатки крупных народов: те же аланы, вайнахи, не говоря о хеттах и скифах. И нет никаких сомнений, что все они были менее развиты и культурны, чем хеттские амазонки, которые уже были амазонками до Древнего Рима, Египта, Ассирии и, возможно, Хатти. Свидетельства? Есть! В Египте, а точнее на самой границе Египта и Судана, на берегу Нила стоит стена, которой более четырех тысяч лет. И на этой стене выбито панно: во весь рост, с огромным луком стоит человек, у которого правая сторона груди мощная, накачанная, мужская, правое плечо тоже мужское, мускулистое, как и правая рука, а с левой стороны – прелестная, эталонная женская грудь...

Из того, что сегодня нам известно, ни один факт не противоречит тому, что великая египетская царица Хъыджэбзуд (Хатшепсут) была из хеттов. А в пользу этого можно привести известную настенную запись древних египтян. Когда умирает супруг царицы, в смерти которого явно повинен Ае, египетская царица, чтобы не выходить замуж за Ае, посыпает гонцов к хеттскому царю с просьбой отпустить к ней одного их своих сыновей

в Египет, чтобы она вышла за него замуж и он стал фараоном. Хеттский царь долго думал (он, видимо, не очень этого хотел), но, в конце концов, уважая инициативу такой женщины, послал одного из своих сыновей. На границе Египта тайные посланцы Ае убили молодого хетта, и Ае, оставшись безальтернативным кандидатом, стал мужем царицы и главой Египта. Эта история доказывает, что Египтом теоретически мог править выходец из хеттов.

Второй пример – это сама Хъыджэбзуд. Составными этого имени (слова) являются пять хеттских (адыгских) слов: «хъы» – сеть, «джэ» – пласти, «бзы» – женский пол, «у», «уз» – обращение к человеку во втором лице, означающее – человек, «д» – видоизменение. Хъыджэбз употреблялось в значении «девушка», как, например, «мэкъуауэлл» – косарь, косящий сено муж. Также слово «хъылжэбз» означало – плетущая сети женщина (девочка), а звание «уд» – видоизмененный человек, то есть амazonка. В нартском эпосе «уд» – амazonка-колдуныя. Таким образом, Хъыджэбзуд – это чуть ли не целое предложение, в конечном итоге означающее «девушка-уд» – девушка со знаниями амazonки, воительница, достигшая в раннем возрасте высокого ранга уд – жрицы.

Всякие бывают созвучия во многих языках, но имя Хъыджэбзуд пока что не переведено на другие языки. Кроме того, о ней известно, что она сама водила войска в поход как полководец (!), а не как просто обычная царица, не вмешивающаяся ни в какие военные дела. Значит, она была обучена военному делу, то есть была воительницей. Она сама командовала походом в Северную Африку. И при ее правлении у Египта ни разу не было распреи с хеттами, что очень часто случалось у других египетских фараонов (по-адыгски – «фирхъэун»).

Большой интерес вызывает имя отца Хъыджэбзуд – фараона Тутмоса (так и хочется написать Тут Мос). Ведь Тут и Мос – очень распространенные адыгские собственные имена; фамилия Тутов у кабардинцев и имя Мос у адыгейцев напоминают об этом. Конечно, это короткое слово может оказаться созвучием и означать что угодно на древнем языке Египта. Однако что делать со словами Геродота о том, что египтяне и колхи, жители

Колхиды, были суть одно и то же? В трех статьях у Геродота приводятся три особенности, согласно которым следовал этот вывод. А кто же были колхи? На этот вопрос отвечают современные исследователи С. Хатко, И. Дьяков, Е. Зеленко и другие: в III тыс. до н. э. племена с адыго-абхазской речью населяли территорию современной Грузии. Это были саниги, аbazги, япсылы.

История – хрупкая вещь, с которой нужно обходиться крайне осторожно. Многое есть примеров тому, как легко и просто можно переписать, исправить и исказить подлинные события. Пусть это остается на совести тех, кто занимается такими вещами. Но есть факты, которые нельзя изменить. Это фольклор, этимология, топонимика, археологические памятники – живые следы на самой земле. Например, в окрестностях Кенже (район современного Нальчика) находятся следы укрепленной крепости, о которой мы уже упомянули. Даже сохранились названия «Ныуэжъ Клагуэ и 1уапцхъэ» – холм (курган) Куцей Бабки – и «Къянжэ унэ» – Дом сороки. В Кенже все знают, что этот курган назван именем бабки-уд, то есть старой амazonки. Вот это невозможно переписать и исказить, даже если все перекопать и переименовать. Нельзя игнорировать и другие памятники эпохи амazonок на всей территории Северного Кавказа.

* * *

Мне хочется извиниться перед читателем за использованный в некоторых местах этой книги лексикон. После долгих сомнений и многих скомканых и отправленных в корзину листов бумаги я пришел к убеждению, что мне придется применять язык и лексику тех, о ком хочу написать, хотя это и не мой стиль ведения беседы. В борьбе между этикой и правдой победила последняя. Описывать жизнь, интересы, манеру поведения и диалоги натурализованных амazonок, тем более от их лица, приглаженным литературным языком было бы неуместно и неправдиво. Поэтому за элементы фривольности еще раз прошу прошения.

И последнее. Хотя психологическая глубина, сложность и богатство жизни амazonок очень привлекательны для полета

фантазии и дают невероятные возможности для создания художественных образов и сцен, я пытался крайне умеренно фантазировать, ибо уверен, что со временем найдутся более профессиональные и способные исследователи, чем я, простой инженер-строитель. Они прочтут глиняные таблички и исследуют все доступные источники на разных древних языках, и в результате их усилий удивительные деяния непобедимых адыгских воительниц займут подобающее место в истории человечества!

Адыгейские
амазонки

Часть первая

КУРГАН КУЦЕЙ БАБКИ¹

...Неудержима веков версниша.
В омуте неба шар наш кружится.
Вечно б катилась судеб колесница,
Но прошлое в ней возницей,
А из былого – спицы.

А. Оразаев

«О, Амыш², спасибо тебе за твой дар! Как здорово греет бурка из тонкой шерсти – мягкая и плотная, – как раз то, что нужно в эту пору знобящей утренней прохлады сенокосного месяца!»

Сана подогнула ноги, стараясь не вылезти из-под бурки, присела, перекатившись, и высунула голову на свет, не открывая до конца еще сонные глаза.

Побледневший восток четко выставил белые скалы, плотно стоящие за темными лесистыми горами, будто сказочные богатыри в припорошенных снегом шлемах неприступной ширенгой защищают тылы этих лесов, горных лугов, долин и дальше – огромную равнину до самых морей.

Из многочисленных теснин и ущелий большими и малыми потоками, шумными и бурными, собирается река, на выходе из

¹ Курган на южной окраине п. Кенже в 6 км. от г. Нальчик.

² А мыш – языческий бог животных.

предгорий и дальше, извиваясь, уползает, как серебряный дракон, в утреннюю темно-серую мглу бескрайних равнинных лесов, то исчезая, то опять вдали проблескивая своей широкой спиной.

На излучинах реки просвечивают огни летних дворовых очагов, — это уже вставшие жены нартов готовят пищу для своих семей.

Хотя из-за почерневших камышовых крыш, теряющихся в темном лесу, не видно нартских селений, Сана хорошо знает, где и на каком берегу какое из сел приютилось со своими пастбищами, сенокосными и пахотными угодьями, отбитыми в много вековой битве у всеобъемлющего непроходимого леса, господствующего до морских берегов.

Леса преграждают путь всему, и только по руслам рек проходят дороги, по которым изредка ездят нарты к своим родственникам в гости, да иногда вражеские войска, которые не знают, куда они забрели, снуют по этим дорогам, грабя и убивая нартов. Но горе им, если они подойдут близко к крепости амazonок! Потом немногие живые еще долго будут уносить ноги от страшных воительниц, побросав и тяжелую добычу, и пленных. От трофеев быстро освобождаешься, когда приходится выбирать между добычей и собственной головой.

А иные правители ищут здесь погибели намеренно. Они слышали о существовании амazonок, нарьбгей¹, но никак не думают, что здесь великая империя, и тот, кто сюда добирается, услышав о бесчисленных тучных стадах, пасущихся за стенами крепостей на бескрайних альпийских лугах, в лучшем случае, останется на всю жизнь пасти эти стада и убирать навоз в огромных конюшнях.

Пока Сана еще не совсем прояснившимися глазами разглядывала смутную даль, солнце выглянуло из-за вершины Мушмулиной горы, на которой стояла соседняя юго-восточная сторожевая и сигнальная вышка. И отсюда, за десять полетов стрелы, казалось, что вышка облита ярким пламенем. А одинокая фигура

¹ Н а р ы б г е й — амazonка (адыг.).

амазонки, стоящей наверху на часах, похожа на саму богиню утренней зари, которую не берет великая сила солнечного огня.

Сана знала, что проснулась вовремя. Начиналась ее смена.

На спине длинного лысого отрога хребта, выходящего на середину широкой предгорной долины, стоит вышка, на которой служит Сана. И этот отрог делит широкую долину на две части: Большая Птичья балка и Малая Птичья балка.

Вышку, на которой она служит, Сана называет про себя четырехогим великаном, потому как состоит вышка из огромных четырех столбов, вкопанных в землю. И эти столбы соединены четырьмя полками из балок, на которых лежат плетенные из кольев и хвороста дикого орешника стеллажи. Нижний стеллаж служит навесом для собак или лошадей. А между нижним и вторым перекрытием – склад для фуражи, сбруи, арканов, тяжелых бурок и продуктов. Выше, между вторым и третьим перекрытиями, находится спальня, где отдыхает свободная от караула смена. На третьем стеллаже стоит часовой под крышей, состоящей из довольно толстого слоя дров, поверх чего настил сухой соломы, а также камышовый слой для содержания в сухом виде дров и соломы. Их поджигают, когда нужно подать сигнал.

Еще на четвертом этаже висят два предмета. Во-первых, кожаный мешок, внутри которого содержатся в сухом виде кремень, кресало и пучки грибной ваты¹ для запала. Второй предмет представляет собой хранилище углей – небольшой, круглый, обившийся толстым слоем войлока дэпильэ², внутри которого горячая зола, а в самом центре золы несколько крупных раскаленных древесных углей.

В таких горшках огонь переносили и хранили до суток. И каждый раз, когда разводили огонь и готовили пищу, после еды меняли содержимое этих горшков.

¹ Грибная вата – из пароста больших и сухих древесных грибов добывались волокна путем долгого китчечения, сушки и выбивалия шнурцы.

² Дэпильэ – горшок для углей (адыг.).

Сана не торопилась вставать, не отпускало тепло бурки. Но она знала – как только солнечные лучи дотянутся до спального яруса, надо быть уже готовой.

Она резко сбросила бурку, схватила бурдюк с водой и умылась, стоя на не покрытом соломой краю шатенки. Пока она умывалась, утренний ветерок успел остудить открытые части тела и кольчугу, легкий озноб натягивал кожу и сковывал движения. Она вытерла лицо и хотела уже надевать налокотники, наколенники, стальной щлемик и кольчужный пояс с коротким мечом, но быстро раздумала и прыгнула на раскрытую, еще не остывшую бурку. Рыча и зевая от удовольствия, она стала потягиваться, принимая позы то барса, готовящегося к прыжку, то ленивого льва, решившего размяться, то удава, свернувшегося и напрягающего мышцы перед броском, то орла, отрывающегося от земли.

– Надевай доспехи и бегом наверх! – говорит ей Нахуна, которая уже спустилась с верхнего яруса и готовилась спать после смены, сбивая солому и ноправляя кошму. – Через три дня освобождаемся, пойдем в дом сороки, и будешь там целый день рычать и визжать, принимая какие хочешь позы под молодым мужчиной – все равно не перекришишь свою подругу Жамнаго, – а сейчас торопись, пока из крепости не заметили, что на посту никого нет.

– Ой, да кто там заметит, если мы против солнца от них? И Жамнаго мне не подруга! – говорит Сана, надевая потуже пояс с мечом и надув щеки от обицы. Она уже одета по полной форме.

– На этот счет не переживай, найдется кому доложить, нас хорошо видно с других вышек, – говорит Нахуна уже не так строго, видя, как быстро оделась Сана, закинула точно наверх свою бурку и с ловкостью, которой позавидовала бы любая кошка, быстро полезла по стволу опоры и вмиг очутилась на посту.

Сана накинула бурку и встала спиной к опоре, на которой удивительно удачно были расположены три сучка, расчетливо оставленные длиною с покость для опоры. Один сучок загнулся и рос почти горизонтально, будто хотел обнять свой же ствол как раз на такой удобной высоте, чтобы можно было присесть на него. А два других попадали точно под мышки. Устроились и

подперев свои плечи, подгибая бурку, Сана вдохнула полной грудью прохладный и плотный утренний воздух. Уловив при этом хорошо знакомые запахи близлежащего нартского села (навоз и перекисшее молоко), она негромко фыркнула, поморщила кокетливо носик и поняла с грустью, что окончательно освободилась от сна. Начался еще один скучный день – с испорченного настроения, вызванного упоминанием ненавистного имени Жамнаго.

Сана не любила ходить в караул на вышку потому только, что тут, на посту, ничего нельзя было делать. Нельзя заняться своими доспехами, оружием и сбруей, которые всегда требовали внимания и руки, запрещено было также вязать себе теплые носки или из войлока вальять подкладку под хъырцыжь¹, или даже ногти чистить и грызть. А Сана не привыкла сидеть неподвижно. В тяжких и бесконечных тренировках под руководством очень жестоких амазонок была одна прелест – они полностью занимали и разум и тело, подключая все резервы организма, требовали внимания и собранности и не позволяли замечать, как летит время. А здесь стоишь, глаза привычно следят за всеми передвижениями по дорогам и селам, по руслу реки и полям. И монотонная возня сонных нартов и их ленивых жен, одетых в рванье, добывающих свой кусок хлеба примитивными орудиями... Боги! Почему так скучно и неинтересно они живут? Вот, например, этот дылда набычившись копается под тенью дерева во дворе, а с соседнего огорода молодая девка смотрит и смотрит в его сторону, забыв, что надо огород полоть, а он что-то развязывает уже час. Нет бы прыгнуть через забор, задрать ей ноги... Ой, выть хочется на солнце от скучи!

Время на посту как бы останавливается, и в голову лезут самые противные мысли («Тьфу, гадкий!» – это в адрес дылды), и такая неразбериха в голове. Недаром предводительница крепости Дышана ворчит: «Дай вам только свободный миг, и вы сразу начнете строить планы, как сохранить своих новорожденных мальчиков или схлестнуться с каким-нибудь двуногим уродом без таблички и минуя комиссию. Только это у вас в голове! Из-за

¹ Хъырцыжь – подкладка под кольчугу из мягкого войлока (адыг.).

vas когда-нибудь настанет конец света и крах империи, потому что нет у вас дисциплины!»

Сана не понимала, как можно из-за гадких новорожденных мальчиков ставить под удар великую империю! «Зачем нужны эти мальчики? Ведь они, не успев вырасти и чему-либо научиться, не потренировавшись и дня, начинают резать и душить друг друга и делать прочие пакости. От них столько проблем! А их двугрудые матери-дуры носятся с ними, как с идолами, и готовы наложить на себя руки от их вечных неудач и поражений. Вот дуры! Одно слово – двугрудые, им же не прижигают правую грудь в детстве, так и таскают всю жизнь лишнюю тяжесть. Болтают ею во все стороны и таскают, как будто не хватит одной! То-то не умеют они делать ничего, тем более в бою. Черепахи беременные! Как может рука удержать меч, если у тебя под локтем целая подушка? А как лазить на дерево, на вышку, наконец? С одной – и то не очень удобно. Да и куда они полезут? Они же толще наших в пять раз! Глупые утки! Да и сами нарты глупые – живут себе в кривых домах, как крысы, все вместе – и самки и самцы, спариваются без разбору, и вообще нет у них ни порядка, ни ума! Почему они не видят хотя бы, как наши уд¹ тщательно выбирают самцов из них же самих, достойных спариваться с нашими сестрами? Не видят, как тщательно работницы наших сорочьих домов ведут записи на глиняных «щых» и бережно их хранят. И не соображают, почему наши уд умертвляют лишний приплод мужского пола. Даже пчелы – бессловесные букашки – и те умнее их! Они не кормят лишних самцов – выкидывают на мороз поздней осенью, и эти твари дохнут, корчась от холода. Зачем разводить столько самцов? Ведь они нужны только одну неделю в году... ну месяц... ну два.

Вот боги дали корове рога, змее яд, зайцу быстрые ноги, чтобы их не уничтожили другие животные. А эти гадкие существа – самцы – получили от бога нечто, без которого, к несчастью, невозможно продолжение жизни великой империи. Вот скоты! Возьмем даже их уродливую походку, загребающую грязь. Наши

¹ У д – жрица, высший ранг империи амazonок.

сестры, амазонки, с детства наблюдают повадки разных животных и долго отрабатывают манеры кошки, лани, крадущегося медведя, барса, цапли, змеи и других, чтобы выработать свою поступь и двигаться без шума и следа. А походка этих самцов выражает только одно: «Смотрите! Смотрите, что янесу!» Как будто там висит что-то очень важное для всех, и оно важнее всего! И самое интересное то, что большинство этих идиотов и уродов совершенно не могут пользоваться этим. Или это у них никуда не годное и непонятно, для чего его вообще носить и чем тут гордиться. Такие попадаются глупцы! Вроде здоровые и сложены неплохо, и все приличного вида и размера, и наши уд умеют, кажется, это отбирать. Ах – нет! И они ошибаются! Иной лежит себе ни рыба ни мясо, гладит тебя, гладит, а как только доходит дело до главного: «Что-то у меня сегодня не то, видимо, кто-то сглазил...»

А чего, спрашивается, приперся, обнадежил? Если не то – сиди дома! Нам их сюсюканье и хрюканье ни к чему. Нам надо ежегодно рожать детей, и желательно девочек. Кстати, интересно, кого я родила в прошлый раз от Хатага? Ах, мой Хатаг! Вот кто умеет пользоваться. Вот кто имеет все основания гордиться. Мой Хатаг!

Ну ладно, не надо о нем так долго думать. Так можно додуматься и до сумасшествия, как та дура, которая хотела сбежать с самцом. Хорошо, вовремя раскусили их обоих по обезумевшим глазам».

Тут Сана незаметно достала из-под бурки короткий, но блестящий и отполированный меч и пристально посмотрелась в него, как в зеркало, изучая выражение своих глаз. Затем, успокоенная, тем же незаметным движением вложила меч в ножны, попутно заправив на висках волосы под шлем и на всякий случай разгладив брови.

«Так вот! – продолжила она мысль, как будто ее внимательно слушали полсотни человек разинув рты и не дыша. – Как только заметили, что глаза у этой дуры смотрят только в его глаза, к ней приставили разведчицу, и та поймала ее уже спустившуюся по веревке на ту сторону стены. Прибежавшие охранницы про-

ткнули их обоих одним копьем прямо через два глупых сердца и сбросили с уступа на волчью тропу, а эти два глупца даже объятий не разомкнули.

Интересно, смог бы Хатаг пойти на такое ради меня? И где он сейчас? Неужели улизнул на дальний сенокос, не показаввшись мне? Почему его я не видела ни в селе, ни на речке, где он должен был коня искупать? А может, он не на сенокосе, а в сорочьем доме? Ах ты, негодяй! А может, он уже в домике, с этой бедрой и ненасытной Жамнаго? Та сука, конечно, уже смогла и удивить, и завлечь его. Это она умест! Вот убью обоих на месте. Скоты! Ублюдки! Уроды!

Напрасно ее не казнила Дышана, когда застукала в обнимку с тем выродком в ее же домике, — она же орет на всю округу! И с кем? С этим коротышкой Куруком! Без разрешения комиссии отбора. Да кто его смотреть бы стал — лба нет, одни брови сросшиеся, длинный и кривой нос, перебитый пару раз, шеи нет, щечи куриные, вся рожа в редких волосах, как на хвосте у крысы, ноги кривые — собака проскочит, если кобель. Все амазонки крепости хохотали, когда их вытащили голыми по пояс — она белая и большая, он маленький и худой, как раз доставал своими обвисшими губками до ее соска.

И надо же, она сумела его провести туда, куда еще не ступала нога мужчины! За вторую стену крепости. Уд из поста отбора потребовали тогда смертной казни для обоих. Дышана согласилась, и тут же начали их бить. Но, к несчастью, с первого же удара в ключья разорвались его гнилые штаны, и оттуда показалось такое неимоверных размеров, что даже все повидавшие уд ахнули и потеряли дар речи.

Этим замешательством воспользовалась хитрая лиса Жамнаго, незаметно оказалась около Дышаны и что-то прошептала ей на ухо. Дышана вроде кивнула, но тут же грозно оттолкнула Жамнаго и начала горячо возмущаться, очень умно и красноречиво. Она долго говорила про дисциплину, про конец империи, хотя глаза смотрели нет-нет на другой конец — куда и вся крепость смотрела. А потом она объявила, что за посягательство на тысячелетние результаты трудов по селекции и улучшению породы амазонок, за совокупление с уродом Куруком без разреше-

ния комиссии, за нарушение табу крепостной зоны велит сгноить обоих в яме, и тут же поправилась – в разных ямах, чем заметно огорчила Жамнаго. Приговор тут же привели в исполнение, причем все хотели лично сбросить Курука, но это сделала сама Дышана, осторожно взяв его за тонкую шею. Потом она еще долго возмущалась, что у Курука нет ни одного зуба, что рот его открыт всегда, как будто это существо, очевидно, не знает, что боги дали ему нижнюю челюсть, что такого урода нельзя было на расстоянии полета стрелы подпускать к реке, где моют ноги наши полубогини.

Все разошлись, но к вечеру Дышана оправдала Жамнаго, учитывая ее особые заслуги перед войском, включая туда и особую плодовитость и большое усердие в повышении численности амазонок, и многочисленные просьбы сестер. Все должны были оценить, как Дышана учитывает желания амазонок вопреки своим личным эмоциям, не игнорирует мнение простых воительниц, даже когда оно не совпадает с ее личным.

Это все правительница крепости объявила вечером, остановив группу молодых амазонок, идущих с тренировочного плаца. Те дружно поддержали ее и быстро разбежались, чувствуя тяжесть новости, которую необходимо срочно сбросить с плеч.

А Курук ночью исчез. Уд шептались потом, что за ним ночью приползла золотая змея – царица удавов и проглотила его, предварительно задушив.

Правда, через пару дней амазонки, чинившие кровлю, видели его ни с чем не сравнимую фигуру в спальне самой Дышаны, где он расхаживал в шелковом китайском халате. И когда он, подмигнув, помахал им неким предметом, бедные девушки тут же повалились с крыши и чуть не получили еще и телесные повреждения. И потом утверждали, что на спине его шелкового халата была вышита голова золотой змеи – царицы удавов¹. Может, она выплюнула его?»

Сана не находила себе места на посту от обиды и злости на Жамнаго и Хатага. «Нет! Я точно убью эту суку! Всажу ей тяжелую стрелу прямо... О, Псатха, не своди Хатага с Жамнаго! И не

¹ У амазонок существовал культ змей.

своди его ни с кем, кроме как со мной. Я не вынесу этого! Не доведи меня, Тхашхо¹, до греха!»

От злобы Сана машинально стала вертеть головой, и вдруг в ее поле зрения попала запруда на реке ниже села, где обычно купались днем мальчишки. Она увидела, как голый мужчина купает в реке лошадь. По несุразному силуэту лошади и по необыкновенной стройности фигуры мужчины Сана сразу узнала его.

«Ой, Тхашхо! Что же это я говорю? Прости меня, пожалуйста! Разве смогу я нарушить закон империи и обидеть свою сестру из-за какого-то самца! Я... я просто перебирала в голове разные варианты. Но вслух я ничего не произнесла!»

Она шептала душеспасительные молитвы, а глаза зорко следили за хозяином лошади. То, что она не могла увидеть лица на таком расстоянии, разжигало воображение, добывая из памяти все детали его тела.

«Великие боги, как же красиво тело молодого мужчины в двадцать пять лет! Нет, только мой Хатаг может быть так силен и красив! Только он может быть так сладок душе и доставлять телу такое наслаждение, только он мне нужен. Ой, Псатха, мне надо быть осторожней, помоги мне устоять».

Сана еще раз незаметно достала меч и, вздыхая, долго всматривалась в него. С ее глаз посыпались слезы, но тут же она испуганно вытерла лицо и быстро спрятала на место свое «зеркало». Потом, не поворачивая шею, развернув только зрачки, поглядела вниз – на спящих своих подруг. Нахуна и Хурсана², кажется, ничего не заметили. Удостоверившись в этом, Сана продолжила разговор с воображаемыми слушателями.

«Нет! Я не слабая женщина! Я знаменитая Сана! Вы меня знаете. Сама Дышана сказала, что я редкая лучница – одна на сто тысяч. И не раскисаю я никогда. У меня воля крепче стали. И плевала я на мужчин!»

Она, не открывая рта, «плонула» в сторону омута, где недавно стоял Хатаг. То, что она изумительно меткая лучница, – су-

¹ Тхашхо – верховный языческий бог.

² Курган Хурсан находится в 2 км восточнее сел. Аргудун.

щая правда. Обыкновенная, ничем – ни умом, ни силой – не выделявшаяся простушка Сана становилась богиней, когда брала лук со стрелами. На сотне шагов она могла попадать внутрь кольца в четырех упражнениях: когда кольцо неподвижно, когда ветер крутит подвешенное на нитке кольцо, когда кольцо подвешено ниткой за гибкий хлыст и его раскачивает во все стороны. А самое трудное упражнение – когда кольцо лежит на гладкой земле и нужно попасть стрелой в центр сверху. Сана была лучшей лучницей во всей крепости, где, в общем-то, все умели стрелять с рождения и тренировались, не выпуская лука из рук.

Утреннее солнце медленно, стена за стеной, занимало крепость амазонок и окрашивало все вокруг в нежно-розовый цвет. И крепость, закрывающая вход в ущелье, мрачная и грозная, нахмурившая ужас на всех, вдруг сбросила темно-серую пелену и превратилась в огромный бутон. Невозможно было представить себе, что эти стены состоят из кольев и хвороста, обмазанных глиной! Сана с восторгом смотрела на это волшебство природы и вдруг решила, что это знак богов, которые приняли ее просьбу-молитву и, простили ее, послали знамение.

Она слегка согнула колени и, снизившись немного, горячо поблагодарила богов, потом резко приподнялась, вновь приняв уставную позу дозорной амazonки. Вволю мысленно поболтав, она пришла в форму и серьезно стала вглядываться в детали пейзажа, которые ей были известны до мелочей.

После часового осмотра всех трех селений Сана решила, что все идет нормально, все заняты своими делами, ничто не нарушает привычного уклада жизни. Это значит, что не только чужого войска, чужих разведчиков, но и гостей из других селений нет в нартских селах. У этих нартов ничего не происходит тихо. Любое событие в их жизни, не имеющее, в общем, никакого значения, проходит в сопровождении каких-то диких шумных ритуалов. Поведение этих людей в селах обязательно выдает присутствие чужака, как в лесу каждая птаха выдаст шумом, что кто-то вторгся в зону ее обитания.

Нет, сегодня все спокойно. И Сана с чувством удовлетворения от собственной чуткости и тонкого ума окончательно притихла.

Хурсане не спалось. Она не могла понять, что ее беспокоит и все время заставляет смотреть в одну сторону. Она пыталась об этом забыть, но вскоре снова переворачивалась на живот, ставила два кулака под подбородок и смотрела вдали. Ничего не видать — все нормально. Может, это из-за Саны, которая на посту все время копошится? Но она всегда такая, ничего здесь особенного нет.

«Интересная все же эта Саня, — думала Хурсана. — Она глупенькая и суетливая, с ней абсолютно не о чем поговорить, кроме как о луке и стрелах, но и тут она лучше покажет какой-нибудь трюк, чем сможет это объяснить. Ее любят амазонки и любят, как ни странно, за глупость. Она, если и захочет оскорбить словом, никогда не сумеет сделать это так, чтобы было обидно. Саня умеет искренне радоваться успеху своих подруг, и ее лесть, даже коряво произнесенная, все равно приятна. В ней нет зла, только, бывает, рассердится на миг. Она твердо верит во все, что ей говорят, умеет удивляться и не сомневается ни в чем».

Хурсана догадывалась, что Сану привечают даже больше, чем ее саму. И так было с самого детства, хотя по воинским способностям они были просто небо и земля. Хурсана перевернулась на спину и стала вспоминать всю жизнь...

В четыре года ее как одну из самых одаренных детей определили в группу допущенных к целевым играм — тренировкам по подготовке наездниц. Кроме занимательности эти игры имели уже ярко выраженную нагрузку. Например, девочки должны были носить пхъэшыку¹, и маленькая Хурсана так изящно носила эту тяжелую штуку между стройными и очень нежными ногами, что удивлялись даже ул. Со временем ноги у нее выросли стройные, длинные и, что интересно, вполне женственные. Эти ноги не были испорчены ни пхъэшыку, ни солнечными лучами,

¹ Пхъэшыку — деревянная колодка, имитатор коня, которую носили между ног, не привязывая. Ее надо было придерживать ногами. Периодически она заменялась на более тяжелую и большую, и так продолжалось до 15–16 лет, пока девочка не пересаживалась на коня. Все игры, лазания по деревьям и горам, мелкие работы выполнялись при обязательном наличии пхъэшыку.

ни обрядом прижигания груди у девочек, после которого амазонки явно делились на женственных и мужеподобных – с волосатым и грубым телом.

Мужеподобные были лучше как воительницы, но среди женственных было очень много виртуозных саблисток, метательниц аркана и лучниц, хотя, как правило, физической силой они не блистали. Исключение составляла Хурсана – тонкая и очень грациозно сложенная, она обладала большой силой мышц. Хурсана была признанной красавицей. Густые черные волосы до колен, огромные небесно-голубые глаза, длинные ресницы, белоснежная кожа. Все это вызывало нездоровый интерес определенной категории амазонок, поклонниц извращенной любви, которых здесь было немало. Они часто предлагали ей заняться делами, которые нельзя было назвать ни женскими, ни мужскими. Но вскоре от нее резко отстали. Это случилось после того, как однажды утром нашелся труп одной исполнинского роста нахалки, которая накануне вечером дала слово подругам по своей сотне, что ночью «изнасилует» эту недотрогу.

Всеобщее уважение Хурсана получила после дня посвящения в наездницы. Процедура проходила так: новые воительницы, выбросив из-под ног пхъэшыку, стояли в строю. А старая Асей-уд, подходя к каждой и осматривая внимательно, называла кличку коня, после чего помощницы выводили названного коня и вручали новой хозяйке. Та тут же показывала, как она умеет управлять и ладить с лошадью. Говорили, что Асей-уд определяет с одного взгляда характер амазонки, и из табуна, который она изучила полностью, с одного раза точно подбирает ей совместимую пару.

Когда очередь дошла до Хурсаны, Асей-уд криво посмотрела на ее хрупкую фигуру и с некоей подковыркой в голосе назвала кличку лошади. Помощницы подвели к Хурсане очень высокую кобылу и, очевидно, неслабую, но с явно выраженной нежной конституцией. У многих это вызвало усмешку. Такой малопригодный свадебный набор. Асей-уд и сама знала, что эта кобыла кроме красоты не имела никаких достоинств, она была «дахамышэ» – «краса небегущая».

С первого взгляда Хурсана поняла, что ее оскорбляют, что насмехаются над ней Асей-уд. Но не подала виду, вежливо поклонившись.

нилась старой Асей-уд и без усилий, легко и плавно вмиг оказалась на кобыле. Точно на том месте, где лошади удобнее всего носить всадника. Незаметными командами, без рук Хурсана после нескольких шагов пустила кобылу в красивый легкий галоп. И эта гармония лошади и человека очаровала всех. Хурсана так же незаметно заставила лошадь перейти в быстрый намет. Асей-уд была в восторге. Но вдруг раздался неожиданный хруст, сдавленный храп – и кобыла, неестественно переломившись, падает и еще несколько шагов скользит по траве уже безжизненной тушей. А Хурсана, будто и не было быстрой скачки, без замешательства сходит шагом с падающего коня и спокойно встает на свое место в строю. Все разинули рты, воцарилась полная тишина.

Амазонки слышали сказки о том, как богатыри, не выражая вслух обиды, избавлялись от недостойного коня – передавив коленями грудную клетку и раздавив сердце. Но никто из воительниц еще не видел такого своими глазами...

Дышана подозвала Хурсану к себе и долго смотрела пристально на ее черты и тонкую фигуру, потом сказала:

– Да, сестричка, ты усердно и честно носила пхъэшыку! Выбери себе коня из всех табунов наших, сколько бы времени это ни заняло. Тебе поможет Асей-уд! – И, обращаясь к руководителю арсеналов, добавила: – У такой доблестной сестры должны быть и оружие, и доспехи соответствующие...

Через два дня Хурсана с Асей-уд и дюжиной всадниц направились в горы к табунщикам. Проскакав все лесистые холмы, они въехали в Урочище Игриных ягнят, и во время привала Асей-уд, которая уже души не чаяла в Хурсане, сказала:

– Девочка, я все время нахожусь в горах, езжу по табунам, вот и недавно побывала везде. Если ты настаиваешь, мы все объездим, но если ты мне, старой и глупой бабке, еще веришь, поехали сразу к твоему коню.

Хурсана согласилась. И они уже к обеду были на месте, под горой Хамгац¹. Здесь паслось стадо кобылиц с двухлетками, го-

¹ Гора в современном урочище Уаза.

довалыми и совсем маленькими жеребятами. Хурсана была немного раздосадована, но опять же не стала показывать свои чувства. Когда табунщики услышали, кого надо ловить, они почесали затылки и послали в соседние табуны за помощниками.

Собралось с полсотни человек с арканами наготове, и началось представление, доставившее Хурсане незабываемую радость. Еще молодой, около двух лет, но довольно молчный с виду жеребчик сразу понял, что его хотят отловить. Вроде бы только что здесь стоял, а как только приближались всадники с арканами – моментально исчезал. Куда он двигался, было видно по четкому следу, который он оставлял. Жеребец был настолько молниеносно резок, что оставлял за собой след из кобылиц и жеребят, лежащих на земле и барахтающихся, и не все после удара его груди могли сразу встать на ноги. Табунщики боялись, что, пока его поймают, он перекалечит весь табун. В конце концов, в результате исимоверных усилий удалось заарканить маленького Вагоижка¹ – так назвала его Хурсана, потому что он и был метеор. Так Хурсана выпала самая большая удача в ее жизни.

Через неделю ее провели в оружейные склады, где дали новую кольчугу с короткими брюками голубоватого оттенка, окаймленную по краям золотыми орнаментальными вязками и узором, выделенным золотыми клепками. Дали лук, налокотники и наколенники с золотым орнаментом, шлем из белого золота с выплавленными огромными аметистовыми камнями по нижнему краю и шестью лучами сверху до нижней каймы. Аметист здорово подходил к ее глазам. После этого ей вынесли широкий кольчужный пояс из красного серебра и такой же нагрудник. Но самое дорогое было впереди – ей выдали гибкую саблю, «гюж-змею», то самое страшное оружие, которым владели только амазонки!

Об этой сабле ходили легенды во всех землях. Целое войско отступает, когда полсотни амазонок достают эти сабли и начинают ими вертеть со свистом над головой! Все знают, что от этой сабли в ловких руках амазонок нет спасения. Элины называют саблю амазонок даром бога Ареса. И можно понять их. Чтобы

¹ Вагоиж – метеор (адыг.)

ранить противника бронзовым мечом, два грека полдня могут сражаться друг против друга, да еще и ни разу не задеть, потому что они защищаются латами, щитом, шлемом и подставляют меч. А ловкие удары амазонок гибкой саблей обходят все препятствия и, огибая их, достают сонную артерию, глаз, кадык и другие места, которые невозможно заковать в железо. И удается им это с первого или со второго удара. И невозможно защититься, если не было изнурительных тренировок именно против такой сабли, не изучены все виды ее непредсказуемых ударов.

Амазонки знали множество тайн и секретов и хорошо их охраняли, и все они были важны, чтобы иметь преимущества над другими народами, но секрет изготовления и закалки этих сабель-молний был величайшей тайной империи амазонок. И за утрату этой тайны могли полететь все головы в любой из крепостей – в буквальном смысле.

Ежегодно от Шхагуаши – верховной царицы – по всем крепостям разъезжалась комиссия, проверяющая, кому выделены эти сабли и как их охраняют. А мастерицы кузнецного дела, кующие эти сабли, были так засекречены, что никто и никогда не мог похвастаться, что видел или слышал таких, или что-нибудь о них знал.

После получения доспехов и оружия Хурсана начала готовить боевых собак. Это были собаки особой породы. Они не могли охранять стада, не могли сторожить хозяйство, но хорошо делали одно дело – встречали громким лаем нового человека в поле, в лесу. От своей хозяйки они убегали вперед на расстояние в два полета стрелы и обнаруживали засады лучников-охотников на воинское имущество – доспехи, лошадь, оружие. Если бы не эти собаки, убийцы могли бы здорово поживиться.

Хурсана взяла у хазеши¹ троих молодых, крепких собак и отдала их в три разные стаи для обучения. Опытные собаки сами обучали молодых. Через полгода тренировок она забрала их, очень аккуратно исполнивших свой собачий долг, разбегаясь веером впереди Хурсаны.

¹ Хазеши – собаковод (адыг.).

С собаками легко и просто. Другое дело – обучение боевых соколов. То, что амазонок одевали в драгоценные кольчуги и охраняли от лучников, еще не гарантировало им жизнь. Дело в том, что эти кольчуги, прекрасно отражая удары меча и коротких копий, легко прорывались длинными пиками, которые несли наперевес скачущие галопом два всадника. От таких атак было только одно спасение – боевые соколы, обучение которых занимало много времени, терпения и было весьма жестоким. Методика обучения заключалась в следующем. Хурсана сама выследила гнездовые сокола и наблюдала за ним до тех пор, пока соколята не стали хлопунцами, то есть махали и хлюпали еще недостаточно оперившимися крыльями. Затем она их выкрада и докормила до возраста взрослых соколов – пока не исчезла желтизна клюва. И когда появилась уже опасность, что они могут улететь, отдала их на обучение.

На первом этапе дрессировщица надевает им на головы кожаные мягкие мешочки, чтобы полностью были закрыты глаза и ушные отверстия, натягивает свободно свисающую веревку поперек комнаты. От ее середины протягивает вторую веревку к своей койке и привязывает ничего не видящих соколов прочной и тонкой третьей веревочкой длиной в один локоть к первой, чтобы они свободно могли сидеть, но никуда не улетали.

Лежа на своей койке, не издавая ни звука, она на протяжении двух суток дергает за конец второй веревки. Соколы от раскачивания падают с первой веревки, повисают на третьей, опять карабкаются и садятся на первую. Дрессировщица молча продолжает дергать. Соколы упорно лезут вверх, падают и опять лезут – потому что это соколы, они не могут висеть вниз головой, они должны сидеть. И лишь в конце вторых суток наступает момент, когда соколы, истратив все силы, повисают, как тряпки, на веревочках, с безжизненно обвисшими крыльями. Тут дрессировщица подает свой ласковый голос, делает вид, что недавно зашла в дом, отвязывает соколов, снимает с голов мешочки и дает им по кусочку бараньего курдюка, закопченного на ольховом дыму – и все! На всю жизнь соколы становятся зависимыми от этого лакомства. Это их счастье. И за этот кусок они готовы очень многое сделать.

А дальше начинается более долгий путь обучения, и он не заекречен, как первый этап. Хурсана становится на лужайке верхом при оружии, вокруг нее скачет десяток всадниц, направляя свои пики друг на друга и в разные стороны. И только какая-то пика направляется в сторону Хурсаны, как соколы бросаются на эту длинную палку и получают вознаграждение. Они уже научены – их кормили с такой же длинной палки, под острием которой был подвязан кусочек курдюка. Но не дай бог им перепутать и наброситься на палку, которая не направлена на Хурсану! Их не будут кормить, зашвырнут в пустые комнаты-клетки и будут долго морить голодом, положив неподалеку кусочек вожделенного курдюка с любимым запахом. Так кропотливо и долго учат их не ошибаться.

Следующий этап – соколов заставляют держаться высоко в небе, стреляя сразу же, как они окажутся в зоне досягаемости, тупыми, но болезненными стрелами. А затем перед боем хозяйки выпускают соколов – обычно по два, – и они сразу же занимают безопасную высоту выше полета стрел. Внимательно смотрят вниз. И как только кто-то начинает разбег, протянув в сторону хозяйки копье или пику, птицы очень быстро – гораздо раньше, чем атакующий покроет три четверти расстояния для атаки, – падают вниз и двумя мощными когтистыми лапами хватают конец копья, с огромной силой отклоняя оружие вниз и набок, втыкая в землю. При этом ездок не в состоянии усидеть в седле, лошадь иногда может устоять, но чаще всего большой момент кручения ее заносит и тоже сбивает с копыт. И даже если уцелеет ездок, не поломав шею или поясницу, то после удара оземь он будет в таком изумлении, что станет легкой добычей амazonки. Тут соколам и подкидывают опять куски курдюка.

Без обученных соколов молодых амazonок непускают в битву, потому что трудно будет им выйти живыми. Их тогда ставят на крепостные стены, в засады, туда, где не могут они быть атакованы всадниками с пиками.

Кроме соколов амazonки содержат и змей для борьбы с грызунами. Но самое удачное применение птиц и одна из самых интересных находок амazonок – простые сороки. Они защищают дома от всех непрошенных посетителей – от мышей, змей и так

далее по росту и размеру. Сорок попарно вылавливают силками и привязывают веревкой в два-три локтя к гнезду, заранее для них построенному на камышовой крыше. Гнездо могут ярко раскрасить, положить туда лоскутки и блестящие камушки. Птиц прикармливают, а затем, когда сороки отложат яйца в гнездо, отвязывают, потому что от кладки они уже никуда не улетят, тем более что их хорошо кормят.

Сороки стали символом домов свиданий, и все амазонки, образно выражаясь, называли друг друга дочерьми сороки. Дело в том, что на всех домах любви обязательно сидели сороки на крышах. Во-первых, они нужны были, чтобы не подглядывала любопытная молодежь, а во-вторых, свободный выбор пары с самых древних времен оставался источником ссор и обид. Молодых людей, недовольных выбором партнера, всегда было много, и они могли прийти разбираться, когда намеченный объект мести находился в самом неподготовленном виде. Поэтому и нужны были сороки, которые поднимали шум, разглашая всем, кто в округе, что угрожают их гнезду. А дома свиданий, которые должны были спокойно функционировать в полную нагрузку, занимали очень важное место в жизни амазонок.

У Хурсаны на крыше живет семья маленьких горихвосток. Они очень общительны и почти сразу привыкают к человеку в период кормления птенцов. Хурсана специально для них разводит опарышей в куске мяса и дождевых червей, подливая воду в кучу щепок, присыпанных глиной. Когда Хурсана по утрам выходит из дома и направляется к роднику для умывания, птицы щебечут, с нетерпением требуя или настойчиво прося помочь. И это все настолько выразительно и понятно, что Хурсана берет деревянную лопатку и нарочно делает паузу. Самочка садится на конец черенка лопаты и, повернувшись к Хурсане, глядя прямо в глаза, очень длинной тирадой просит. Хурсана делает вид, что не замечает ее, тогда птица перелетает ей на плечо или на голову и продолжает. А очень красиво разрисованный самец, волнуясь, переминаясь с лапки на лапку, сидит на ближайшей ветке, но не просит так усиленно и не рискует, подлетая близко или садясь на человека. То ли гордится своим пестрым опереньем из красно-черно-белых полос и огненным низом хвоста, то ли

не так переживает за детей. У самки окраска скромная, как у воробушка, но низ хвостика тоже огненного цвета – понятно, что ей более важна маскировка, а не пестрая одежда.

Хурсана берет опарышей в ладони, а самка – прыг, и быстро-быстро, набрав полный клюв, куда умудряется поместить четыре червя, улетает прямо к гнезду. Так Хурсана узнает, что у нее четверо птенцов.

Благодаря этим птичкам никто не может подойти к порогу Хурсаны незамеченным. Но это все относится к стратегическим секретам. Амазонки не выдают их никому. Даже ближайшие родственники – нарты – не могут узнать ничего, потому что они должны быть всегда в качестве просителей. Например, у нартов периодически бывают неурожай – будь то потоп, град, засуха или мор какой. А запасов они никогда, как правило, не делают. Оставшись без ничего, они приходят к амазонкам, которые всегда держат запас не только для себя, но и в расчете на нартское население, и в долг под приемлемые проценты получают все, что нужно. Кстати, нарты, зная, что будут защищены и от голода, и от врагов, заметно успокоились и обленились.

Основная масса нартов была хеттами – как и первые амазонки, появившиеся здесь позже нартов, но сохранившие культуру древних хеттов. Так уж получилось, что половина одного народа сохранила культуру, а другая половина – утратила.

Причину этого скрывает кровавая пыль древних жестоких сражений, которые почти не затронули устои мира амазонок, в то время как хетты были практически уничтожены. Последние их остатки, прячась от преследователей, прошли сквозь многие народы и земли, добрались до диких ущелий и повели битву за выживание. С течением веков они многое потеряли – письменность, секреты стали, знания в химии, – но освоились на новом месте, где основным и достаточным источником питания были собирание плодов, охота и рыболовство. Им больше не требовалось могучие познания и сложно устроенное государство.

Разведав эти горы и степи и убедившись, что здесь много крепкого и здорового населения, в том числе соплеменники, хетты окончательно ушли из Малой Азии, где густо пересекались

пути всех завоевателей и где недолго держались на жизненной арене, казалось бы, очень мощные цивилизации и народы.

Придя сюда, они заключили договор с амазонками. От хеттов нужна была любовь и помочь в строительстве крепостей, от амазонок – любовь и мощная военная защита.

По предложению местных жителей амазонки начали строить свои крепости из кольев и хвороста дикого ореха, который рос здесь в неограниченном количестве. Этот строительный материал уникален. Внешнюю стену крепости высотой в десять человеческих ростов, которую пешком можно было обойти хорошему ходоку в течение дня, выкладывали за один сезон. Изнутри позже пристраивалась вторая стенка с глиняной прослойкой, к этой стене с внутренней стороны были пришлеены жилища воительниц. Но самым первым сооружением, конечно, были дома свиданий. Здесь заключались все соглашения и контракты на продолжение строительства.

Преимущества местных строительных материалов были очевидны. По многим показателям плетенные из орешника крепости были лучшим выбором. Строить из камня в этих местах не было смысла, потому что ландшафт состоял из естественных плато и возвышенностей, на которых можно было месяцы, а то и годы находиться в осаде, не испытывая голода. Там же было место, где можно держать скот, леса на топливо, множество родников, а если иметь запасы копченого сыра, зерна и сущеного мяса, то можно было комфортно пережидать осаду, не испытывая никаких неудобств. Сами плетеные стены можно было делать почти неограниченной высоты – закончилась длина одного кола, добавляешь другой кол, просто втыкая его, лишь бы швы не были на одном уровне. К этим стенам также можно было приспособить сколько угодно этажей – как жилища, так и площадки для бойниц и смотровые башни.

По низу стены делались многослойными с прокладкой, которая и не горела и не разбивалась, то есть многослойные плетни, обмазанные глиной с добавлением извести и соли. Чтобы пробить эти стены снизу, нужно было сначала на что-нибудь встать. И одолеть эти слои топорами можно было только расположая временем, а осажденные не давали чувствовать себя воль-

готно тем, кто стоял внизу стены, начинавшейся над верхом естественного обрыва немалой высоты.

Обычные тяжелые тараны на колесах, которые разгонялись и били в стены или в ворота, здесь были непригодны – опять же из-за естественных высот, на самом краю которых начинались плетеные стены. Тяжелые каменные снаряды, успешно бомбардировавшие стены каменных крепостей, здесь просто отскакивали, а плетеные стены лишь слегка деформировались. Гибкости плетня хватало, чтобы без жесткого сопротивления смягчить удар.

Самым важным достоинством таких крепостей было то, что они возводились очень быстро ввиду простоты конструкции и обилия материалов. Дикий орешник можно было вырубать под корень, пуская и на топливо, и на колья, и на хворост. И так двигаться вокруг большой лесистой горы полосой, чтобы через два-три года, вернувшись на исходное место, опять увидеть густой лес пятиметровой высоты. У орешника корни не погибают, а от сплюшной вырубки лес только омолаживается. И наоборот – если его не вырубают, орешник может погибнуть, стареют и начинают болеть стволы, потом сухостои убивают всю корневую систему.

Всему этому амазонки научились на новых местах у народов, которые уже долго здесь жили.

* * *

Нахуна, как младшая, накрыла стол. Она достала из сухого пайка копченый сыр, мясо, чурек, кислое молоко и фрукты. Про себя Хурсана отметила, что и лошади напоены, и собаки грызут свою долю черствых уже чуреков. Хурсана и Нахуна пообедали вместе, но у Хурсаны не было аппетита, поэтому ела она очень мало. И тут она вновь обратила внимание на собак – они все усиленно грызли еду, кроме Парий. Старая собака, поднявшись, пристально смотрела на равнину. Парий неподвижно стояла, а потом подалась немного вперед и опять встала. Одна молодая собака попыталась этим воспользоваться и прильнула к чуреку Парий. Старая собака вмиг оказалась на месте и жестоко трепала молодую, пока Нахуна не отогнала ее.

Увидев всю эту картину, Хурсана начала беспокоиться. Она встала, подошла к краю настила и долго смотрела вдаль. Потом повернулась в сторону соседнего поста, где увидела, что часовой стоит на месте, снизу одна амазонка сидит и ест, а третья, которую Хурсана узнала по сверкающим достоинствам, стоит так же и смотрит туда же, куда и Хурсана. Это была Дахазиля¹, подруга Хурсаны и любимица всех амазонок.

Хурсана опять посмотрела на Парий, и тут же поняла ее взгляд. Умная собака чует больше, чем человек, но понимает меньше и не знает, что делать: лаять или молчать. Хурсана посмотрела на солнце и вслух сказала собаке:

— Ничего, Парий, скоро из-за наших затылков солнце будет светить туда, и все прояснится. Все, что я увижу, объясню и тебе.

Собака успокоилась и принялась за свой чурек, завладеть которым уже никто не помышлял.

Хурсана отошла от края настила и прилегла, думая немного вздрогнуть. Посмотрев в сторону соседнего поста, она увидела, что и Дахазиля тоже легла и немного успокоилась.

«Чуткая эта Дахазиля! — подумала Хурсана.. — Тоже смутно чувствует что-то, но не может понять. Эх, чистюля! Не терпит самого малого беспорядка».

Уже пяти лет от роду Дахазиля (ее тогда звали Надаха — из-за красивых лучистых глаз) начала проявлять интерес к своему внешнему виду. Была настолько чистоплотной, что, когда ела, пыталась «не задевать губами пищу», постоянно чистила себе ногти, платье, поправляла прическу, целый набор разнообразных палочек был у нее по уходу за зубами. Все цветы, плоды и растения она изучила на предмет использования их для щек, бровей, губ и рук. Уже в таком возрасте она могла сбросить не понравившуюся ей одежду и просидеть голой где-нибудь в сторонке, снося все жестокие наказания. Узнав об этом — случайно или по жалобе детской надсмотрщицы, — одна из влиятельных старух-уд запретила воспитательницам убивать в девочке эти странности, «не свойственные человеку», а, наоборот, приказала

¹ Да х а з и л я — красиво покрашенная (покрашенная — красящаяся) (адыг.).

поддерживать ее в этом. Никто не видел Дахазилю не накрашенной, не в сверкающей от чистоты одежде и в не начищенных до зеркального блеска доспехах. Она всегда была в белых сапожках и белой бурке.

Кроме чистоплотности она отличалась невероятной ловкостью и умом, легко постигала сложную военную науку, при этом умудрившись ни разу не испачкать свои тренировочные доспехи или белые сапожки. Так она и выросла не похожей ни на кого.

В одной жестокой битве враги, которых было раз в двадцать больше, чем амazonок, почувствовали свой шанс и наступали очень смело. По белой лошади и по блеску и чистоте ее доспехов они приняли Дахазилю за предводительницу и решили ее отбить и захватить. Они так ловко ее окружили, что Хурсана даже не успела осознать происходящее. Но Дахазиля не нуждалась в помощи Хурсаны, поскольку воевала так же аккуратно и обстоятельно, как одевалась. Используя небольшой просвет, который оставили ей враги, она пошла по кругу, и ее сабля ни разу не била по одной и той же шее два раза. Когда она и Хурсана, которая на своем Вагоинже успела разложить по земле уже половину войска, наконец, встретились в этом бою, Дахазиля стояла и спокойно вытирала белой гривой чужого коня свою саблю. И ни одной капли крови Хурсана не нашла ни на бурке, ни на коне, ни на попоне, нигде – только на окровавленной сабле!

Доехав до крепости, чистюля еще тщательнее дочистила саблю, полностью смыла все, что на ней было. Когда пришла очередь белого коня, она и его выкупала и сполоснула настойками ароматных трав. На удивленный вопрос Хурсаны: «А ты что, тоже испачкалась?» – Дахазиля ответила: «Да! Вся пропиталась запахом этих вонючих кочевников, просто никак не могу отмыться».

На вопрос, почему у Дахазили еще нет детей, хоть она и ходит в дом свиданий, другие амazonки шутя отвечали: «Пока Дахазиля помoет самца, искупает, обольет специальными настоями, смажет благовонным маслом, подкрасит ему что нужно, он уже от усталости падает и пачкает постель...»

Дахазилю часто приходилось стоять на посту дальней вышки, где днем дежурила одна часовая, а ночью – две посменно. Неда-

леко от этой устроенной на кроне дерева смотровой площадки находилось хозяйство дровосека, который по договору готовил дрова для крепости. У него были высокая стройная жена и дочь лет двенадцати.

Амазонке, ежедневно наблюдавшей за дорогой, проходящей выше их маленького дома, волей-неволей была видна вся жизнь семьи дровосека. И эта жизнь показалась ей такой неожиданно правильной, до невозможности свободной, доброй и красивой, что Дахазилия уже начала задумываться о многом...

Отец дома, высокий с седеющей бородой работяга, весь день работал: в могучем лесу были слышны звуки его топора, пилы и колуна, а вечером, когда приходил домой, девочка, ждавшая отца у ворот, подбегала и ласково обнимала его. Он брал ее на руки и заносил во двор. Жена тоже скромно, но очень нежно помогала ему раздеться по пояс, он умывался, одевался в свежую рубаху, и они садились ужинать.

Спустя месяц таких наблюдений Дахазилия поняла, что они действительно принадлежат всей душой друг другу, и это было очень чисто, понятно и светло, а главное – правильно! Эта жизнь и была правильной!

Однажды утром Дахазилия подъехала к своему дереву, пустила лошадь пастьись, забралась наверх и ахнула: девочка, дочь дровосека, с вздрогивающими плечами копала большую яму в центре двора. Рядом, накрытые буркой, лежали два тела. Глядя на это зрелище, Дахазилия впервые в жизни испытала горечь потери и пришла в такое бешенство, что захотела тут же скакать туда. Но вовремя вспомнила, что враги имеют привычку любыми способами выманивать с вышки дозорных. И даже если это не их уловка, в любом случае она не могла оставить пост до вечера.

И на таком расстоянии ей пришло наблюдать, как девочка похоронила своих родителей и, рыдая, упала на могильный холмик. А потом из лесу вышли двое, оттащили ее в тень грушевого дерева и, сорвав одежду, надругались. Потом бодрым шагом ушли к реке...

Дахазилия, едва дождавшись смены, поскакала к дому дровосека. Оставив лошадь в густых зарослях орешника и незаметно

пробравшись во двор, увидела следы ночной борьбы и убийства, в стороне лежала изодранная одежда.

Потихоньку Дахазиля открыла дверь и оказалась в полутемной комнате. Она еще ничего не видела, но чувствовала дыхание девочки, стоявшей в темном углу комнаты, и оно раздавалось на слишком большой высоте для ее роста. Вскоре глаза привыкли к темноте, и Дахазиля заметила, что девочка стоит на столе, на самом краешке. Подальше, через балку потолка, была протянута и привязана веревка с петлей, которую она собиралась накинуть на шею, но, увидев амazonку, остановилась.

Обычно дети ее возраста при упоминании об амazonках начинали дрожать от ужаса, настолько их пугали нечеловеческими повадками *нажгужидза*¹, как их называли нарты. А эта девочка стояла молча и смотрела, отрешенно о чем-то думая. Потом сказала:

— Ты красиво одета и от тебя исходит аромат. Наверное, ты и есть знаменитая Дахазиля?

Тут же бросив петлю и спрыгнув со стола, девочка встала на колени:

— Ради всех богов прошу, возьми меня в амazonки и научи военному делу! Я должна отомстить! Не откажи мне! Только у вас настоящая жизнь!

Но ответить Дахазиля не успела — со двора послышались голоса:

— Где ты, наша дикая козочка, покажись! Ты нам еще один раз нужна, а потом догонишь папочку, ма...

Вошедшие в комнату не договорили: два тяжелых костяных с металлическими наконечниками метательных костиля, брошенные одновременно с обеих рук, по самую рукоятку вошли им в грудь, пробив именно то место, где должны были находиться сердца.

Потом Дахазиля взяла девочку за руки и к ночи они уже находились в крепости, стоя перед высшим советом уд. Когда Да-

¹ Н а ж г у ж и д з а — войско людей с гормональными отклонениями, то есть амazonок (адыг.).

хазилия всех уведомила о случившемся, самая старая – Нана Кяго – сказала:

– Два тысячелетия назад наша империя началась с двух таких сирот-сестер. Ей нельзя отказывать.

Никто не возразил этим словам, а, наоборот, каждая пыталась помочь девочке, предлагая свои услуги, советы...

Таким образом, известная нам Нахуна стала амазонкой – правда, не совсем полноценной, потому что учить ее военному искусству было уже поздно. Но благодаря уму, старанию и честности она заслужила уважение амазонок.

* * *

Хурсана почувствовала взгляд. Она быстро посмотрела вниз и увидела, что все собаки настороженно смотрят ей в глаза. Хурсана тихо, но властно дала им команду: «Ату!». Сейчас же собаки рассыпались веером по кругу. Те, которые бежали к крепости, время от времени останавливались, оглядывались, смотрели в сторону равнинных лесов.

Хурсана мигом поднялась наверх и напряженно стала смотреть. Она сожалела, что ветер, который обычно вечером дует со стороны гор, утих, отчего собаки не различают запахи. Но все же они определенно что-то чуют.

После долгого изучения глазами всех знакомых домов, дорог и даже деревьев Хурсана отметила, что дикая груша, находившаяся на краю поля на расстоянии от вышки в получасе хорошей скачки, с одной стороны слегка «подстрижена». Она хорошо знала это дерево, потому что останавливалась подле него и утоляла жажду, не сходя с седла – съедала несколько сочных и сладких груш. Как раз этих веток, с которых она в последний раз оборвала плоды, и не было на месте. Их срезали проезжие верховые люди. Нарты этого не сделают никогда, потому что плодовое дерево их кормит во время полевых работ, а если срезать ветки, то уменьшится тень, под которой они прячутся знойным летним днем и спят в обеденный перерыв.

Хурсана посмотрела на вышку Дахазили, она тоже стояла на ярусе постового и смотрела в ту же сторону. Между прочим, ве-

тер стих. Если безветрие продлится шестую часть дня, собаки могут что-то унюхать, а до темноты осталось как раз столько.

Солнце опустилось до того положения, что смотреть вдаль стало очень удобно. Хурсана заметила, что ветки, срезанные на верняка с груши, лежат с краю леса, на них сидят вороны. Значит, ими прикрыли труп скотины, какой-то дичи или... Нет! Надо ехать на разведку. Это еще не повод для подачи сигнала.

Но что же происходит за полем, где стоит то дерево? Там большая роща, за рощей сенокос – широкое плато. На том плато стоят шесть вышек, откуда нет сигналов. Их охраняют беспечные нарты, которые в эту пору сидят с косарями, пьют запасы бузы и едят жареное мясо. Стоп! А где костры косарей? Они сейчас должны уже греть воду на пасту¹, иначе будет поздно! Косарей не может не быть и поваров тоже не может не быть! А повара, соответственно, без огня и дыма не могут обойтись. Если их взяли вместе с постами сигнальных вышек, то враги не додумались развести костры, из чего следует, что они не косят. Значит, это кочевники из-за моря, люди степей! Это большое войско, и они не могли незаметно пройти хеттов и скифов в устье Индыла². Значит, это морской десант! Надо ехать в крепость и оповестить всех.

Вдруг она почувствовала, что ветер дует как-то вдоль гор и иногда резко меняет направление, будто к непогоде. Хурсана дала команду девушкам быть готовыми ко всему. И посмотрела на соседнюю вышку, которая была немного ближе к тем сенокосным лугам. Дахазиля показывала на своих собак, которые стояли на краю небольшого увала и все смотрели в одну точку. Хурсана видела, как собаки нюхали воздух, и ноздри их четко были направлены на плато.

И когда все они залаяли, Хурсана и Дахазиля одновременно подали знак: «Запалить!» Постовые схватили мешки с кремнем и кресалом, разорвали специально подобранные непрочные шнурки, достали все и сели на корточки. А собаки разбежались искать лучников. Обе стоявшие на посту девушки к этому време-

¹ П а с т а – густая пшеничная каша, употребляемая вместо хлеба.

² И н д ы л – Волга.

ни успели взять горшки для угля, разгрести камыш, высыпать золу с углами в солому, что на обеих вышках дало маленький белый дымок. Затем, разгораясь все больше и больше, показалось яркое пламя.

Отбросив вниз уже не нужные мешочки с огнivом, девушки еще немного подождали, пока огонь не добрался до промасленных слоев сосны и не пошел более темный дым. Затем они спрыгнули на спальный стеллаж и, наспех собрав кошму и продукты, соскочили на следующий, складской стеллаж, где Нахуна успела уже почти все прибрать.

Хурсана и Сана посмотрели вокруг и с удовлетворением отметили, что по всему предгорью цепью зажигаются сигнальные вышки и в крепости уже звенит колокол – «богобудящий». Немного успокоенные, они оседлали коней и со всеми созванными собаками и соколами поскакали к крепости, где на полпути их встретило подкрепление.

Командовавшая подкреплением сама Дышана выслушала Дахазилю, которая была старше остальных по возрасту. Дахазиля рассказала, что собаки почувствовали большое количество людей и лошадей в долине реки Баксан, за Чубатым увалом, кроме того, нет огней для приготовления пищи, охранников на вышках и косарей на лугах – они все попали в плен. При этих словах Сана вздрогнула, вспомнив, что Хатаг должен был ехать на сенонос сегодня.

Дышана приказала Дахазиле и Хурсане получить сабли и ехать на разведку. Дахазиля отказалась от сабель – это потеря времени, к тому же, если врагов много, они с Хурсаной все равно не успеют их перебить, пока не подоспеет помощь. Сана тут же вызвалась поехать третьей, но неожиданно резко и не очень уважительно по отношению к старшей подруге вмешалась Хурсана с категорическим «нет».

Отдав подкреплению все лишнее, а также собак и соколов (собаки не могут бежать на такое длинное расстояние, соколы ночью неэффективны), две подруги поскакали в путь через нартские села, жителей которых они должны были отправить по трем маршрутам. Одних – по кривой дороге Маращ, мимо крепости по Грушевой горе, через Могилу святого, к Черному кам-

нию и к подножию горы Игриных ягнят, других – туда же, но через Каменную лестницу. Третих – через Ущелье водопадов и белые глины к Свистящей горе. И если врагов окажется больше, чем сможет остановить крепость, и она падет, то всех детей и слабых с продуктами нужно будет спрятать в пещеры в районе горы Кабана и Собаки, а в селах никаких продуктов не оставлять: уходя все сжечь, ничего не жалея и не пытаясь спрятать.

В первом же нартском селе люди спешно собирали скарб и провизию. Подскакав к дому старой амазонки-смотрительницы и передав ей приказы Дышаны, подруги двинулись дальше. По пути Дахазиля спросила Хурсану:

– Чем сегодня Саня так вывела тебя из равновесия? Своей глупостью?

– Нет, сдается мне, что на поле под Махогапсом лежит труп ее возлюбленного Хатага!

– Я ничего такого не заметила, – возразила Дахазиля.

– А с твоей вышки не видно дерева.

– А что, Саня любит по-настоящему? – помолчав, спросила Дахазиля.

– Кажется, да.

Когда подруги, побывав во всех трех селениях, уехали от них подальше, над селами поднялся дым – там исполнялся приказ Дышаны.

В сумерках они доскакали до поля под плато Махогапс. Хурсана показала на обрубленный край веток грушевого дерева. Дахазиля оценила наблюдательность подруги – по следам было видно, что здесь произошла хорошая драка: Хатаг сбил с седла одного врага, который потерял много крови, и поскакал дальше на середину поля. Он надеялся, что с вышки его увидят, хотя солнце с утра было не совсем удачно для этого расположено. Но, не доехав до середины, поднял с земли увесистый дубовый сук, который нарты использовали для крепления копны, чтобы ветер не разметал сено. Этим оружием он выбил мозги у двух врагов, но остальные, не подъезжая близко, выпустили в него три стрелы – а Хатаг был одет только в грубую домотканую рубашку, – из которых одна попала прямо в сердце. Убийцы вытащили свои

стрелы, закидали труп Хатага срезанными ветками и уехали, забрав его лошадь.

«Эх, Сана! Как же ты прозевала свою любовь! Я-то думала, ты с него глаз не спустишь, пока он не заедет в лес. Лучше бы ты по меньшему гляделась в меч и гладила брови», – подумала Хурсана.

Как только въехали на сенокос, увидели из большой и глубокой поймы реки огромное зарево. Враги, заметив сигнальные огни, уже не скрываясь, стали сушиться и готовить пищу для завтрашнего дня, который будет жарким. А амазонки разделились и поскакали к обоим краям костров.

Когда Хурсана доехала до обрыва и посмотрела вниз, она была поражена количеством костров. Считать было бесполезно: на вскидку их примерно с десяток тысяч, и если около каждого сидят только по три человека (а могло и по пять), то врагов все равно в пять раз больше амazonок всей крепости! Откуда они пришли и как оказались здесь незамеченными?! Это, видимо, очень организованное и обученное войско.

Оставив своего коня в густых зарослях терновника, Дахазиля, минуя двух постовых, очень близко подошла к кострам, благо ветер шел от них. В кадыке каждого постового аккуратно оставила по дырке от метательных костей. Но дальше не могла идти без очень неприятной для себя процедуры, на которую решилась с большим трудом. Чтобы враги не ослепли от блеска и белизны и чтобы все войско не погибло от чихания из-за ее аромата, как потом шутили в крепости, ей пришлось залезть в грязную черную лужу и полностью до корней волос извозиться в ней. А великолепный шлем, инкрустированный золотом и алмазами, она окунула в грязь, намотав на него предварительно какие-то длинные камышовые корни. По всей вероятности, днем там отлеживались буйволы, хорошокрасив лужу своими испражнениями и заодно создав аромат, который был вполне пригоден для данных обстоятельств.

В таком виде Дахазиля долго ползла к реке, пробираясь через весь лагерь. Забравшись в воду, она с удовольствием отмылась от всей грязи, хотя вода была колюче-холодная, и начала искать по сторонам дерево-плывун. Среди множества выкорчеванных пней амазонка нашла деревце с небольшими корнями и раздвоенным

стволом. Плюхнув его в воду, она спряталась между стволами, как между ног человека, и поплыла вниз вдоль расположения войска, считая палатки и воинов вокруг них. Она определила, что маленькая палатка принадлежит сотнику, а большая – тысячнику, поэтому стала считать только большие палатки.

Дахазиля сразу подумала, что это восточный народ, но никак не могла убедиться в этом, пока не увидела человека, видимо большого начальника, который, искупавшись в реке, оделся в шелковый халат с драконом на спине, как у Курука. Она поняла, что это чинты¹. Но как они сюда добрались незаметно? В устье Индыла прибрежные хетты обязательно заметили бы их. Значит – через Каспийское море. А где они взяли флот? Непонятно! И говорят на нелонятном языке. Но вот начались обозы – крытые фургоны-брички с какими-то интересными колесами на спицах и с медным ободом.

Около этих телег костров не было, а часовые охраняли связанных людей, лежащих прямо на песчаном берегу. Она услышала язык аланов или кипчаков, но нескольких слов, которые она знала, было явно недостаточно, чтобы понять эту речь. Она поплыла дальше и вдруг – удача! – рядом заговорили на диалекте прииндыльских степных хеттов. Дахазиля бесшумно направила свой «корабль» между двумя валунами и закинула плывун у берега, на мелководье. Потом, выйдя на сушу и легко убрав двух сторожей, подползла к пленным, освободила одного и отдала ему свой подмеченный нож², шепотом сказав им, чтобы тихо развязались. Старик очень шустро развязал всех хеттов (а их было около двух десятков), и они все поползли к воде. Здесь Дахазиля оставила себе пять помощников, а остальным приказала через кусты пробраться за конец лагеря и ждать, притаившись там, потом идти на крик дикого селезня, повторяющийся по три раза, с паузами.

Вместе с легкостью вытащив «корабль» Дахазили из плена валунов, они поплыли дальше. Когда Дахазиля насчитала два-

¹ Ч и н т ы – китайцы.

² П о д м е ч н ы й н о ж – маленький ножик для хозяйственных нужд, хранящийся с внутренней стороны ножен меча.

дцать девять больших палаток, она услышала шепот одного из хеттов. Позже он представился как Хапий. Очень грязный и вонючий, он прошептал ей на ухо: «Ваши, которых сегодня поймали, находятся над этим берегом!» Дахазиля приказала удержать дерево-плот, а сама полезла под крутой берег. Осторожно выглянув, она увидела, как в тот же момент двое часовых, схватившись за горло, с негромким хрипом упали на песок и бесшумно задергались. Третий не успел повернуться на шум: он с тихим хрустом странно переломился назад, упал и больше не шевелился.

Дахазиля сразу поняла, что это работает Хурсана, и подползла к ней. Хурсана удивленно посмотрела на ее шлем и мокрые сапоги, облепленные песком и грязью. Дахазиля была обижена подобной бестактностью. «Я это запомню!» – подумала она.

Быстро развязав нартских косарей и горе-часовых, они всей группой, пыхтящей, тяжело дышащей перегаром и вразнобой тыкающей в небо задницами, благополучно добрались до реки. Бросив плывун и перебравшись на противоположный берег, они попали на хлебное поле, вытоптанное вражеским войском. Дахазиля и Хурсана сложили подсчитанные палатки (всего получилось сорок две) и ушли со своим безоружным, не считая оружия убитых часовых, отрядом вниз за лагерь противника. Здесь они позвали по-утиному остальных освобожденных – всего около сорока человек вместе с подростками-водоносами при косарях.

Дойдя до места, где Хурсана оставила лошадь, они остановились. А Дахазиля пошла к своей лошади. Хурсана приказала всем бывшим пленным идти по направлению к горе Игриевых ягнят, а сама взяла старика Хапия к себе на круп лошади и поехала в сторону Дахазили, которую пришлоось ждать, так как она принимала ванну в роднике Кишпек. Когда Хурсана подъехала, на Дахазиле все было бело и чисто: бурка, обшитая по краям золотым кантом, белая попона на всю спину лошади, белые сапоги и сверкающий шлем.

Хурсана переживала, что идти за другими пленными в лагерь противника уже нельзя – враги наверняка обнаружили трупы своих солдат. Но теперь, увидев, как одета Дахазиля, она поняла,

что по пути их обязательно встретят будущие китайские пленные. Так и случилось. Правда, Дахазиля, когда к ней приблизилась Хурсана с вонючим Хапием за спиной, многозначительно посмотрела на то, как этот дед плотно обнял Хурсану и прижался к ней. Дахазиля была отмщена, на что Хурсана слабо и незаметно улыбнулась.

Как только выехали в поле, где лежал труп Хатага, тут же столкнулись с десятком всадников. Они выскочили из леса, молча и самонадеянно преградив им путь. Хурсана спустила Хапия на землю, и тот моментально исчез за первым же деревом, так что китайцы не успели моргнуть. Хурсана коротко и тихо что-то сказала Дахазиле, и они обе, вытащив из ножен короткие мечи и мелко, как бы испугавшись и дрожа, тряся оружием – Хурсана впереди, а Дахазиля сзади, – медленно двинулись к китайцам. Самый здоровый китаец тоже что-то ляпнул своим и, вытащив огромный горбатый и кривой меч, тронулся навстречу. А остальные скучились, забыв от смеха про осторожность. И как только тень грузного китайца закрыла Хурсану от остальных, верный конь Вагоиж так резко и молниеносно прыгнул на него, что китаец полетел прямо на своих товарищей, которые ничего не успели понять.

Хурсана оказалась с фланга их шеренги, и Вагоиж в два-три прыжка перемешал всех: и лошадей, и людей, и пыль. Когда Хурсана, пропахав или проткнув этот строй, развернула Вагоижа для третьей атаки, ей уже нечего было делать. Оказалось, что Дахазиля очень плотно ехала за ней и аккуратно освобождала лошадей китайцев от лишнего груза – голов и рук хозяев. Хурсана заметила двух безоружных китайцев, очень быстро семенящих к лесу своими короткими ножками, и пустилась вдогонку. Но они не добежали до леса – оттуда навстречу с огромной кривой палкой выскочил Хапий и оглушил одного. Второй, испугавшись такого диковинного и страшного на вид оружия, остановился. Тут подоспела Хурсана и по-хозяйски подсунула обоих себе под ноги, прижимая к бокам лошади с двух сторон. Китайцы моментально обняли ее ноги. Когда все кончились и лошади китайцев, поднявшись, ускакали в поле, трое коней еще тащили

по земле останки своих воинов, а остальные уже спокойно лежали под ногами у двух всадниц.

Первым заговорил Хапий:

– Раз мне не удалось поймать себе коня, я пойду пешком, теперь у вас груз и вам надо быстрее доехать.

При этих словах он снимал с трупов их огромные мечи и уже два успел на себя повесить.

– Нет! – сказала Хурсана. – Мы не можем тебя бросить, ты слишком много видел, еще понадобишься для сведений.

Поняв, что возражать бесполезно, старик молча направился к крупу лошади Дахазили. А та позеленела так, что даже при лунном свете Хурсана это заметила. Она не могла так жестоко наказывать Дахазилю и позвала Хапия к себе, протянув Дахазилю одного «трофейного» китайца. Но Дахазиля, посмотрев и погрогав пульс на шее китайца, сказала:

– Этот мертв, дай другого, который еще гладит и обнимает твою ногу.

Хурсана, убедившись, что последний китаец жив, только «пьян от восторга» и гладит ее ногу, помогла ему перевеситься через круп лошади Дахазили. А Хапий, взобравшись на коня позади Хурсаны, еще крепче сжал ее талию, что заметно обрадовало Дахазилю.

С рассветом всадницы подъехали к крепости, где для них сразу же опустили ворота и они оказались перед строем. Было заметно, что крепость готова принять непрошенных гостей. Кипели большие котлы с жиром и мазутом, повсюду на стенах залегли лучницы, огромные кучи стрел лежали на полках по обеим сторонам бойниц. Пять метательных аппаратов были загружены массивными горшками, закрытыми толстой кожей и наглухо завязанными. Еще три таких готовых аппарата стояли, заряженные плетеными сапетками, которые изнутри были гладко обмазаны, а сверху открыты. Далее стояла отборная конница в полторы тысячи воительниц с соколами и собаками.

С самого края плаца, в низине, за очень крепким жердевым забором стояло стадо огромных бугаев с привязанными к спине,

пропитанными жиром снопами соломы. Быки пыхтели, с шумом выдувая воздух через широкие ноздри. Везде по периметру стены стояли лучницы в нарядных доспехах, начиная с десятилетних, заканчивая семидесятилетними. У каждого отряда были амазонки-лекари. В их заплечных мешочках хранился перевязочный материал и питье, которое пьянит, одновременно снижая боль и обеззараживая раны.

Когда прибывшие, минуя все ряды, остановились около Дышаны, из строя вышла Нахуна и с нескрываемой гордостью за свою подругу поддержала уздечку коня Дахазили. Но когда они вдвоем сняли китайца и он оказался на коленях перед Дышаной, вся крепость неудержимо начала хохотать. Нахуна посмотрела на Дахазилю, которая была вся в белом без единого пятнышка, и не нашла к чему придраться. Но когда испуганная лошадь повернулась другим боком, Нахуна с ужасом увидела желтую полосу на шитой золотом белой попоне, а Дахазиля, зажав нос, стрелой слетела с лошади и в ужасе побежала к ручью. Оказалось, китаец то ли от страха, то ли от тряски и многочисленных подбрасываний, после которых он опускался на живот, обгадил бок коня. Нахуна молча взяла под уздцы лошадь подруги и повела к ручью, ниже по течению от того места, где голая Дахазиля сидела в большой деревянной бочке.

Хохот утих только тогда, когда Дышана подняла руку с саблей, хотя еще долго здесь и там хихикали. Хурсана рассказала все, что произошло с момента получения приказа и до приезда. Когда рассказ дошел до места о подвиге Хатага, все посмотрели в лицо Саны, которое сильно изменилось, ужас застыл в ее глазах. Хурсана незаметно пожала ей крепко руку в знак поддержки и во всеуслышание заявила, что можно брать пример с человека, который без оружия, сидя верхом на рабочей кляче, сумел перебить вражеский отряд, состоящий из отборных воинов.

Все войско амазонок, обнажив мечи, отдало честь геройству простого земледельца.

Спустя некоторое время, после допроса чинта, которому до этого дали возможность отмыться, и после рассказа старого Ха-

пия, во время рыбалки в устье реки Гум¹ попавшегося в руки китайцев, Дышана разгадала весь замысел врагов.

Это действительно были чинты — китайцы, они пришли в устье реки Гум, в камышах стоит большой флот и ждет их. По словам Хапия, они целый день выгружались, но лошади были пригнаны со стороны устья Индыла.

Вечером они двинулись вверх по течению Гума, ничего по пути не оставляя. Они всех брали в плен, сортировали, трудоспособных гнали с собой, а к остальным, загнав их в кошары или конюшни, приставляли охранников. Но хитрый Хапий заметил, как эти охранники очень быстро догоняли основной отряд, и одна и та же команда несколько раз оставалась в охране, а к утру опять оказывалась в арьергарде войска. Скот и имущество не трогали, видимо, оставляя как провизию на обратный путь. Угнанным людям говорили, что они нужны для перевозки лесоматериалов на корабли.

Двигались китайцы ночами, маскируясь под кочевниковскотоводов, при необходимости пряча оружие и воинов в крытых повозках. Спустя две недели они оказались у реки Балк², после чего их разведчики за ночь очистили много сторожевых вышек и, не боясь ничего, совершили очень быстрый переход от Балка до Баксана. Здесь, видимо, было задумано ночью убрать все посты и к утру неожиданно подойти к крепости.

Пленный чинт рассказал, что это самое отборное войско великой Китайской империи, состоит оно из сорока тысяч непобедимых в единоборстве воинов, которые виртуозно владеют мечом, копьем и метательными орудиями, что их мечи особой формы и бьют в три раза сильнее, чем прямые мечи такого же веса. Они также имеют много тяжелых устройств, метающих огонь и камни. При всем этом они хорошо знают могущество империи амазонок, им необходимо захватить крепость, только чтобы взять в плен кольчужниц и оружейниц, а также дрессировщиц соколов. Но самое удивительное — они хотят сперва удивить амазонок своей доблестью и позвать их с собой доброволь-

¹ Гум — Кума.

² Балк — Малка.

ю, а там, на родине чинтов, дадут им отдельный белый город из камня и будут с ними жить и делать детей.

После того, как китаец через переводчицу рассказал все это, Жамнаго подошла к осмевшему пленнику и неожиданно сорвала с него штаны. Все начали хохотать и показывать пальцами, давая понять чинту, что с такими данными к обещанному им белому городу амазонки не подпустят никого на расстоянии выстрела. Чинт, ничего не соображая, внимательно посмотрел себе под пах и натянул штаны.

На высшем совете амazonок были подведены итоги. Китайцам нужны секреты их вооружения и доспехов. Воевать со всей империей не придется, сюда они бросят тысяч двадцать пять, а остальные, разделившись поровну, займут высокие берега двух ближайших рек по обеим сторонам крепости и перекроют путь подмоге из других крепостей.

Мудрая Дышана послала во все крепости гонцов с просьбой дать по тысяче всадниц, которые должны встретиться и ждать отступающих китайцев на реке Балк, а там видно будет, что боги пошлют. «Мы не дадим китайцам ничего, даже куска хвороста из нашей крепости!» – заявила она на высшем совете.

* * *

Жизнь в крепости пришла в быстрое, но отработанное и отрепетированное движение, предшествующее осаде. Срочно загнали стада, завезли хлеб из близлежащих сел, где запасы надо было ликвидировать, не оставляя врагу. Со всех крыш были сняты соломенные и камышовые кровли и попрятаны в специальных сараях, обмазанных свежей глиной. На время закрывался и дом сороки, что добавило ненависти к врагу многим амазонкам, во главе с Жамнаго. Из деревни, где жили больные амазонки, забрали всех в крепость и вывезли стрелы, которые обычно они изготавливали.

Услышав про запас стрел в доме одногой амазонки Курацы, Саня вызвалась быстро туда сбегать и вылетела в открытые еще ворота села под названием Сто крыши (Щэунашхэ). Других больных уже не было, кроме одногой. Они вместе перекинули через седло лошади стрелы, а Саня помогла Кураце залезть на

круп коня, где она не чувствовала себя ущербной. Когда Саня хотела сесть в седло, Кураца, нагнувшись, взяла ее руку и очень серьезно выразила ей соболезнования, потому что она слышала, что бедная девочка потеряла любимого.

Здесь Саня не смогла уже сдержать слезы. Она плакала, прижавшись к единственной ноге сердобольной калеки, и рыдала по-женски. Рыдала и калека Кураца.

Потом Кураца вдруг резко замолчала и, подняв обеими ладонями лицо Саны, спросила:

– Ты ведь лучшая лучница крепости?

Сана, еще рассыпая слезы, кивнула и успокоилась.

– Хочешь отомстить так, чтобы весь Китай запомнил тебя?!

– А как? – выпетело у Саны.

– Если у тебя хватит духу и ты не боишься высоты, я покажу тебе место, где они не смогут тебя обойти и достать. А ты их будешь убивать, пока не устанешь.

– Поехали! – крикнула Саня.

– Нет. Сперва зайдем вон в тот сарай, где работали веревочницы. Там у них замаскированный погреб, а вход в него расположен в самом дальнем углу сарая. Возьми оттуда веревки на десять арканов.

Сана быстро вынесла целый мешок черной веревки из конского волоса, который служил для изготовления аркана. Погрузив все на выночного коня, они рысью пустились по направлению к очень высокому обрыву. Саня и сама заметила, что на самом верху отвесной стены есть узкая, темная щель, но думала, что это просто промоина.

По пути Кураца рассказала, что это древнее укрепленное гнездо местных стрелков, и там есть небольшая пещера, практически не доступная для стрел снизу, потому что редко кто может пустить стрелу так высоко, а если и случится такое, то стрелу, долетевшую туда, можно ловить рукой – она уже неопасна. А пущенная сверху стрела насквозь прошивает все, настолько она ускоряется.

Когда они въехали на скалу, расщелина пропала из виду, но Кураца хорошо знала это место. Привязав к дереву и спустив с обрыва другой конец веревки, она сказала Сане:

- Теперь давай спустим стрелы.

Они на двух веревках спустили стрелы, стоя за деревьями и постепенно с одинаковой скоростью отпуская веревки. Когда Кураца убедилась, что стрелы находятся на нужном уровне, она крепко привязала один конец к дереву, и стрелы повисли на одной веревке. А Сане она велела спуститься по первой веревке.

Сана ловко спустилась и прямо перед собой увидела расщелину. Она показалась ей чересчур узкой. Раскачиваясь на веревке, Сана лишь на пятый-шестой раз зацепилась за вход и тут же оказалась в сырой пещере. Здесь было прохладно, и где-то, как в глубокую чашу, капала вода. Сана, сняв с пояса конец веревки, подтянула стрелы и благополучно втащила их в пещеру. Когда она отпустила освободившиеся веревки, Кураца их подтянула и забрала.

Стало тихо. Когда глаза привыкли к темноте, Сана увидела кучу костей животных, остаток костища, небольшой запас дров и стгнившую лежанку из соломы и кошмы. У передней стены возле щели стояла дверь-заслонка двойного плетения. Сана по-тихоньку передвинула ее. Оказалось, что она очень хорошо закрывает входную щель, а небольшая дырка в плетенке, куда можно было высунуть голову, при этом, видимо, служила окном. Сама плетенка была уже заплесневелой, но прочной, как щит.

Сана поняла, что место идеальное: левый берег реки пологий, заросший облепихой, шиповником, боярышником. Чтобы там проделать проход, нужно было трудиться очень долго. И целому войску будет очень сложно оттуда выкарабкаться.

Правый берег находился в излучине реки, а над самой серединой находилась пещера, под которой вода текла широким, неглубоким плесом. Неприятель никак не мог пройти под стеной, кроме как этим узким проходом в полсотни шагов. А добираться до пещеры было невозможно, так как стена имела отрицательный уклон, и только свесившись сверху и раскачиваясь, как на качелях, можно было достигнуть входа.

Тут Сана услышала шум приближающегося войска. Потому как ветер дул в ее сторону, шум не мог свободно распространяться, но и то, что слышала Сана, было нечто немыслимое, огромное. Не просто цокот копыт, как у группы воинов. Могучее

войско быстро двигалось по гравию и песку и поднимало такой хруст и треск, что от всепоглощающего шума у Саны начался нервный зуд. Такого необычного звука она еще не слышала и, как бы пытаясь перекричать этот шум, завопила:

– Вы попали моему Хатагу в сердце?! Даже побоялись подойти к нему, безоружному, который крошил вас палкой, как скотину! Вы стреляли втроем, и только один попал в сердце, с тридцати шагов! Вы попали ему в сердце, в его сердце! – в отчаянии металась она по узкой пещере. – В сердце, с тридцати шагов! А я, Сана, безродная дочь сороки, попадаю со ста шагов в колечко. Мне не понадобится тридцати шагов, и не нужно, чтобы вы, как мой Хатаг, были в холщовой рубашке. Я найду в ваших доспехах дыры, которые ведут в ваши жестокие сердца. Я видела ваши доспехи, там под мышками как раз есть доступ к вашим поганным сердцам. А потом я буду стрелять в ваши глаза, уши, сонные артерии, и я не промахнусь ни разу! Я, Сана, дочь сорочьего дома, незаконнорожденная, как говорят народы, но на самом деле я хеттская нарыбгей! Я нажгужидза, ваша смерть и высшая кара!

С этими словами она через маленькую щель пустила первую стрелу в разодетого тысячника, сидевшего на очень высоком жеребце. Он скакал впереди всех и оборачивался для подачи каких-то команд. Никто не понял, откуда появилась стрела, и все, разинув рты, смотрели по сторонам и вверх. Сану развеселили их окосевшие лица, и она начала выпускать стрелы одну за другой с невероятной скоростью. Уже набралось с десяток трупов, пока китайцы с трудом начали соображать, что надо каким-то образом спасаться. Они стали в суматохе метаться, чем усугубили свое положение.

Сана забыла все на свете. Она сосредоточилась на нескольких плавных движениях: схватить из охапки стрелу, высунуться в окошко, моментально найти цель – под поднятой вверх и держащей над головой щит рукой китайца – и всадить стрелу.

Когда первая сотня ринулась назад, в узком проходе началась давка. Сана воспользовалась этим и успела уложить не менее полусотни врагов. Потом она решила пойти на хитрость – начала стрелять в пятки коням. От адской боли десяток коней натвори-

ли больше, чем полсотни ее стрел. На протяжении ста пятидесяти шагов под ее «крепостью» творилось что-то невообразимое, раненые кони носились, топча всех, а оставшиеся без прикрытия щитов всадники получали стрелы беспрепятственно в сердце, глаза, кадык, в шею сзади и в бока.

Гарцуя на вороном скакуне Саны, одногая Кураца не стала слишком отдаляться от места битвы. Она спряталась в лесу и решила помочь отважной лучнице, чём удастся. И когда в ходе великой битвы Саны китайцы с десятком метательных ножей за поясами вползли на верх обрыва и, привязав веревки, стали ловко спускаться вниз к расщелине, Кураца поняла, что настало ее время. Наверху оставались пять-шесть чинтов, которые следили за узлами веревки, стоя у деревьев. А от деревьев до обрыва было шагов десять. С ними она бы справилась, если бы носила доспехи, но на калеке был только узкий нагрудник, импровизированный, почти бутафорский шлем и платье с поясом. Правда, в руке ее старый, хорошо отточенный и ухоженный короткий бронзовый меч.

До того, как они спустились, Кураца успела сосчитать, что метателей двадцать пять. Она решила, что столько врагов в ее хорошие времена было маловато, но для калеки – сойдет. Старая амазонка, выкрикнув и ударив плашмя мечом в круп лошади, сорвалась с места и понеслась по узкому пространству между обрывом и деревьями. Свесившись с лошади и проводя острым мечом по натянутым поперек кожаным, пропитанным маслом, крепким веревкам китайцев, она успела доскакать до их конца, но в самый последний момент лошадь пала от стрел китайцев и придавила здоровую ногу Курацы. Она, подняв голову, посмотрела назад: все веревки были аккуратно перерезаны.

Собрав последние силы, Кураца швырнула свой меч прямо в кадык набежавшему китайцу. Остальные достали ее, содрали одежду и начали колоть и резать, другие попытались привязать новую веревку и свесить со скалы. Сообразив это, Кураца оттолкнула двух китайцев и на одной ноге запрыгала к обрыву, копье врага остановило ее, но все же, превозмогая сковывающую боль, она собрала последние остатки жизни в комок, перекатилась и упала за край обрыва...

Многие всадники, подпираемые сзади, попали в облепиховые заросли, куда все больше и больше набивалось чинтов, и крики их становились громче. Наконец, все войско остановилось и немного отступило. Воцарилась тишина.

А Саня не переставала пускать стрелы и теперь была занята воинами, застрявшими в облепихе. Она слышала крики всадников, чьи лошади, придя в бешенство от укусов облепиховых колочек, носились окровавленные, с окровавленными ездоками в разные стороны напролом. А Саня все стреляла и потеряла счет времени.

Вдруг сверху в ее окошко вонзился нож. Саня поняла, что врачи спускаются. Она быстро легла на пол и принялась отстреливаться снизу вверх. Но потом произошло нечто, чего она не ожидала: два десятка висевших на веревках китайцев полетели вниз, друг за другом, а за ними, как черные хвосты, вились их веревки. Это подоспела помощь! Но наверху произошла недолгая возня, и мимо Саны пролетело полуголое тело с одной ногой, одной грудью и копьем в спине. Это была бедная Кураца.

Через некоторое время над щелью опять повисли метатели. Чтобы заставить их спуститься ниже, Саня использовала старую плетенную дверь, которую потом быстро поставила под другим углом и лежа «отщелкала» одного канатчика за другим.

Китайцы, потеряв и здесь четыре десятка смелых воинов, избрали другую тактику: выстроились по сотне на недосягаемом расстоянии и во весь опор попытались проскакать зону обстрела Саны, которая тоже быстро поменяла тактику и стала упреждающе стрелять в глаза передним лошадям. Лошади, падая на пути прохода, преграждали дорогу, и все остальные спотыкались о них. Из каждой сотни человек пятнадцать-двадцать становились добычей Саны. Три сотни врагов полегли там и около сорока трупов остались в неглубокой воде, пока китайцы, наконец, не остановились. Все вокруг утихло. Но что это! Со стороны крепости до ушей Саны донеслись крики десяти тысяч женских глоток, которые повторяли ее имя:

– А-фе-рим¹! Са-на-а! Аферим, Саны!

Ветер, идущий с гор, донес слова восторга перед героизмом-Саны! И она опять заплакала. Саны – героиня, равной которой еще не видела империя, – плачет? Ты что же, баба какая? Ты же дочь Канж! Ты же нарыбгей! Нет. Она – дочь нарта, хетта, женщина, потерявшая любимого, она не может не плакать.

Китайцы, соорудив большие щиты из шкур убитых лошадей, натянули их на перевязанные крест-накрест палки и начали перебегать зону обстрела по трое, прикрываясь этой шкурой. Полсотни пеших воинов пробежали мимо Саны шагов на пятьсот от входа в пещеру и подожгли лес и кусты. Добрую часть из них Саны, конечно, пригвоздила к земле, стреляя более тяжелыми стрелами через шкуры в места, где руки держали каркас.

Сначала Саны не поняла их план – ведь облепиха будет гореть целый день. Это не орешник или шиповник, которые за короткое время обгорают и падают, облепиха их не пропустит, обгоревшая, она будет только еще хуже кусаться. И тут до нее дошло! Они хотят спрятаться от Саны в дыму! Так и получилось. Китайцы, дождавшись появления густого дыма, во всю прыть бросились покидать опасное место. А Саны, скав зубы, стреляла и стреляла без передышки, но уже без видимой и определенной цели: по мелькающим крупам лошадей, людям. И этому не было конца.

Когда дым начал редеть, Саны увидела результат своей работы: целая гора трупов людей и лошадей, которых китайцы оттаскивали в сторону и снова протискивались. Ей с горечью пришлось убедиться, что она не может сдержать слово: из двух тысяч стрел, которые она приволокла в пещеру, осталось не более трех сотен. И тут она увидела, как сверху на пяти веревочных канатах спускается огромная связка из тонких деревьев, и поняла, что с той стороны связки спрятались вражеские лучники.

«Ну что же. Я отомстила и за Хатага, и за одногоную Курацу, и за себя! Вписала свое имя в историю амазонок. Спасибо тебе,

¹ А ф е р и м – слово, выражающее восторг (адыг.).

Кураца! Это ты мне помогла. Но я еще посмотрю, как вы стреляете! Интересно, сколько стрелков можно усадить за этой связкой? Если в спешке соорудить связку на десятерых – слишком сложно. Наверное, человек шесть, но надо убедиться в этом».

Отойдя от двери, она сняла кольчугу и занавесила отверстие над плетенкой, закрепив двумя кольями из запаса дров. И как только внизу послышался шум движущегося войска, поднялись одновременно из-за верхнего ствола связки шесть лучников и пустили стрелы прямо в ее кольчугу. Они попали в цель с расстояния семи-восьми шагов. Но не все успели спрятаться, и Сана, отодвинув край завесы мизинцем, успела всадить в глаз одному лучнику стрелу, и он тут же полетел в воду.

И во второй попытке она не упустила своего. Еще один чинт свесился вниз головой. Сана догадалась, что после полета первой «птицы» враги привязались. Она вспомнила, что у нее с собой были тяжелые стрелы с широкими наконечниками и, пользуясь паузой, начала стрелами освобождать эту связку от канатов.

В панике оставшиеся китайцы начали пускать стрелы одну за другой. Сана увидела, что на старом плетне переколот хворост и образовалась дыра, и, присев на пол, выпустила сквозь нее стрелу, которая перерезала еще одну веревку. Связка начала раскачиваться на двух канатах с одного конца. С перепугу еще один стрелок повис на веревке, не удержавшись на связке, и получил стрелу прямо в сердце. Оставались еще три стрелка. Но тут образовался зазор в связке, поскольку три веревки были перебиты. Теперь она висела на двух комлевых обвязках, и Сана легко сняла еще одного китайца.

У Саны появилась надежда, что еще можно расходовать стрелы. И случай ей помог, ветер медленно начал поворачивать связку к Сане той стороной, где были привязаны стрелки, и как только показалась половина глаза китайца, держащего наготове стрелу на луке... Этого было достаточно – она попала ему в узкий глаз. Сана отошла и не спеша сдернула свою кольчугу, освободила проем, приладила стрелу и, натянув тетиву, вновь оказалась в окошке и выстрелила. Она увидела, что ее стрела попала в сердце последнего лучника, но тут же почувствовала, как ей в

грудь, не защищенную кольчугой, с хрустом, поломав края двух ребер, вошла пущенная противником стрела. Она поняла, что ей тоже попали прямо в сердце.

Сана успела сказать шепотом:
— Я иду, Хатаг!

Освободившись от великой кары, китайцы быстро оказались у стен крепости и встали на безопасном от стрел расстоянии. От них отделилась группа для переговоров. Из крепости тоже вышли с десяток амазонок. Когда две группы встретились, китайцы через переводчика выставили свои условия:

— Великий император Китая желает иметь у себя в государстве красивых и непобедимых амазонок. Вам будет отдана очень красивая крепость, мы будем доставлять вам туда все необходимое для жизни. У каждой амazonки будет четверо слуг. Будете иметь шелка и золота сколько хотите. В качестве любовников у вас будут самые лучшие мужи в любом количестве. Если у вас есть дополнительные просьбы, говорите, император дал нам полномочия удовлетворить все ваши желания. Но если вы откажетесь, мы уведем вас силой, а условия содержания будут другими.

— Мы видели молодого и довольно крупного, по вашим меркам, чинта-разведчика. Лицезрели его голым, когда ему пришлось без штанов отмываться. Те достоинства, которые мы у него заметили, ни у одной из наших девушек не вызвали желания взять его в любовники. Если вы принесли что-либо более достойное нашего внимания — снимите штаны, мы посмотрим, — сказала на это старшая амазонка делегации.

Когда переводчик произнес эти слова на отрывистом писклявом наречии, китайцы молча развернулись и быстро пошли к своим. А амазонки со всех стен и бойниц, повернувшись к ним спиной и спустив одежду, показали им с десяток тысяч изумительных голых попок.

Дышала видела, как китайское войско разделилось на три части, и к крепости направились две трети. Последняя треть, разделившись пополам, пошла вправо и влево. На месте разде-

ления войска поставили вокруг фургоны, и оставшиеся воины вели пленным окапываться и тащить из леса хворост. Похоже, они решили устроить там место для лечения раненых.

«Выходит, все, что говорил пленный, оправдывается. На крепость идет двадцать пять тысяч, на флангах в засаде по семь тысяч лучников! Большая сила, но боги нас не оставят в беде», – подумала Дышана.

Она посмотрела на солнце: оставалась треть светлого дня. «Сане удалось задержать их на четверть дня. О боги, какой подвиг! Ведь она, вроде, ничем не отличалась от обычных амазонок. Интересно, сколько она смогла за это время уложить?»

Дышана знала, что у китайцев нет времени стоять, и дала команду всем быть наготове. А чинты, пережив потрясение от вида женских прелестей, уже смеясь, показывали друг другу, как эти амазонки глупо поступили, огородив жердями поле, сплошь изрытое осами. Хорошо, что китайские командиры вовремя увидели это и не наехали на них. Все показывали на слабую изгородь, еле державшуюся. А один сотник даже пошутил, сказав, что этих ос он боится больше, чем всех этих амазонок. Другой сотник спросил у тысячника:

– А как мы будем использовать другую ладонь, ведь они все одногрудые!

Но тысячник не успел ответить – взвыли длинные медные трубы, подавая сигнал атаки, и двинулось войско, как будто зашевелилась сама земля.

* * *

Село Щэунашхэ – Сто крыши – располагалось в самом углу укрепления, напротив входа в ущелье и главных ворот. Это село давно переросло свое название. Теперь-то крыш вдвое больше! Под этими крышами жили старухи, по две-три в каждом домике. Это были те амазонки, которым уже за семьдесят. Ни одна из них не переехала в это село по добной воле. Когда предводительница замечала (или ей казалось), что амазонка уже не в силах носить доспехи, владеть оружием, ездить верхом, к воительнице приходила целая комиссия и забирала все, включая лошадей, собак, орлов. Погрузив в скрипучую арбу весь нехитрый

скарб, старую амазонку переселяли в Щэунашхъэ. Это был тяжелый момент в жизни амazonки. Привыкшая к мысли, что она опытная, непобедимая воительница, прошедшая огонь и воду, объездившая полмира на лихих скакунах и лишившая жизни не один десяток врагов во многих битвах, она вдруг оказывалась никому не нужной. В таких случаях старуху не подгоняли, зная, что нужно дать ей время справиться с обидой и душевной болью, мысленно согласиться с неотвратимостью такого шага и понять свою обреченность. Их провожали с грустью, каждая присутствовавшая при этом понимала, что так же неминуемо поступят и с ней, если до этого она не встретит свою смерть в битве.

В селе вновь прибывших встречали те, кто прошли через это и уже привыкли к своей участи. Они помогали новым подругам преодолеть тоску и боль, пока не пройдет время. В конце концов, поняв, что здесь существует взаимопонимание и поддержка, амazonки смирялись и привыкали находить и в этом положении свои немногие прелести. Но приглушенные грусть и обида еще долго оставались в душе тяжелым осадком.

Азида и в крепости ничем не отличалась от других. Она была вполне подготовленной, владеющей всеми видами оружия на уровне средней амazonки. Единственное, что выводило ее на уровень виртуозных мастеритц, это, пожалуй, то, что она умела искусно маскироваться и сливаться с местностью. Это у Азиды получалось образцово. При этом у нее никак не проявлялось чувство собственной исключительности. Без показной бравады и желания во что бы то ни стало выделиться она спокойно делала свое дело, не добиваясь восторга от сестер и не претендую на славу. И когда в свою очередь к ее дому подъехала скрипучая повозка, она грустно посмотрела на клячу, притащившую эту арбу, затем на старую, сгорбленную возницу, тяжело вздохнула и без выражения эмоций, молча сдав все ценное, села в повозку со своим скарбом. И так же молча доехала до села престарелых амazonок. Никому она не выражала свое возмущение, не стала бурно всем доказывать (как это делали большинство переселенок), что она еще не так стара, что только сейчас стала полноценной воительницей, что у нее полно сил на славные подвиги, что мо-

жет родить еще много здоровых девочек для империи. Азида покорно приняла и с достоинством держала тяжелый удар судьбы, как множество смертоносных ударов врагов, которые она с честью перенесла раньше.

Ее поселили в домике, пристроенном к наружной крепостной стене. Он состоял из одной большой комнаты. Наружная дверь из тесаных досок на широких кожаных петлях, одно оконко птириной и высотой в локоть, затянутое бычьим мочевым пузырем, который слабо, но пропускал дневной свет. В комнате были два топчана, плетенные из тонких прутьев и держащиеся на деревянном каркасе. Матрасы представляли собой искусно прошитые соломенные маты, на которых лежали камышовые циновки. Перед каждым топчаном на глиняном полу лежали такие же циновки. Простыня заменялась толстой кошмой, подушка – тоже из валяной шерсти – была набита соломой. Поверх всего лежало роскошное одеяло из овечьих шкур. Прямо напротив входной двери располагался большой очаг, низ которого был сложен из колотых камней на глиняном растворе. Плетенная из хвороста дымоходная труба, начиная от топки до самого верха, тоже была обмазана глиной снаружи и изнутри. Одним словом, домик был выполнен из подручных материалов по правилам традиционной архитектуры того времени.

Азиде предстояло провести остаток жизни в этом домике со старой амazonкой по имени Паритао, которая жила здесь ни много ни мало уже четверть века. Азида была гораздо моложе, и ей предстояло ухаживать за старухой. Как младшую и новенькую, ее определили на работу в «горячий дом», где готовилась традиционная походная долго не портящаяся еда: хъэльтуэ (пшеничная лепешка, обжаренная на сливочном масле и сваренная в медовом сиропе) и тырхъэльтуэ (лепешка из муки засушенной дикой груши или каштанов). До отправки на водянную мельницу и пшено, и сущеные груши, и каштаны пропускали через огромную ступу – бункер, выдолбленный из цельного куска дерева твердых пород. Ударная часть – пест – представляла собой большой молот на длинном и гибком рычаге, на середине которого, под центром тяжести, находилась прочно закрепленная в грунте опора. Над ней на рычаге стоял человек и, держась руками

ми за прикрепленные к потолку перила, перемещаясь вперед и назад, приводил в движение тяжелый пест, который методично опускался в ступу. Так сбивали лузгу с пшена, затем просеивали на ветру и отправляли на мельницу. Твердые, как камешки, груши и каштаны сначала измельчали и в дробленом виде отдавали для последующего тонкого помола.

Вот этот пест и доверили Азиде, заметив при этом, что у нее длинные и сильные ноги. И в этот раз она безропотно принялась за порученное дело. Остальные старухи посмотрели на ее ноги, вдохнули и затянули минорный мотив в такт создаваемым ею движениям.

Одна запевает:

Ноги белые мои, ноги длинные,
Ноги стройные мои, ноги сильные,
Лагунако¹ молодой с ними играется,
Поднимает высоко, восхищается.
Хочет чувства разбудить, а мне горько,
Что влюбляться мне нельзя. Я – амazonка.

И слаженный квартет на четырех октавах подпевает: «Ой, дуней! Дуней! Я – амazonка!»

Затем запевает другая:

Ты играй, лагунако, я очкой темной,
Наиграй мне только доченьку и помни:
Только дочка мне нужна! Я – амazonка!
Нет груди у меня правой – для мальчишки,
Амazonка я, друг мой, амazonка!

Квартет подпевает: «Ой, дуней! Дуней! Я – амazonка! О-о-ой!». Далее вступает третий голос:

Я не знаю никого из родителей,
Заменяют мне родных предводители.
Да коня имею я саблю тонкую,

¹ Л а г у н а к о – в буквальном переводе: приходящий в дом любви.

Сабля гибкая моя – сталь в ней звонкая!
Амазонка я, друг мой, амазонка я!

Квартет: «Ой, дуней! Дуней! Ведь амазонка я! О-о-ой!»
Четвертая продолжает:

Вместо мамы меня гладит ветер странствий,
Под кольчугой скрыты мир мой и пространство.
А душа моя под панцирем-плетенкой,
Мои чувства в ней блуждают, как в потемках.
Амазонка я, друг мой, амазонка я!

И quartet грустным припевом завершает песню: «Ой, дуней!
Дуней! Ведь амазонка я! О-о-ой!»

Заканчивается песня – останавливается работа в ступе, замирает пест в поднятом положении. А тем временем работницы деревянными лопатками перемешивают ее содержимое, разрывая уплотнившиеся зерна проса, затем начинается новый цикл.

В селе было еще много разных цехов. По переработке молока (рядом с коровником). По очистке и разделке птицы. По разделке мяса (рядом с убойным цехом). По засушке фруктов и ягод. Пекарня и гончарный цех. Пасека, птичник. Цех по плетению хозяйственных веревок. Цех по изготовлению боевых арканов. По изготовлению стрел и посуды. Шорно-портняжный и сапожный. По изготовлению бурок и войлока. Швейно-вязальный. Коптильный. Цех по засолке и консервированию.

Кроме обеспечения всех этих цехов рабочими руками во время сбора урожая еще не совсем старые амазонки привлекались на очистку, переборку, засушку зерен и лущение стручков фасоли, плетение гирлянд лука, перца, чеснока и многие другие работы, на которые нельзя было отвлечь молодых амазонок. Одним словом, жизнь в этом селе заставляла понимать, что ты уже не являешься непобедимой, неуязвимой, неустранимой и прекрасной воительницей – ты обыкновенная старая женщина и отличаешься от простолюдинки только тем, что ты куцая, то есть у тебя только одна обвисшая грудь вместо двух.

И во всех цехах и бригадах пели песню «Амазонка я», куда добавляли свои куплеты, не меняя идею, мотив и каркас песни.

Азида свыклась с жизнью в селе и успокоилась, когда ее тело, привыкшее к постоянным и тяжелым нагрузкам, без боли перешло от ратных дел к житейским.

Но однажды у нее вдруг заколотилось сердце. То, что надвигается грандиозная битва, Азида поняла сразу, как увидела черный дым над сигнальными вышками. Все цеха моментально прекратили работы, а работницы, высывавшие на улицу, зачарованно смотрели на черные дымовые столбы. Глаза у всех горели, они забыли, что у них нет ни оружия, ни доспехов, ни знаменитых на весь мир коней. Они громко обсуждали, кто это мог быть – осмелившийся напасть на амazonок враг. «Это хорошо! – говорили они. – Добыча сама идет нам в руки. Вот они получат у нас!»

Азида незаметно ушла к своему домику: она знала, что будет делать, она уже давно была к этому готова. Войдя в комнату, она к своему разочарованию обнаружила, что в доме копошится старая Паритао, да еще со своей подругой того же возраста, и с изумлением заметила, что и эти видавшие виды амazonки тоже что-то замышляют. Увидев Азиду на пороге, они сначала растерялись, не зная куда деть тяжелый кожаный мешок, но затем Паритао взяла себя в руки и сказала:

– Ладно, давайте вместе! Азида, ты зачем прибежала? У тебя что-нибудь есть на такой случай?

Не отвечая на вопрос, Азида стала доставать из соломенного матраца свои метательные кости с остро заточенными концами и короткие, тоже с костяными наконечниками, стрелы. Но лука у нее не было.

– Я слышала, ты умеешь лучше всех прятаться. Ты собираешься бить их из засады? – спросила снова Паритао.

– Да! – коротко ответила немногословная Азида.

– А мы будем метать в них вот это! – и старуха показала большие бронзовые ножницы, которые легко разъединялись, образуя два своеобразных ножа. – Мы их воруем из швейного цеха уже больше двадцати лет, – не без гордости добавила она.

– А ты молодчина! – сказала вторая, пробуя острие трехгранного с массивной, как у гвоздя, шляпкой метательного оружия Азиды. – Аккуратно сработано, но у тебя мало снаряжения. Если

поможешь нам дотащить этот мешок до места и хорошо замаскируешь нас, мы дадим тебе с пяток ножниц.

— Договорились! — сказала Азида и взяла мешок с ножницами в свободную руку. — О, боги! Сколько же вы наворовали этих ножниц?

— Скорее! Если молодые амазонки прибегут и поднимутся на стены, нам уже не уйти из крепости, — поторопила Паритао, а Азида подумала: «Интересно, как эти бабули собираются перелезть через крепостную стену?»

Позже выяснилось, что старухи вовсе и не думали лезть на стену, у них имелся другой способ. В самом дальнем углу коровника под крепостной стеной были густые заросли крапивы. Они завели туда Азиду и показали кусок изогнутой ветки, горчащей из-под земли. Азида, положив мешки, потянула ветку вверх, и открылась темная яма, перекрытая плетеной крышкой, которая со временем обросла крапивой так, что на поверхности оставалась только кривая ручка-ветка.

Азида помогла Паритао и ее подруге спуститься в яму, сама со своей поклажей тоже туда спустилась и закрыла за собой крышку. Далее Паритао открыла выход из этого подкопа, который начинался на глиняном обрыве под стеной крепости. Он выходил на высокий склон рядом с обвалившимся старым дубом, который помогал скрыть наружную плетеную дверь, замазанную глиной и оттого сливавшуюся по цвету со склоном.

Первая старуха спустила заранее закрепленную за ветку дуба и припрятанную под могучим стволом веревку и начала неожиданно ловко спускаться по ней со скользкого склона. За ней спустилась и вторая, а Азида, подтянув веревку, опустила свою ношу. Когда старые подруги благополучно получили груз, она тоже быстро отправилась за ними и замаскировала веревку под ствол дуба. Помогая друг другу, они вышли на верх противоположной балки, которая была более пологой и заросла кустарником и мелколесьем. Дальше они ушли вниз, где балка становилась широкой и обрывистой с обеих сторон. Берега балки были выше вековых деревьев, а внизу журчал маленький ручей, который, разливаясь в ливневые дожди, и прорыл этот каньон. Стены балки были вязкие от желтой влажной глины.

Здесь они столкнулись с амазонкой лет семидесяти пяти – знаменитой в прошлом мастерицей по метанию арканов. Она сидела за большим стволом, что рос вдоль обрыва, а за горизонтальную ветку рядом стоящего дуба было перекинуто с десяток арканов. Другие концы арканов были привязаны к массивным чуркам, расположенным над самым обрывом и подпertenым палками. Если сбить эти палки, чурки полетят вниз.

Метание арканов являлось особым видом боевого искусства. Это было грозное оружие, которым амазонки владели в совершенстве. Когда они видели, что некоторые вражьи витязи выделялись хорошей кольчугой, мощью своих рук, коней или еще чем-нибудь, что могло нанести урон амазонкам, тут же из рядов воительниц выпетала черная (аркан плели из конских волос) ветревочная змея, ее петля обвивала шею врага, резко затягивалась, и судьба противника была решена. Его волокли в тыл, стащив с коня, а потом, крепко связав, сваливали в кучу пленных врагов. Или же таскали за собой, пока не задохнется. Ведь конец аркана был прикреплен к луке седла. Кони амазонок все были арканкешами¹, и как только петля оказывалась на шее противника, ее тут же затягивали, не оставляя врагу шансов и времени среагировать.

Хужа – так звали амазонку – сидела, аккуратно складывая под ствол лежавшего дерева, за которым она пряталась, мотки арканов с петлями. Она основательно готовилась встретить врага.

– Тебе эти чурки заменяют арканкеша? – спросила Паритао.

Женщина промолчала, только утвердительно кивнув головой. Паритао, видя, что с ней не поговоришь, повела свой отряд дальше выбирать позиции.

Когда они вышли на ровное место, где стояли огромные и мощные, но редкие чинаровые деревья, что создавало хорошую видимость, они огляделись. По еле уловимым признакам Азида обнаружила, что внизу повсюду нарыты волчьи ямы, внутри которых был частокол острых кольев. Такие колья насеквоздь проиг-

¹ А р к а н к е ш – конь, выученный помогать хозяину при новле арканом диких лошадей. Умел тормозить всеми четырьмя ногами, тянуть и опрокидывать пойманную лошадь на спину.

зали неосторожных. Она показала это своим подругам, чёму те искренне удивились, а заодно изумились тонкой наблюдательности Азиды.

— Сюда собираются завлечь врагов, — рассуждала вслух Азида. — Значит, амазонки, отступая по знакомым только им проходам, проскочат волчьи ямы и уйдут в крепость, перебравшись через ров. Надо спрятаться так, чтобы они прошли, не заметив нас, и было бы неплохо распознать их тайные тропы, потому что враги в любом случае это сделают и пойдут по ним.

Азида принялась искать проходы, используя длинную палку и нож. Она углубилась довольно далеко. Затем, осторожно двигаясь строго по установленным ею веткам, к ней подошла Паритао, и Азида подсадила ее в открытое дупло кряжистой чинары, направленное в сторону предполагаемого прохода врагов. Перед этим она устроила старухе сиденье из земли и слоя листьев. Затем Азида достала окрашенные в зеленый цвет нитки и стала шить полог из мха и листьев. Такие же листья и мох она вплела в седые, редкие, но довольно длинные волосы Паритао, закрыв ей лицо и грудь.

По правую руку, выше уха, Азида в дупле устроила склад ножниц. Проверив, насколько удобно будет старой амazonке сидеть и метать ножи, она, довольная своей работой, закрыла ее сеткой из мха и листьев и осторожно вернулась за другой подругой. Тем же методом провела ее за сотню шагов от Паритао и точно так же устроила ей огневую позицию. Спросила:

— Сможешь ли убежать по этим еле приметным веткам, когда закончатся ножницы?

Старуха посмотрела ей в глаза и ответила, обнажив редкие зубы:

— Конечно!

Азида поняла, что ни та, ни другая старухи вовсе не собираются отступать и спасаться. Они готовились к последнему бою...

Азида нашла себе дупло в стволе могучего бука. Оно было полуоткрыто в сторону прохода через ямы, и ничто не мешало бросать метательные кости и заточенные половинки ножниц, которыми с ней поделились подруги. Зная, что возможно придется долго сидеть неподвижно в своем укрытии, она так же

тщательно подготовила себе место. Из своей норы она хорошо видела укрытие Паритао.

Так они переночевали, не издав ни звука. Наутро под музыку множества птиц они услышали, что на стенах крепости идет подготовка к отражению штурма: снимались камышовые и соломенные кровли с крыш, устраивались по имеющимся в стенах кронштейнам ходы и трапы из плетеных плит, поднимались стрелы и другие оборонительные приспособления.

В полдень началось движение и в их лесу. Сначала в блестящих доспехах показались амазонки, которые, перебегая от дерева к дереву, посыпали стрелы из своих луков по врагам, используя давно пристреленные просветы между деревьев. Затем амазонки пронесли мимо них своих раненых и убитых, лавируя по только им известным проходам через ямы. После них пробежали последние «отступающие» амазонки, и только Азида могла заметить, что они осторожно оббегают ямы. Отстреливаясь из-за деревьев, они настолько ловко делали вид, что ямы не мешают им отступлению, что практически не смотрели себе под ноги.

После этого послышался плотный шум множества ног, проламывающих прошлогоднюю сухую листву леса, и первые крики попавших в ямы. Враги не поверили, что под листвой могло быть замаскировано столько ям, и продвигались вперед, обходя уже заваленные и попадая в следующие. Так они прошли половину поля. Потом Азида увидела, как заработали ножницы ее спутниц: один за другим падали враги, хватаясь за горло. Они озирались вокруг, посыпая стрелы в кроны деревьев, и не замечали двух старых амазонок.

Первой из дупла вывалилось пронзенное стрелой безжизненное тело старой Паритао. «Достойная смерть!» – подумала Азида.

Китайцы сообразили, откуда исходит угроза, и начали стрелять во все деревья с толстыми стволами. Но тень леса, прорезанная тонкими лучами яркого солнца, создавала рябое, неудобное глазу освещение и не выдавала укрытие второй старухи, которая притаилась и, судя по количеству сраженных ею врагов, истратила все свои ножницы.

После недолгой паузы наступающие стали тщательно пропыльывать кольями поверхность земли, обходить обнаруженные

ямы и продвигаться вперед. Они уже плотно стояли вокруг дерева, где замаскировалась старая амазонка. Азида начала было думать, что старуху сразила шальная стрела, как вдруг от дупла, где она пряталась, отшатнулся воин, хрюпя, схватился за горло, из которого брызнула кровь. Потом от дерева отцепилось нечто ужасное, отчего враги шарахнулись врасыпную, падая в уже пройденные ими ямы. А страшная старуха, вся во мху и листьях, засыпанная черной трухой дупла так, что белели только оскаленные редкие зубы и белки глаз, успела уложить еще двух воинов, прежде чем ее проткнули копьями.

— Славная смерть! — прошептала Азида.

После недолгого замешательства китайцы стали еще яростнее обстреливать деревья. «Хорошо, что мое дуло не открыто с их стороны, кроме маленького окошка», — подумала Азида, услышав, как несколько стрел воткнулись в ее дерево.

Вражеское войско добралось и до позиции Хужи, метательницы арканов, чем та не замедлила воспользоваться: одного за другим она заарканила троих, причем в последних она кинула два аркана, сложенные вместе, они по ходу полета разделились и точно легли на шеи двух рядом стоящих китайцев.

Старая Хужа четко и ловко делала свое дело. Набросив петли, она тут же сталкивала привязанные к другому концу аркана чурки в обрыв, те затягивали петлю, выдергивали жертву вверх головой и подтягивали к ветке-перекладине, как на виселицу. Когда полетела в ее сторону туча стрел, Хужа швырнула аркан на другую сторону балки. Петля точно попала на крепкий сучок высокого дерева, стоявшего наклонно в сторону рва. Затем, вскочив ногами на крепкую палку, привязанную за конец аркана, и держась левой рукой за него, она перелетела через ров. Зрелице, которое она представляла собой, тоже было не для слабонервных: длинная, в развевающейся на ветру черной юбке, с седыми распущенными волосами, голая по пояс старуха с перекинутой через левое плечо грудью...

В полете Хужа умутилась заарканиТЬ еще одного врага и утащить в ров. Забросив еще один аркан назад, через ров, она совершила перелет на сторону врагов, на новую позицию, но не успела приземлиться — ее встретили тучей стрел, и она упала на

дно глубокого каньона, утащив за собой еще одного, последнего врага, которого она, уже раненная, успела заарканить.

«Она спокойно могла уйти в крепость, но не захотела доживать свой век в селении для старух. Красивая смерть!» – подумала Азида с восхищением.

Наконец, группа врагов подобралась к ее укреплению. Азида услышала дыхание прячущегося за деревом китайца. Она сжала короткую стрелу и резко воткнула ей в шею. Окружение стало стрелять во все стороны, не поняв, откуда прилетела стрела, а Азида в это время уложила еще двоих метательными костями. И тут она почувствовала, как резко и мягко ей в бок вошло копье, заполняя все ее тело сковывающей болью...

«Вполне приличная смерть!» – успела подумать она.

Закрыв головы щитами, огромная живая лава натекала на крепость, но на стенах еще не видно было движения. Китайцы быстро приставили лестницы и взобрались до верха глинистого обрыва под крепостными стенами, принявшиеся неистово прорубать мечами и секирами колыя и хворост. Щепки летели во все стороны, но вдруг на головы наступавших обрушились закрытые глиняные горшки, которые разбивались о щиты и шлемы. Со звуком, подобным вою сирены, оттуда вылетали целые тучи ос. Затем со стен посыпались тысячи гадюк. Растревоженные и обозленные падением, твари сразу же принялись за дело. Ошарашенные китайцы, побросав щиты и растеряв копья и мечи, отбивались от жалящих насекомых и змей. И тут же вниз полетели волна за волной черные тучи стрел.

Разведчики доложили китайскому полководцу, что по правому флангу в ущелье уходит дорога к домам свиданий амазонок. Крепостная стена с той стороны не так высока, как здесь, и защитников поменьше. Хотя эта дорога и простреливается со стороны крепости, есть возможность пройти по сенокосному крутыму склону, который тянется параллельно крепостной стене и дороге, а заодно позволяет уйти на недосягаемое расстояние для лучниц крепости. Дальше в ущелье имеется широкая и ровная

площадка, где можно организовать еще один плацдарм для штурма крепости.

Полководец послал своего ближайшего советника, опытного и хитрого военачальника Лу, который умел разгадывать хитрости противника. Когда Лу прискакал к названному месту, он был очень удивлен, что действительно можно свободно провести войско в обход главных ворот на боковые, где стена пониже, бойниц меньше, значит, и защитников немного. Что касается противоположного от стены склона, по которому предполагалось провести войска, то он был очень крутой, но ровный и гладкий, если не считать параллельных валков свежескошенного сена. Лу внимательно осмотрел валки и удостоверился, что они лежат так, как их уложили косари, и никакой западни под ними не было. Далеко наверху по гребню зеленого увала, высота которого составляла от пяти до восьми полетов стрелы, были густые заросли терновника, облепихи и еще каких-то колючих кустарников, перевитых шиповником. Лу подумал, что если и скрывается в этих кустах засада, то она не имеет никакого значения, потому что пока они спустятся вниз, наступит ночь, да и не выгодно с такой кручи спускать войско – можно свободно соскользнуть беспорядочной массой на пики противника. А о том, чтобы применить здесь конницу, не могло быть и речи, потому что Лу и сам был верхом и видел, что его хороший скакун никак не может приспособиться к такому крутому спуску. По склону, деля его на три равные полосы, проходили две еле заметные дорожки – очевидно, для вывоза сена. Значит, по этим дорогам можно свободно проехать верхом. Лу решил, что здесь не может быть никакого подвоха. Он вернулся к полководцу и доложил, что путь свободен и не таит никакой опасности, что он готов вечером изнутри открыть главные ворота, если полководец даст десять тысяч солдат пехоты под его командование.

Внимательно посмотрев в глаза Лу, полководец понял, что старый лис почувствовал легкую добычу и не хочет упускать свой шанс отличиться. «Пусть будет так!» – сказал полководец и перевел под командование Лу десять тысячников. Еще раз предупредив об ответственности и наказав смотреть в оба, он отправил отряд Лу в ущелье, в обход крепости. А сам подумал: «Как

бы ты ни лез из шкуры и каких бы подвигов ни совершил, к императору пойду я и славу победителя амазонок получу только я! А клан Лу будет еще долго искать пути, чтобы донести до слуха императора свою легенду о ходе битвы. И к этому времени в воздухе императорского двора столько таких легенд будет виться, что уже никто не разберет, где правда, а где ложь. Самое главное – раздача титулов и наград будет уже далеко позади, а император не станет что-либо менять, даже если и поверит дворцовым разговорам».

Междуд тем отряд Лу шел по склону, поднявшись на третью высоту. А по верхней дороге Лу послал тысячу воинов – выходцев из горных районов Китая, чтобы в случае чего отсечь основной отряд от зарослей и уберечь от неожиданностей.

Амазонки, стоящие на стене, выразили свое разочарование шумным гулом, затем начали им кричать невесть как заученные китайские ругательства и звать к себе, сотрясая луками и стрелами. Когда китайцы прошли больше половины пути, на стенах уже не только кричали, но принялись обнажать свои прелести для демонстрации. Молодые китайские воины, несмотря на окрики командиров, не могли не смотреть в ту сторону и начали вносить суматоху в ритм движения, и без того затрудненного. По склону приходилось идти, опираясь только на правую ногу и все время соскальзывая с мокрой тропы и правой рукой цепляясь за низко срезанную острую траву. Некоторых молодых воинов старшие просто пинали ногами, чтобы заставить двигаться быстрее.

Лу не мог себе позволить засматриваться на прелести амазонок. Его внимание было приковано к кустам, которые никак не хотели загораться из-за недавно прошедшего на возвышенности мелкого дождя. Но по-настоящему его насторожило то, что амазонки усилили гам и улюлюканье, свист и визг. Хитрый Лу заподозрил, что амазонки явно переигрывают, как бы выражая «разочарование» тем, что китайцев не достать стрелами. Он услышал в их криках не досаду, а плохо скрытое торжество. От этой мысли у него похолодело в груди, Лу почувствовал какую-то страшную ловушку.

Сначала он увидел, как вниз посыпался отряд, посланный поджигать кусты. Затем из зарослей выскочили амазонки, оде-

тые в зеленые маскировочные накидки, и охапками стали убивать кусты, поднимая их длинными деревянными вилами. Оказалось, что эти труднопроходимые заросли были уже срублены, а стволы просто воткнуты в землю. Это была хорошо спланированная засада! Казалось, что за кустами выросла каменная стена высотой в человеческий рост. Но это была не стена. На пути следования китайцев рядами были выставлены массивные, толщиной в два локтя каменные колеса. Для устойчивости у каждой глыбы имелась деревянная ось длиной в пять-шесть шагов, проходящая в центральное отверстие колеса. Весь ряд каменных колес (а в каждом ряду их было не менее пары сотен) соединялся между собой длинной бронзовой цепью, и все это подпиралось деревянными чурками. Лу с ужасом представил, как эти колеса покатятся вниз, передавят и перемешают цепями в кровавое месиво все его войско и не остановятся, пока не достигнут высокого земляного яра, на котором стоит крепостная стена. Осознав надвигающуюся опасность, Лу закричал во весь голос, чтобы его воины разбежались и попрятались под береговые террасы реки, но понял, что там их перестреляют амазонки со стены, да к тому же его отчаянный вопль никто не услышал.

Амазонки испускали восторженные крики, а чинты, потеряв самообладание, метались в ужасе. Лу понял, что эти неотвратимые жернова перемелют не только его тысячное войско, но и mightество его многочисленного клана в самом Китае, который вот уже более пятисот лет карабкается изо всех сил в верхние слои общества, гарантированные доступ к императору, к богатству и славе... Эта мысль в его голове не успела промелькнуть, как огромный клубок людей снес Лу вместе с лошадью вниз. На короткое мгновение он оказался на верху людского вала и успел увидеть, что, передавив верхнюю заградительную тысячу воинов, жернова, уже окрашенные в сплошной кровавый цвет, бесшумно летят вниз почти ровной волной, оставляя на зеленом лугу ровные красные полосы. А на вершине задвигалась и вторая волна жерновов, за которой ждала своего часа и третья...

Меньше тысячи китайцев успели добежать до нижней дороги и спрятаться под береговой уступ. Но у них в руках уже не было щитов, чтобы спастись от стрел амазонок, которые в приступе

кровожадности не замечали, что противники подняли руки и пытаются спастись, сдавшись в плен...

Китайский полководец пришел в бешенство и погнал свое войско напролом к главным крепостным воротам. Уже не обращая внимания на ос и гадюк, чинты в великой ярости ринулись к стенам с длинными лестницами. Но тут же камни величиной с человеческую голову, находившиеся на стенах в изобилии, сотнями посыпались на них. Казалось, что им нет конца. Под стеною уже была огромная кладка человеческих тел с разбитыми головами, вперемешку с обломками деревянных лестниц и камней, и вся эта масса имела темно-красный цвет.

В ходе всей битвы китайские лучники почти не имели возможности вступить в бой, так как осы и пчелы, искусав открытые части лица и рук, лишили их возможности что-либо видеть. Кроме того, из крепости выстреливалась и выбрасывалась какая-то жгучая пыль, которая воспаляла глаза, ноздри и рот, не давала дышать и смотреть.

В довершение ко всему открылись замаскированные ворота сбоку крепостной стены, и оттуда выскочило тысячеголовое стадо бугаев со специальными заостренными рогами. На спине каждого горела связка соломы, пропитанная жиром. Стадо опрокинуло войско чинтов, и началась настоящая паника. Сломав жердевую ограду, огромная масса китайцев выскочила на поле, запруженное осами, побросав все, отмахиваясь и подпрыгивая, изобразила невероятной сложности танец под музыку собственного рева и журжжание стрел и ос, где трудно было угадать кого больше, ос или стрел.

Через некоторое время, когда китайцы, вертя во все стороны багровыми и всухими лицами, перестали что-либо видеть и натыкались уже друг на друга, открылись главные и боковые ворота, откуда выссыпалась конница. Всадницы были закутаны в бурки, на голове черная сетка из лошадиных хвостов и гривы, в руках длинные вязаные краги...

До вечера черная конница перебила почти все огромное войско чинтов. Самое интересное было то, что осы, слетевшиеся со всех лесов и лугов, почему-то не трогали своих – а только китайцев! Большинство из них уже умерли от укусов, а выжившие,

ничего не соображая, безучастно сидели на траве или в речке с обреченным видом.

Стадо бугаев насквозь пробежало расположение противника, оставив за собой широкий смертный след, а находившиеся сзади воины ничего не успели понять и организовать отступление. Единственное, что они смогли сделать, это разбежаться по кустам, пряча головы в плащи, но осы доставали их и там.

С наступлением ночи остатки чинтов, чтобы окончательно не заблудиться, вышли к руслу реки. Не имея возможности надолго вылезти из воды из-за нападения ос, они вынуждены были оставаться там до рассвета и окончательно продрогли. Наутро эта ужасная картина пополнилась убежавшими со своих позиций свежими воинами. Обе части войска укрылись в наспех сооруженной орде-крепости из кибиток. Но с утра опять налетели осы. Вдобавок ко всему амазонки, пустив в ход последние запасы горшков с осами, закидали крепость арбузовыми корками и сладкими сливами, что усугубило плачевное положение китайцев. К полудню остатки армии бросились наутек к своим кораблям, стараясь скрыться от преследователей – конницы амазонок и жестоких ос.

Но далеко уйти не смогли. Уже через день они оказались в плотном окружении амазонок из других крепостей, находящихся на Малке. Воительницы целые сутки стояли в нетерпеливом ожидании. Сопротивляться им китайцы уже не могли. Амазонки, рисуясь друг перед другом, играючи добивали усталое войско пиками и своими ужасающими саблями до тех пор, пока оставшаяся горстка не побросала оружие и не сдалась на милость победительниц.

Тут же состоялся военный совет всех тысячниц из разных крепостей, которые предложили дойти до устья Кумы и захватить флот китайцев. Договорившись, сборный отряд был послан вниз по Куме, тем более проводников оказалось достаточно: несколько тысяч нартов, освобожденных из китайского плена, теперь группами рыскали по лесам, вооруженные трофеинным оружием, и набирали себе пленных, вытаскивая их из дупел и волчьих логов.

По пути к морю открывались горестные картины. Оказалось, что чинты, отсортировав старииков и детей будто бы для охраны, затем коварно их убили, чтобы те не смогли предупредить другие крепости. А мужчины, возвращаясь разбогатевшими, кто с красивой арбой и лошадьми, кто с оружием, рабами и прочими трофеями, заставали в своих домах только горе и разорение. Поэтому они напросились идти дальше с амазонками.

Вечером, добравшись до моря, амазонки незаметно сняли береговых сигнальщиков, половина переоделась под китайцев, взяв в руки китайское оружие, а другая половина построилась посередине с опущенными головами, накинув на шеи веревки. Все выглядели так, будто китайцы вернулись с пленными.

И корабли стали подходить к берегу один за другим, в раннюю утреннюю пору, когда солнце светило им прямо в глаза. Вдобавок пленные кричали по-китайски (а чтобы придать силу голосу, им в колени медленно вбивались метательные костяные кости), торопливо отвечая на вопросы, как того требовали амазонки. Как только основной флот – галеры и триеры – подошли к берегу, за их спиной из мелководья вынырнули сидевшие там с ночи с камышовыми трубками во рту амазонки, мигом очутились на кораблях с помощью рабов-гребцов, набранных китайцами в разных странах, очень быстро захватили корабли, четко работая своими саблями.

Так завершилось нашествие на крепость отборного войска чинтов, из которых ни один не смог вернуться к своей соломенной стене¹.

Вернувшись с Малкинской бойни, Хурсана и Дахазиля (которая, кстати, не испачкала себя даже каплей крови, хотя отправила на другую сторону жизни больше сотни врагов) поехали на утес, где был совершен подвиг Саны. Под горой на мелководье они обнаружили труп Курацы и поняли, что одноногая воин

¹ Великая Китайская стена первоначально была выстроена из глины с прослойками снопов соломы или камыща.

тельница помогала их подруге. Внимательно осмотревшись, они поняли, как Саня взобралась наверх, потом увидели связку деревьев, с которой свисали трупы пятерых стрелков. Сверху подобрались к пещере, они выбили дверь-плетень, подщептую гнилыми палками, и зашли внутрь. Спутницы были поражены, подсчитав стрелы, оставшиеся от двух тысяч – их было меньше трехсот.

– Уму непостижимо! – сказала Хурсана. – И это сделала одна Саня? Даахазия, как ты думаешь, сколько раз она промахнулась?

– Ну, когда китайцы додумались скрыться под дымом, она стреляла почти не целясь. Думаю, она уложила не менее четырех сотен. Пока они тут пробегали непрерывным потоком, Саня могла выпустить где-то триста пятьдесят стрел. А остальное довершили колючки облепихи, взбесившиеся кони... Но я думаю, что она достигла большего в другом: она лишила их наглой самоуверенности. Она победила их!

– Да! Я бы сказала, что любовь сделала это. Именно та любовь, которую в крепости осмеивают и убивают в зародыше.

– Перестань меня терзать! – вдруг взмолилась Даахазия. – Ты не знаешь, я выкинула чужого новорожденного мальчика, родившегося от любви, в речку... Никогда себе не прощу.

– И ты ничего не знаешь! Я тоже убила одну любовь...

Они молча, долго смотрели друг другу в глаза, потом Даахазия тихо сказала:

– Ну, теперь они все вместе, там...

– И любовь тоже...

Они спустили вниз труп Саны, подобрали, завернув в бурку, труп Курацы и поехали в крепость. По пути их процессия все больше обрастала людьми. И когда они доехали до крутой горы предводительницы Бачхан¹, за ними шло чуть ли не все население крепости.

Дышана распорядилась определить Сану и Курацу самыми великими героями этого нашествия и похоронить в золоте и серебре, со всеми почестями, насыпав большие курганы над ними.

– Да, – сказала она. – Люди оказались отрезанными от крепости. Но они не растерялись, вспомнив о существовании пещеры,

¹ Гора в шести километрах северо-западнее Нальчика.

показали врагам, что значит амазонка, воспитанная в духе великих наших матерей. И пока живы наше единство души и верность традициям матерей, пусть никто не суется к нам с мечом — мы непобедимы!

Все амазонки слушали ее склонив головы и делая вид, что согласны, но Хурсана чувствовала: этот вопрос уже хорошо обсужден, и все знают, что придало Сане такую силу духа, и почему одногая Кураца так самоотверженно ее поддержала. Кураца прочувствовала горе Саны, и ей захотелось сделать что-то ради бога Любви. Поэтому они в глазах остальных амазонок стали героями Любви. И это была первая победа Любви в их крепости. То ли еще будет!

После подвига Саны, которую амазонки возвели в ранг бого-подобной, в центре внимания оказались Хурсана и Дахазилия. Их разведывательный поход с каждым днем обрастал легендами. А чаще других передавался из уст в устах случай с пленным китайцем, и все пытались повторить выражение лица Дахазили, когда она увидела, что чинт обгадил ее белую попону.

Но в крепости находилась одна амазонка, которая не могла слушать рассказы о подвигах Дахазили. Как только разговор заходил на эту тему, она вставала и поспешно уходила в свой домик, где молча, долго смотрела в темноту... Это была кольчужница Сауса.

Она и так всегда была одинока, ни с кем не общалась. Подходила по вечерам к какому-нибудь костру или скрывалась в тени дерева, в зависимости от времени года, усаживалась с краю молча, сидела, слушала и так же молча уходила. Лет пятнадцать она не посещала дом сороки. Некоторые говорили, что она еще девственница, а другие возражали, говоря, что у нее то ли был выкидыш, то ли родила она калеку и ей не рекомендовали ходить в дом сороки.

Жила она за третьей стеной, в резиденции самой Дышаны. У нее были черные кисти рук, как у всех кузнецов, кольчужниц и тех, кому приходится ухаживать за оружием и доспехами. Саусу официально назначили оруженосцем Дышаны, в ее обязанности входила чистка, полировка, заточка мечей и сабель, смазка всего оружия и доспехов. Она не была одногрудой. Пяти лет от

роду ее отобрала специальная комиссия, искавшая детей для работы в кузнице.

По условиям отбора перед детьми раскладывали глиняные игрушки, очень хрупкие и неуклюжие, которые трудно было взять в руки и удержать, нероняя. Сауса так легко и аккуратно обхватывала предметы одновременно всеми своими хрупкими и длинными пальчиками, играла и не уронила за целый день тестирования ни одной игрушки. А когда девочкам дали сложить по цветам в отдельные кучки осенние листья, то воспитатели были очень удивлены – Сауса сложила все так, что никто не смог из одного листика переложить в другую кипу, настолько тонко она чувствовала оттенки красного и желтого. Таким образом попав в школу кольчужниц, маленькая Сауса уже не могла стать воительницей, ее статус был иным, и столь одаренные ученицы очень ценились у амазонок. К тринадцати годам она уже знала о стали и ее сплавах все, чему могли научить старые уд, до мгновения чувствовала по цвету степень накала стали, и почти вся ответственная работа по закалке делалась только при ней. Она с детства больше думала, чем говорила, но особенно угрюмой и молчаливой Сауса стала лет пятнадцать назад.

Труд кольчужницы считался очень вредным, был сопряжен с угаром, вредными газами, серными, азотными или кислотными летучими компонентами, изнурительной сидячей работой, и этим амазонкам редко удавалось дожить до старости. Кашель, астма, грудная жаба, болезни внутренних органов убивали их задолго до старости. Может быть, поэтому им с малых лет разрешалось посещать дома свиданий.

Для того чтобы сделать одну кольчугу, необходимо вытянуть проволоку специального сплава и отковать ее в квадратное сечение. Потом ее нагревают, создают витой, с гранями профиль, отковывают концы, снова нагревают, пробивают ровные отверстия на сплющенных, откованных концах и сводят в сложный тройной кривизны тор, а потом, надев на уже выкованные в панцирь кольца, закрепляют концы клепкой и закаливают. Таких колец в кольчужном костюме (рубаха и короткие брюки) было пятьдесят–семьдесят тысяч. Естественно, это все делалось с предельным

вниманием, и такая изнурительная работа воспитывала серьезный характер с раннего возраста.

Сауса впервые пошла в дом сороки в четырнадцать лет, и в ночь перед этим, естественно, испытала всю гамму чувств молодой девушки, которой разрешили жить взрослой жизнью с мужчиной. Она знала, что может сколько угодно смело и свободно заниматься любовью, меняя партнеров и получая все, что ей нужно. Но и рожать она должна сколько сможет. Она также знала, что все дети принадлежали империи, что амазонки никогда не видят своих детей. Родильный дом в крепости имел особые ширмы-переборки, которые огораживали рожениц от новорожденных, чтобы не видеть детей и по возможности не слышать. Младенцев сразу же уносили в глухие комнаты, и мать не знала, кто появился на свет. Это был закон империи, который очень строго охранялся.

В тот день Сауса впервые оказалась в зале, где проходили обязательные танцы, вернее два танца: удж пыху и удж хэш. Лирические танцы, где мужчина и женщина, скрестив пальцы рук и прижавшись сбоку бедрами, должны были общаться, выясняя силу тяги друг к другу, если таковая возникала. Если же нет – партнеры менялись.

Сами названия танцев говорили за себя: удж («уд джэгу» – игра уд) и «хэш» – увести в сторону из круга, то есть, уже договорившись, уединиться, и «удж-пыху» («пыху» – отпадать, отъединяться) – то есть последние или, при другом рисунке, крайние пары выпадали из круга, чтобы плотнее прижаться телами уже в другом, специально отведенном месте.

Сауса зашла в длинный танцевальный зал с рядами деревянных колонн и в нерешительности встала спиной к стене. Она не сразу обратила внимание на стоящего у противоположной стены высокого, плечистого и очень молодого парня с опущенной головой и покрасневшими кончиками ушей. Чуть позже он почувствовал на себе взгляд и, подняв голову, посмотрел прямо в черные глаза Саусы. Юноша и девушка вздрогнули и сразу одновременно опустили головы, но, не имея силы сопротивляться возникшему притяжению, оба медленно подняли взгляд. У него были ямочки на покрасневших щеках и на под-

бородке, небесно-синие глаза и густые, длинные и прямые ресницы.

Его глаза спросили через весь зал: «Это ты?!» – и ее глаза ответили через всю толпу: «Да!» И он, боясь, что кто-то подойдет первым, растолкал всех, прошел весь зал и протянул руку. Она положила свою черную и чуть грубоватую руку ему в ладонь, и эта рука показалась ему такой родной и нежной... Вскоре они оказались на улице. Кто-то им в руки всунул корм для сорок, а другие, отпуская плоские шутки, указали на свободный домик. Они поднялись на площадку, покормили раскричавшихся сорок и даже погладили их. После чего оказались в доме, где была вода в нескольких кувшинах, небольшой очаг с углами, огромное деревянное корыто и на двоих постель на полу: на циновках широкий матрац, набитый соломой и покрытый мягкой белой шкурой, другая такая же шкура – покрывало, множество подушек и подушечек...

Это был рай, который продолжался несколько недель! Им каждый раз приходилось менять в танцах несколько партнеров, пока они наконец не оказывались вместе – и тут же исчезали под крышей дома, на которой жила семья сорок, чутких свидетелей их большой любви.

В танцевальном зале и ей, и ему несколько раз тихо подсказывали: «Меняй партнера, не рискуй», – но у влюбленных не было сил даже подумать, что кто-то из них может оказаться с другим.

В одну из ночей Сауса положила руку Хатуко себе на живот, нежно прижалась к нему и прошептала: «Здесь наш сыночек...» Потом поцеловала у него за ухом ее любимую родинку капелькой. Он долго молчал, а потом тихо прошептал ей в самое ухо:

– Завтра я приеду на своей лошади, привяжу ее, как всегда, к общей коновязи и буду здесь. Мы прорежем ход за очагом и через него уйдем чащами до реки. А там сплавимся до большого леса, за крепость, где нас будут ждать одежда, оружие и два коня. Мы уедем за Курейские леса, спрячемся в глухи, построим там жилище, а когда он родится – заживем втроем. А пока будем вдвоем.

Она отозвалась:

– Да, вдвоем.

Он собрался как обычно, сел на своего скакуна и уехал. Она тоже умылась и вернулась к себе в крепость. Но только он доехал до второго поворота дороги, как шальная, как бы случайно выпущенная со стены крепости стрела попала ему прямо в сердце...

Утром Сауса увидела, что с крепостной стены все смотрят вниз наружу. Она, побледневшая, не могла сдвинуться с места и уже была уверена, что это с Хатуко приключилась беда, хотя еще никто не сказал ей ни слова. Все прятали глаза, отводили взгляд. Она, сорвавшись с места, хотела бежать туда, но Хурсана дрожащими руками схватила ее, молча отвела в хижину и быстро ушла. Потом Сауса узнала, что дяди Хатуко молча забрали его труп, а отец Хатуко долго смотрел немигающими синими глазами на стены крепости...

У Саусы в один день обрушилась вся жизнь, все внутри перевернулось, и она ушла в себя. Больше никто не видел ее улыбающейся или смеющейся.

В доме сороки были принятые кардинальные меры: сняли хозяйку, поменяли всю обслугу, прежних поставили на самую низкую работу – по уходу за свиньями и коровами. А за Саусой поручили присмотреть Дахазиле. И это лишь за то, что работницы дома свиданий не пресекли произошедшее в корне и позволили влюбленным встречаться, не меняя партнеров, более двух месяцев.

Спустя полгода у Саусы, шедшей с водой от родника, неожиданно начались схватки. Она повернулась и осмотрела все кругом. К ее удивлению, в вечернее время тропинка была пуста, поэтому она незамеченная убежала под самый угол стены, заросший тальником и высоким лопухом вперемешку с папоротником. Быстро нарвала лопухов, свалила несколько кустов огромного папоротника и упала на них. Перекусив несколько палок, чтобы не закричать, она родила мальчика, перерезала, как учили, ножом пуповину и завязала. Ребенок чихнул и, испугавшись, она поспешила достать грудь, пока он не начал плакать. Как раз малыш только сморщил лицико, собираясь заголосить, но, получив грудь, начал жадно сосать, причмокивая и теребя ручонками мамину грудь. Сауса даже в таком крохотном уловила ямочки на щеках и подбородке и – о боги! – такую же родинку, только чуть

выше, как у отца. Пока младенец жадно сосал грудь, Сауса оторвала свои нарукавники и, сложив вдвое, плотно перевязала животик ребенка, предварительно приложив лист подорожника. Она не знала, что делать дальше. А ребенок наелся и тут же заснул.

Вдруг в сумерках белая бурка заслонила все небо. Дахазиля нагнулась, раздвинула ножки ребенка и, вздрогнув, стукнула Саусу в лоб кулаком так, что она выронила младенца:

— Ты что делаешь, жить тебе надоело?

Дахазиля схватила ребенка за ноги и, развернувшись, швырнула его за крепостную стену. Сауса четко увидела ребенка над стеной и услышала, как он закричал, но одновременно с всплеском воды в реке, протекающей внизу под высоким яром, его плач затих. Дальше Сауса ничего не помнит — как оказалась дома, на лежаке, как отмылась, или ее кто-то отмыл, — все было как во сне, кроме маленьких пальчиков и причмокивания губ у ее груди.

Наутро Дахазиля сказала нескольким соседкам-кольчужницам, что ночью у Саусы случился выкидыш, и она лично закопала мертвую девочку на только что вспаханном поле. Все с недоумением посмотрели на пахоту, а потом на Дахазилю, но тут Хурсана сказала:

— Чем вы недовольны? Если хотите сделать ей саркофаг, то мы выкопаем и отдадим вам, я помню, где мы ее закопали...

Слова Хурсаны прозвучали убедительно, и кольчужницы пошли на работу без Саусы. Дахазиля была благодарна своей подруге, которая перед всеми поддержала ее. Хурсана делала так всегда, ни во что не вникая и не раздумывая.

* * *

С тех пор Сауса пропиталась ненавистью ко всему, что было связано с извращенной жизнью амazonок. В этом мире любовь не просто презиралась, а целиком исключалась. Здесь меняли саму природу женщины, превращая ее в страшное существо. Даже не в зверя, ведь звери так не поступают — они свободны и волны. Все существа испытывают любовь, кроме амazonок, подготовленных лишь к одному — к бою, в котором они не знают преде-

лов злости, жестокости и кровожадности. Это не люди, таких не должно быть! Это против самой природы.

Сауса знала, что с этого момента вся ее жизнь будет отдана борьбе с империей, но она не представляла, что делать и как себя вести. Она могла позволить себе только думать, никому не говоря ни слова. Подвиг Саны разбередил ее вечно свежую рану...

Как всегда после рабочего дня, Сауса сидела у своего очага. Вдруг кто-то вошел, на плечи ей легла тяжелая рука, и женский, очень властный, но тихий голос сказал:

– Иди в покой Дышаны!

Незнакомка исчезла так же неожиданно, как и появилась. Удивляясь такой таинственности, Сауса быстро пошла к Дышане. Зайдя в большую комнату, она увидела у очага очень старую женщину с лицом землистого цвета. Перехватив удивленный взгляд, старушка улыбнулась, показывая белые зубы, что лишь подчеркнуло могильную, с синевой, темноту лица.

– Садись, девочка, и не удивляйся, мы не знакомы, потому что в этой крепости меня знает одна Дышана, – произнесла старуха и замолчала.

Сауса заметила, что у нее мягкий голос, и чутье подсказало, что этой женщины можно не опасаться.

– Я знаю твои уникальные способности в закалке стали. Вообще, знаю про тебя все, но ты ничего обо мне не слышала. Я Луцэ-уд! Амазонка, за которой охотится полмира. Делаю знаменитые сабли, тайну изготовления которых я получила от старших матерей примерно в твои годы. Тебе уже есть сорок?

– Нет. Мне тридцать три.

– Ну, прости меня, тут темно, а я уже слепну от работы со сталью. Так вот, с этого момента твоя жизнь висит на кончике твоего же языка. Если ты сейчас откажешься от моего предложения, то умрешь легкой, мгновенной смертью. Но если не откажешься, а примешь и дашь обет именем Небесного камня, то будешь иметь в этой жизни все, что может тебе дать Шхагуаша. И еще. Если ты дашь слово, но не сможешь его сдержать, то великая тысячелетняя империя умрет долгой, мучительной смертью.

При упоминании имени верховной царицы Шхагуаши Сауса хотела встать в знак уважения, но опять та же мягкая и очень тя-

желая рука удержала ее. Таинственная амазонка, оказывается, стояла за спиной.

– Болтливой и общительной тебя не назовешь. Ты умеешь сдерживать эмоции и знаешь работу со сталью, это мне нравится. Тебе даже будет легче, чем мне. Ты как главный оруженосец Дышаны можешь выходить к людям и продолжать жить, как раньше. Никто ни в чем тебя не заподозрит. Смотри на этот мир свободно, гуляй на воле. Я же вынуждена много лет сидеть в подземелье, потому что случайно попалась на глаза предателю... Это все, что я могу сказать, пока ты не дала слово клятвы самой Шхагуаше. Ты готова поклясться?

Сауса без раздумий ответила:

– Если великая Шхагуаша сочтет возможным выйти из-за моей спины и показать свой светлый лик, я встану перед ней на колени и дам клятву!

Послыпался легкий смех, и на свет очага вышла высокая, неимоверно стройная женщина в легкой блестящей бурке и черном башлыке, сбросила все это и, улыбаясь обезоруживающей улыбкой, перед Саусой встала изумительная красавица лет пятидесяти. Обращаясь к Саусе очень мягко и глядя ей в глаза, она спросила:

– Милая, объясни нам, двум глупым старухам, как ты догадалась, что я здесь. Ведь меня никто не видел, ни по дороге, ни в крепости. Я ехала, превратившись в черную кошку. Рассей наши сомнения, видишь, старая Луцэ-уд вот-вот упадет в обморок.

– Во-первых, я слышала о силе ваших белых и нежных рук. Во-вторых, кто еще может не позволить мне встать, чтобы выказать уважение? Ваша скромность известна всем...

Говоря это, Сауса не могла поверить, что сам бог человеческих чувств Псатха был за нее – ей в руки вручалась судьба всей империи! Теперь все прежние страдания ничего не значат, и Сауса свободно может делать то, что она задумала, ни на что не оглядываясь и никого не боясь.

– Дитя мое, ты умеешь не только льстить, но и здраво рассуждать. Кроме того, хотя ты не воительница, силы воли и мужества у тебя хоть отбавляй. Мне достаточно того, что ты встанешь с колен, стоя пожмешь мне руку и скажешь определенно: при-

мешь ли ты тяжелую долю единственного мастера империи, за которой охотится весь мир, или предпочтешь легкую и скорую смерть без мучений.

Сауса встала, подала руку Шхагуаше и произнесла:

– Я выбираю жизнь мастера!

Верховная жрица обняла ее и торжественно сказала:

– С этой минуты ты произведена в ранг уд! Ты вторая за многие века, кто удостоен такого высокого звания в молодом возрасте. Первой была великая Хъыдджэбзуд, которая правила великим государством в долине Нила.

А теперь сядь и слушай дальше. Недавнее нашествие китайцев имело целью похищение Луцэ-уд! Но наше счастье победило, и она осталась у нас. Китайцы – очень упорный народ, и если они захотели получить эту саблю, то будут добиваться поставленной цели, пока хоть один из них жив. То, что они захватят несколько сабель с собой, ничего не изменит в этом мире. Но если они смогут заполучить мастера, опоят ее зельем или же пустят из мешочка ей в нос заговоренный воздух, она может выдать секрет сабли. Тогда мы все погибнем. И смерть будет мучительной.

Вот поэтому мы решили пойти на хитрость. Это план самой Луцэ-уд. Мы знаем, что китайцы не так глупы и просты. Они наверняка внедрили в наши края много своих ушай и глаз. Возможно, на это они и рассчитывали, положив здесь целое войско! Они действуют планомерно. Так вот, как только Луцэ-уд скажет мне, что ты уже научилась делать сабли, мы уедем, а по пути на нас якобы нападут греки. В схватке с нами они все погибнут, там же погибнет и Луцэ-уд.

На этом месте мы всенародно устроим ей достойные похороны с выездом делегаций всех крепостей и будем совершенно открыто говорить, что нет больше Луцэ-уд, погибла последняя мастерица, хотя сабель, которых она нам приготовила, хватит надолго.

Эллины будут настоящие, но к ним в отряд из ста двадцати человек внедрены двое наших мужчин, до этого долго жившие в Эладе. Они устроят так, что греки нападут на нас и будут сражаться, а Луцэ-уд полезет в гущу сражения и будет убита или

ими, или кем-то из наших. После этого все элины должны быть уничтожены, в том числе наши двое. Таким образом, мы своими руками убиваем своих же героев и великую Луцэ-уд ради сохранения империи.

Шхагуша уловила взгляд Саусы на Луцэ-уд, которая сидела отрешенно, будто говорили не про нее, и сказала:

— Я повторяю, это план самой Луцэ-уд.

Тут Дышана собственноручно принесла мясо и пасту. Извинилась, что может не все так вкусно, мол, отвыкла сама готовить. Когда принялись есть, Луцэ-уд возмущенно сказала:

— Паста недосолена!

Дышана сперва совершенно растерялась, потом, хлопнув себя по лбу, первая и засмеялась. Она вспомнила, что в пасту соль вообще не кладут, и оценила ловкую шутку Луцэ-уд.

Уже наутро Луцэ-уд начала учить Саусу великому тайнству, которое оказалось не таким уж и сложным. Старая уд показала состав стали — довольно простой, потом они выковали сырец-заготовку и, зажав заготовку в деревянные тиски, целый день спиливали напильником. Затем опилки аккуратно собирали на широкий белый блестящий кожаный лоскут. Луцэ-уд, открыв большой кувшин, достала оттуда ковш обыкновенной ячменной мелкой крупы и в большой чаше перемешала ее, добавляя мелкие доли опилок до образования однородной массы.

Потом она спросила, не помнит ли Сауса, какие птицы охраняют дом Дышаны. Сауса помнила, да и все это знали и удивлялись, что дом предводительницы амазонок охраняет десяток гусей, которых держали в особом загоне, где и пол и стены состояли из белых, гладко отшлифованных каменных плит. Луцэ-уд велела отнести гусям эту приготовленную смесь с опилками от заготовки сабли и скормить им.

На другое утро старуха приказала Саусе, вручая ей совок и веник, собрать весь гусиный помет в загоне. После того, как Сауса принесла это, старуха аккуратно сложила все в чистую керамическую емкость. Так повторялось каждый день, пока всю заготовку не сняли напильниками на опилки, не скормили гусям и не собрали весь помет. Потом старая уд отмыла опилки от перекисшего помета, подобно тому как в лотках моют золотой песок.

Далее она разогрела опилки в медной емкости и опять собрала заготовку методом ковки. Отковав до нужной толщины, они вдвоем отшлифовали заготовку, после чего Луцэ-уд достала кожаный мешок, развязав который, достала еще один черный мешочек из кожи. Внутри находилась связка аккуратно сложенной пшеничной соломы. Раздув огонь, мастерицы сунули в угли заготовку сабли, а сами приготовили купель из керамики на всю длину сабли. Старуха выпила туда черную маслянистую жидкость и сказала Саусе, что это масло, добываемое из зернышек спелой бузины.

Затем наступил самый важный момент: надо было накалить заготовку ровно под цвет соломы, которая достигает такой спелости 25 июля днем, после того как созвездие Вагозабын встанет над городом Чэрдан, как шапка, и это будет видно, если находиться под городом Уд-Ошха¹ на берегу реки Инджыджыкыу (Малый Зеленчук). Это и есть эталон цвета накала перед закалкой.

Сауса быстро сказала: «Отсчитываю от десяти до одного!» – и принялась считать, глядя на расположенный пучок соломы: «Десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один – вытаскивайте!» Старуха, не скрывая восхищения, выхватила заготовку, сунула с шипением в масло и прошептала нараспев: «Псыхъ-псыхъ, щхъэр ухъ! Псыхъ-псыхъ, псэр ухъ» («Кались, кались, голову снеси! Кались, кались, душу унеси»), вынула, подержала над чаном и опять запела: «Псэху-псэху – пицэр пыху, псэху, псэху – лъэр щЭху» («Отдыхай, отдыхай, душу вынь, отдыхай, отдыхай – ноги выбивай»).

Семикратно она утопила заготовку в масло, делая паузы и повторяя свой устрашающий стих. Потом махнула саблей, которая с жужжанием стала волнообразно и свободно изгибаться, как змея. Лезвие было тонкое, с бороздами по обе стороны, причем с тыльной стороны, с правого бока, борозда была ближе к острию, а с левого – наоборот, смещена к обушку. Затем саблю отполировали, приделали к ней рукоять, в которой с торца имелся разрез. После того как саблю обвили вокруг пояса, острие воткну-

¹ У д-О ш х а – древнее название горы Машук.

лось в паз рукоятки и посредством шпонки застопорилось через «глаз змеи» – отверстие в острие.

Это и был весь процесс изготовления сабли. Сауса под молчаливым наблюдением наставницы сама изготовила еще три сабли, которые оказались даже лучше, чем та, которую они делали вместе. Наверное, оттого, что молодая мастерица все-таки лучшечувствовала цвет накала.

После этого, попрощавшись с Саусой и переодевшись в обычных амазонок, царица Шхагуаша и Луцэ-уд взяли в попутчицы сотню хороших воительниц и выехали «встречать гостей из далекой крепости». По пути на них, как и ожидалось, напали элтины...

Все остальное тоже произошло именно так, как было запланировано. Когда подоспела подмога, Шхагуаша, сняв грим и переодевшись в свои царские одежды, рыдала над телом Луцэ-уд. Присутствовавшая в обычном строю Сауса была уверена в исключительности слез и слов Шхагуаши, которая, прочитая, говорила о том, что величайшая мастерица во всем мире внезапно погибла от рук невежд, что вся империя осиротела в один миг, что пока она, Шхагуаша, живет и дышит, не будет прощена эллинам смерть Луцэ-уд.

Пышно и торжественно похоронив старую мастерицу, Шхагуаша объявила амнистию:

– Отпускаю всякого плебянина, который дает слово, что никогда не вернется на эту землю с оружием!

И сдержала слово.

На другой день все предводительницы со всех крепостей собрались на огромном кургане Луцэ-уд и месяц справляли поминки, сокрушаясь о великой потере. Сауса тоже неделю стояла на похоронах почти рядом с Дышаной и неподалеку от Шхагуаши, которая, кстати, ни разу не посмотрела в ее сторону.

Затем Сауса вернулась с остальными в крепость и впала в апатию. Двойственные мысли терзали ее душу. С одной стороны, она так же ненавидела империю и все, что она думала раньше об этих зверских нравах, оставалось с ней. Но все-таки поступок великомученицы Луцэ-уд был очень ярким: прожить такую закрытую жизнь и так красиво отдать ее за свою империю... Это

был не только заразительный пример, но и подлинное геройство! И все же, когда в памяти всплывали беспомощные и такие спадкие движения ручек младенца, его причмокивающие движения губками... Нет, Сауса всей душой твердо встала на путь мести!

Будучи в свое время кольчужницей, Сауса выходила за ворота и принимала уголь, что уже больше тридцати лет привозил на волах рудокоп – хеттский старец. И вот как-то, гуляя по крепости, она встретила веселую Зазу, принимавшую теперь этот уголь. Увидев Саусу, она обняла ее и после слов приветствия попросила подсказать кое-какие секреты по отбору угля, а то старая уд – начальница кольчужниц – клянется, что с уходом Саусы уголь стал худшего качества. Сауса не прочь была пообщаться со старыми знакомыми и пошла с Зазой к воротам.

По дороге Заза рассказала, что вместо рудокопа, который заболел, уголь теперь возит его молодой сын, да такой красавец! И откуда у смуглого деда и старой кривоногой бабки такой мололец? Говорят, что он неплохой кузнец, но договор с дедом заключен до конца года, и задаток он взял в баранах. Вот парню и приходится вместо отца возить уголь, чтобы не возвращать овец. Ну и правильно, зачем баранов отдавать, осталось-то всего два месяца.

Так девушки дошли до ворот, за которыми расположилась воловья повозка, а спиной к ним стоял высокий и плечистый парень в кожаном фартуке. Саусе вдруг стало жарко. Что-то очень знакомое... Когда молодой человек повернулся к ним, Сауса вскрикнула и упала без сознания. Придя в себя, она обнаружила, что парень бережно усадил ее на большой валун с внешней стороны ворот.

– Что с тобой случилось? Ты что, беременна? – спрашивала Заза.

– Со мной так бывает. Я наступила криво на камень, заглядевшись на парня... – попыталась пошутить Сауса, собрав всю волю в кулак.

Беспримечательные боги! Те же синие глаза, те же ресницы колючепрямые, те же ямочки на подбородке и щечках. Возможно ли это? И вдруг она вспомнила...

– Сынок, потяни меня за правую стопу, может, вправишь на место.

– Конечно, конечно... – заговорил юноша. – Ну держитесь, мне всегда говорили, что амазонки выносливы и терпеливы.

«О, Тхашхо! Это мой сын! У него и голос моего Хатуко!» – еще сильнее заколотилось сердце в груди.

Когда парень нагнулся, и за его ухом она увидела каплевидную родинку, Сауса больше не могла сдерживаться. Слезы полились ручьем из глаз, она зарыдала так горько, что все не на шутку перепугались.

Заза тут же остановила молодую амазонку, собиравшуюся выехать на коне из крепости, приказала слезть и отвести в покой Дышаны ее подругу.

Амазонка спешилась, а парень, подняв Саусу, как пушинку, посадил ее в седло. Сауса нагнулась и обняла его за шею нежно, бережно, в то же время крепко. Обескураженный молодой человек приладил в стремя якобы больную ногу и пробормотал:

– Вот не поверит отец, что амазонки плачут от боли.

– Нет, сынок, амазонки не плачут, как обычные женщины. Амазонки не плачут, плачут матери.

Последние слова, сказанные шепотом, оставили парня с широко открытыми глазами. Почему эта, в сущности, жестокая, как и все амазонки, воительница, так чутко и нежно назвала его «сынок», и сколько силы и боли было в ее словах?! Что все это значит?

Упав на свои перины как была – в испачканной одежде и обуви, не в силах унять стук сердца, Сауса лежала, и слезы текли по ее вискам, но это были уже не слезы горя. Как это возможно? Он же упал в воду! А если бы не в воду, то разбился бы о камни. Но как он остался жив? Значит, ему суждено жить, его уберегли боги!

Она немного успокоилась только в тот момент, когда продумала дальнейшие действия.

«Мой сынок, мой Тхазеп!» – повторяла она услышанное от Зазы его имя. Огромная, не знакомая до сих пор сила подхватила Саусу и несла все ее существо к невообразимой мечте. Было такое ощущение, что она тысячу лет томилась в темном подземе-

лье, не ведая, что есть великое чудо – Солнце, которое она только что заметила. Оно ярко осветило ее душу, согрело тело. Казалось, что все цвета стали сочнее и ярче, ветер ласковее, вода в реке чище, небо синее и выше.

В следующие дни она тщательно изобретала план встречи с сыном, бессонными ночами придумывала тысячи ласковых слов для него. Сауса должна была высказать единственному сыну столько всего, чтобы он понял глубину ее боли и любви. Она считала каждый миг до встречи с ним и чувствовала, насколько тянется к нему и как тоскует, но боязнь за его жизнь брала верх, и Сауса снова и снова откладывала встречу.

Парень так же продолжал привозить уголь вместо старика, но бедная Сауса ни на что не решалась, боясь выдать себя просто взглядом или слезами, какие уже не спишешь на боль. Тогда могло случиться непоправимое – амазонки убьют ее единственную радость, которую сохранили боги, сотворив чудо. Она всегда знала, по крайней мере, чувствовала, что сын сейчас, в это самое время, стоит у ворот и ждет, когда разгрузят его арбу. Не преодолимое желание бежать к нему, броситься ему на шею и ласкать его, не переставая, нарастало как снежный ком и превращалось в физическую муку, от которой время становилось невыносимой тяжестью. Все чаще Сауса без сил падала на койку и рыдала.

* * *

Приехала с похорон старой мастерицы Дышана. Она внимательно посмотрела на Саусу и решила, что смерть предшественницы удручающее подействовала на молодую уд. Дышана сама предложила ей временно прекратить работу по изготовлению сабель и отдохнуть, вести себя более свободно, больше общаться с подругами по вечерам. И объяснять, если кто спросит, что Дышана держит траур, не надевает доспехов, а потому не нуждается в услугах хранительницы личного арсенала.

Но Сауса не могла много ходить пешком, потому что у нее была «вывихнута» нога. Поэтому ей были предложены конные прогулки по окрестным горам, она облезжала кошары, табуны, пастбища, чтобы отдохнуть от подземелья, полечиться чистым

воздухом и солнечными ваннами. При этом хитроумная Дышана преследовала и другую цель: выявить вражеских разведчиц, завербованных китайцами. Никто не должен был знать, что одна из оружейниц поменяла свое место работы после смерти старой мастерицы, тем более Сауса, одна из самых достойных и талантливых. Потому предводительница в качестве охраны приставила к Саусе двух подруг – Дахазилю и Хурсану, которые вдвоем стояли целого войска.

Сауса, убедившись, что ее сын остался в живых, не могла ответить себе еще на один вопрос: неужели Дахазиля могла рас считать падение ребенка и сделать его безопасным или сами боги заступились за жизнь невинного младенца и спасли его? Как бы то ни было, при первом же выезде на охоту-прогулку в горные луга, Сауса почувствовала, что больше не испытывает к Дахазилю привычной ненависти. Своим явным дружелюбием, в искренности которого невозможно было усомниться, Сауса озадачила умную амazonку, которая прекрасно помнила, что между ними произошло. Дахазиля не могла понять причину перемены в облике Саусы и ломала голову, пытаясь разобраться. Призадумалась и Хурсана, заметив все это.

Они ехали в Ущелье водопадов. Три богато одетые всадницы скакали рядом по великолепному ковру альпийского разноцветного луга, стреляя в фазанов и уларов, которых поднимали собаки. Казалось, боги решили собрать в это утро все самое красивое на свете в одно время и в одном месте, чтобы самим насладиться. Три божественные красавицы на великолепных и грациозных конях, кружавшие над ними соколы, росистый луг с тысячами цветов, белоснежная гора Ошха-Махо на фоне лазурного неба, мощные водопады... Амazonки скакали легко и плавно, косые лучи солнца играли на драгоценных камнях доспехов и оружия. Смеясь, Дахазиля и Хурсана добивали дичь, в которую стреляла и не попадала Сауса из своего лука. Набив себе на обед трех уларов и двух фазанов, женщины освежевали их не оципывая и привязали к седлу Саусы, подшучивая, что, мол, она их так рассмешила своей стрельбой, что они со смеху и подошли.

Так незаметно время подошло к полудню, оно ведь быстро летит, когда человек отдыхает всей душой. А сегодня настроение

Саусы передалось и ее спутницам, и всем троим было хорошо и светло...

Но вдруг Хурсана, резко притормозив своего Вагоиха, подняла руку, что означало «Остановиться!». Притихнув, они услышали звуки деревянной трубы, доносившиеся снизу, где протекала река. Это был сигнал тревоги. Все напряженно посмотрели вниз. Там стоял всадник, закутанный в белый башлык, с длинной деревянной трубой в руках. Трубач показывал на небо за горой Белоглинной и опять трубил, еще тревожней. Всадницы посмотрели вверх, куда указывал сигнальщик, но ничего особенного не увидели, потому что гора закрывала от них треть неба. А трубач принял давать сигнал «Ко мне!», уже гораздо настойчивее. Хурсана дала команду собакам, которые, в отличие от хозяек, уже почувствовали опасность, и они понеслись во всю прыть вниз – напрямик, но чуть в сторону от трубача.

– Они бегут к жилищу! Быстрей! За ними! – и всадницы отпустили поводья. Лошади, поняв по поведению собак, что происходит что-то неладное, тоже полетели вниз. Не успели амазонки проскакать и тысячи шагов, как, оглянувшись, увидели, что из-за Белоглинной горы выступила огромная черно-серая туча, которая надвигалась очень быстро и росла на глазах. Уже слышался шум и пока еще отдаленный грохот. Сплошная темная стена неслась, поглощая отроги и отдельные вершины гор, ломая и круша обширные рябиновые леса, захватив уже полнеба.

Амазонки, чьи лошади в паническом страхе летели вниз, чувствуя, что вот-вот на них обрушится стена ливня и града, неслись во весь опор. Но тут увидели всадника, укутанного в грубую бурку и башлык, надетый поверх мохнатой шапки, на статном жеребце. Оказывается, он ждал их и стоял на распутье двух овечьих троп. Незнакомец жестом показал «За мной!» и поскакал вниз с почти отвесной кручи, амазонки не сговариваясь рванули за ним. Как только они очутились на ровной поляне, всадник резко повернулся в сторону и полетел дальше, держась подножия отвесной скалы. И правильно поступил, потому что спустя несколько мгновений косой поток воды, льда и грязи сплюшной стеной закрыл все, оставив узкий коридор под скалой, по которому и пронеслись всадники. Холодные брызги ливня с мелкими

осколками льда и воздушными пузырьками забивали ноздри, глаза, рот, не давая дышать и смотреть вперед. Вдруг всадник, скакавший впереди, замедлил бег и почти шагом заехал в черный от копоти зев широкой, но неглубокой пещеры, где уже сидели собаки, прижавшись к стене.

Перед входом в пещеру под огромным козырьком скалы стояла просторная сакля из больших валунов, а мощной крышей служили толстые бревна. По верху наката расположилась кровля из камня и глины. К сакле была пристроена кузница. Мужчина жестом пригласил спутниц войти в дом, а сам принялся ухаживать за лошадьми.

Уже в дверях Сауса оглянулась на буйство стихии: с неба низвергался ливень, градины величиной с кулак сплошным слоем покрывали землю. Она поняла, что только благодаря этому неизвестному им на помощь богами, они спаслись от неминуемой гибели.

Амазонки вошли в чистую, аккуратно прибранную, просторную комнату. Даже Дахазиля, не морщась, сняла свою белую бурку, отряхнула и повесила на деревянный сучок наподобие вешалки, торчащий из стены. Потом присела на скамью из цельного ствола, покрытую циновкой. Озираясь по сторонам, так же поступили и остальные две девушки.

Немного погодя из открытой двери, ведущей в соседнюю комнату, вышла женщина и приветливо обратилась к амазонкам:

– Неужели боги принесли в наш дом самих дочерей Солнца?! Если я кому-нибудь расскажу, что непогода заставила войти ко мне в дом трех богинь, мне никто не поверит. Тхашхо! Как велика твоя сила творить красоту! Присядьте ближе к очагу, я вас напою альпийским чаем с лепешками, пока сын не принесет мясо.

Амазонки поблагодарили и вежливо отказались от угощения, сказав, что не голодны.

– А наш старик совсем плох, – продолжала между тем приветливая хозяйка. – Раз он не может выйти поприветствовать этих трех фей, похоже, он или неживой, или настолько испугался грозы...

– Ну не могу же я просто так выскочить, хотя бы не подкрутив обвисшие усы! – раздается голос из другой комнаты. Выходит

старик и шаркающей походкой направляется к столу, манерно приветствует амазонок, натужно выпрямляясь и выпячивая впалую грудь.

Глядя на эту церемонию, амазонки невольно рассмеялись, и тут же в комнате воцарилась радушная атмосфера, и дрожь от недавно пережитой смертельной опасности потихоньку ушла.

Но неумолчный грохот за каменными стенами напоминал, что там настоящее светопреставление. Бог грозы Тешуб гневался во всю мощь, не боясь никого и не жалея ничего, ломал, валил и обгладывал градом вековые деревья. Надвигаясь на разноцветье лугов, в миг смешивал все в черно-белое месиво льда, грязных веток и мелко изорванной травы, что недавно так красиво зеленела. Гром, молнии, шквальный ветер, рев горной реки внизу – все перемешалось и темной массой закрыло ущелье, превратило день в ночь.

Темно было и в сакле. Хозяйка принесла из кузницы охапку тонких облепиховых дров – заготовок для кузнечных работ, чтобы осветить комнату. В это время в комнату вошел спаситель девушек – высокий молодой парень. Он снял с плеча кожаный мешок и поставил у очага, подав знак матери. И когда вдруг в очаге дружно разгорелись дрова, мощное пламя осветило комнату. Три амазонки, увидевшие парня, одновременно вздрогнули. А пожилая пара, внимательно посмотрев на Саусу и Тхазепла (так звали парня), переглянулась и медленно присела на топчан. Их лица выражали страх и растерянность.

Да! Это был их дом, старик был именно тем рудокопом, который всю жизнь возил в крепость уголь, а парень был сын Саусы – Тхазепла.

– Но это невозможно... Он как две капли похож на него, и твои черты в нем тоже есть, Сауса! Стало быть, это твой сын, и ты его знаешь! Вот почему ты вдруг перестала ненавидеть мою подругу... – медленно произнесла Хурсана.

Дахазиля тоже все поняла с первого взгляда. Вдруг великая радость озарила ее лицо, и она воскликнула:

– Великий Псатха! Спасибо тебе! Значит, я не убила его! Он жив!

Сауса была не в силах ничего больше скрывать, да уже и не находила в этом смысла. Она твердо сказала:

– Да, это мой сын. Боги пощадили его. Неделю назад я случайно столкнулась с ним, когда он привез уголь в крепость. Я сразу же узнала его! Его невозможно было не узнать. И сегодня боги все сделали, чтобы мы встретились, потому что все имеет свои пределы – даже жестокость богов. Они не решились отнять у меня сына, рожденного в любви, небо склонилось надо мной – и вот он! Вот знамение – Тешуб во гневе, он все хочет перемешать с грязью, видя то, что сделали со мной. И он такой небывалой бурей согнал нас сюда, чтобы, наконец, я встретила его! Сегодня плачут и небо и боги, как я! Елэ¹ – и тот рвет и мечет бурю в моей душе, она бушует уже больше недели, с тех пор как я его узнала. Эта буря вызвана непреодолимым желанием видеть сына, единственного, ради которого я теперь не боюсь никого и ничего. Теперь мне не страшна вся империя! Делайте со мной что хотите! Те муки, что пришлось мне пережить с его рождения, ставят меня не ниже богов. И я вознаграждена счастьем видеть сына! Сынок! Я твоя несчастная мать, которая плачет по тебе всю жизнь, прожитую тобой до сих пор! Плачу тайком, не могу хоть раз открыто выплакаться, по-женски, в голос. Потому что я амazonка, проклятая людьми и небом. Нажгужидза я! Боялась встречи с тобой, сынок, потому что могла выдать тебя своей слабостью, боялась, что и тебя умертвят мои сестры, как это произошло с твоим отцом. Ведь это верная смерть для тебя, которую я, только что вновь обретшая тебя, не перенесу! Обними меня, ради Псатхи! Мне больше не на что надеяться, мне больше ничего не надо!

– Но постойте! – перебил ее Тхазепт. – Не называйте меня сыном. Вы ошиблись! Вы очень красива амazonка. Я не знаю, что меня к вам притягивает, но с той первой встречи вы все время у меня перед глазами. Вы излучаете столько нежности, а голос проникает в душу. Мне приятно видеть и слышать вас. Но вы мне не мать. Вы, скорее, добрая богиня. Вот моя мама! – с этими словами он подходит к женщине-хозяйке дома и подносит ее ладони к своему лицу. – С самого рождения она меня вскормила и воспитала! А вот мой отец, и я не сын Канж!

¹ Елэ – бог молнии.

В тяжком труде днем и ночью они отдавали мне все свое здоровье! Они все несли мимо себя – мне! Они могли целый день, сгорбившись, собирать для меня ягоды, не положив себе ни единой ягодки в рот, чтобы утолить жажду соком. Они не спали ночами, когда я болел, и стояли на коленях около моей постели, вымаливая у богов мне жизнь, а взамен просили забрать свою. Во времена засухи и лихого года они могли жить на травах, корнях, диких плодах и фруктах, откладывая для меня последние куски, лишь бы я не испытывал голоды. Они могут стать самыми счастливыми, услышав от меня несколько добрых слов, но в то же время и молча умереть от одного моего горького слова.

Сколько боли нужно перенести человеку с рождения до совершеннолетия? Человек-ребенок учится двигать руками, держать голову, сидеть самостоятельно, ходить по земле, лазить по деревьям и горам, ездить верхом, плавать. И всему этому он учится через боль и слезы. А любой ушиб, царапина, мельчайшая заноза и колючка в стопе больнее чувствуется и сторицей отдается в сердцах родителей. Нажгужидзы этого не знают! Я видел, как вы плакали от боли физической, когда вывихнули ногу, хотя это и похоже на слезы матери, но все же это не то! Вы амazonка, вы не можете знать, кто такая мать, кто такой отец, так же как не можете быть мне матерью. Я сын этой женщины и этого мужчины!

Я вижу, что вы общаетесь с самыми знаменитыми героинями – кто же не знает непобедимых Дахазилю и Хурсану! Вы, очевидно, занимаете очень высокое положение в империи. На вас драгоценные доспехи, лучшее оружие, у вас великолепный скакун. Вы легко можете решить судьбу не только одной бедной семьи, как наша, но и целых народов и государств. Перед богами и перед смертью, чему вы можете нас свободно предать без хлопот для себя, я вам говорю, что эти два сгорбленных и напуганных человека, которые сейчас боятся только за меня, гораздо выше всех вас! Выше, потому как вы не можете быть столь добры, великодушны и самоотверженны, не можете так любить кого-нибудь, как они. Вы всего лишь бесчувственные амazonки! Вы рожаете и даже не смотрите, кто у вас появился на свет! Удирают за вас, кому жить, а кому умереть из новорожденных. Еще не родившись, дети плачут и дрожат у вас в утробах!

Извините меня за злые слова, и прошу вас, прекрасная амазонка, не унижайте мою маму, называя меня так настойчиво своим сыном. Мама, отец! Почему вы молчите, помогите же мне убедить ее!

…Продолжить разговор первым нашел в себе силы стариk, который с трудом выговорил:

– Погоди, сынок! Я всю жизнь добываю черный уголь для оружейниц крепости, и ты единственный свет, что был в моей жизни за это время. Мои уши уже плохо слышат, а глаза почти ослепли, но сквозь сегодняшнюю ужасную бурю, когда боги, молчавшие два десятка лет, захотели расставить все на свои места, я отчетливо слышу плач младенца.

…Я хорошо помню тот день. Как обычно, привез уголь к стенам крепости на своих волах и, отдав арбу на разгрузку, сидел под дикой сливой на берегу Сорочьей речки. Ты знаешь, я долго не могу усидеть без дела, от скуки я начал собирать алычу. Крупная и сладкая она там! Мне не во что было складывать плоды, я подобрал полу длинной домотканой накидки и приспособил под корзину. Выпрямившись на несколько минут, я вдруг увидел плывущий по реке живой комочек. Оказалось, что он привязан телом убитой змеи к коряге, а над водой было видно только личико, вернее, носик и ротик. Мальш бережно был обернут женским нарукавником и, что удивительно, не издавал ни звука, как будто знал, что проплывает мимо крепости амазонок, где не хотят, чтобы он жил, и в любую минуту со стены его могут пронзить стрелой.

Когда ребенок доплыл до места, где, сидя на корточках, я поджидал его, коряга, к которой он был привязан, приблизилась к берегу, и я без особого труда смог достать малыша из воды. Быстро освободив, я положил его себе в подол и присыпал плодами алычи, и мальчик, оказавшись в тепле, тут же уснул. Я понял, что он еще не голоден, значит, расстался с матерью совсем недавно.

Вскоре амазонка выгнала мою арбу. Я подошел к ней, демонстративно поедая алычу и шумно выплевывая косточки, чтобы меня ни в чем не заподозрили, и в арбу садился осторожно, чтобы лишним движением не побеспокоить мальчика.

Ты ни разу не проснулся, сынок, пока я не доехал до дома и не отдал тебя в руки моей жены Быцы. У нас детей не было и не могло быть, чему виной один жестокий случай, о котором я вынужден рассказать сейчас. Не зная начала, невозможно понять и конец. Эту историю мы держали в тайне всю жизнь, боясь, что амazonки узнают обо всем и придут убить тебя.

Мы с Быцей еще в юности сильно полюбили друг друга. Об этом знали все жители нашего селения, родители с обеих сторон не были против и решили нас поженить, но для приличия требовался небольшой кальм. А как на него накопить? Только работая на крепость. И я, к несчастью, нанялся возить туда уголь. Вскоре после того, как я занялся этим, одна амazonка, охраняющая ворота, стала делать мне недвусмысленные намеки. Видя, что я ее будто не понимаю, она напрямую предложила встретиться вечером в доме свиданий. Но я не мог принять ее предложение, так как не представлял рядом другой женщины, кроме своей возлюбленной. Но бесстыжая амazonка начала требовать своего. Тогда я, по молодости надеясь, что она поймет мои чувства, рассказал о своей любви к юной красавице, о своей преданности и верности ей. Такое признание только разозлило свирепую амazonку, она стала мне угрожать. Стارаясь уладить дело, я тихо сказал, что пожалуюсь на нее старой смотрительнице нашего селения. Самому идти наперекор этой злой и своенравной амazonке означало верную смерть. От самоуправства воительницы могла спасти только старшая амazonка, под чьей властью мы находились, она знала о моих отношениях с Быцой и не была против нашего союза.

Я так и не сходил к смотрительнице – мне показалось, что угроза и без того подействовала. Но через неделю после нашей свадьбы, когда мы с Быцой ехали на прополку в поле, неожиданно встретили засаду. На глазах моей молодой жены коварная амazonка жестоко избила, а потом оскопила меня.

С тех пор мы влечим жалкое существование, хотя я, униженный и оскорбленный своей обидчицей, не раз предлагал Быце уйти от меня и найти себе другого мужа. Но она отказалась, сказав, что, видимо, такова наша судьба, и своим уходом она не станет делать из меня посмешище – в первую очередь перед той

злополучной мстительницей. Более пятнадцати лет я носил в рукаве отравленную стрелу на случай непредвиденной встречи с обидчицей. Только пронзив ей горло, я смог бы смыть с себя позор, но мне это никак не удавалось. А она посмеивалась надо мной, сидя на верху крепостной стены, куда я при всем желании не смог бы добраться.

Но все обиды и несовершенная месть остались позади, как только этот мальчик попал к нам в руки! Мы забыли о нашем несчастье, и мне больше не хотелось рисковать – ради нашего малыша, который опять мог оставаться сиротой...

После этих слов старик посмотрел на жену, а та, поняв его без слов, молча встала, подошла к сундуку и достала два нарукавника. Протянув их юноше, сказала:

– Сынок, эта женщина и есть твоя настоящая мать, а я только воспитала тебя. Но я всегда буду благодарна богам, которые помогли мне почувствовать радость материнства – это великое счастье! Из самой несчастной женщины ты превратил меня в самую счастливую на земле. И если ты действительно ценишь меня как мать и уважаешь святое чувство материнства, не говори так строго с этой женщиной. Ведь именно она, давшая тебе жизнь, страдала все эти годы, когда я радовалась каждому дню, проведенному в заботах и радостях о тебе, сынок! Нельзя быть столь жестоким, чтобы горькими словами обидеть ее. Обними ее как свою мать, ведь большего она не просит. А эти два лоскута ткани храни как самое дорогое богатство – они сохранили жизнь в твоем беззащитном теле. Когда ты был маленьким, я часто накрывала тебя этими нарукавниками во время твоих детских недугов. Они, словно куски сердца твоей родной матери, охраняли тебя всегда! Очевидно, боги увидели ее великую боль при вашем вынужденном расставании и вложили силу материнского сердца в эти два лоскута материи. Не отвергай ее, сынок! Она родила тебя, рискуя жизнью, защищая, обернула в свои тряпки и успела напоить материнским молоком, что спасло тебя от неминуемой гибели! Неужели этого мало, чтобы поверить ей?

– Выслушайте и меня, – вступила в разговор Дахазиля. – Более двух десятков лет я мысленно стою на коленях перед Саусой и вымаливаю у нее прощение. Потому что именно мне было по-

рученко следить за ней, чтобы она доносила ребенка, но не родила в кустах, а, как все амазонки, предала младенца в руки повивальной бабки, чтобы никогда больше его не увидеть. Мне же пришлось взять на себя великий грех! В тот день, когда она пошла к роднику, ничто не предвещало родов. Ведь днем раньше повитухи сказали ей, что осталось ждать еще около месяца. Сауса благополучно дошла до реки, набрала в свой гогон¹ воды и повернула обратно. А я, чтобы пропустить ее и вновь оказаться со спины, бесшумно и незаметно ушла в густые заросли лопуха и папоротника. К несчастью, она, поравнявшись со мной, вдруг оступилась и уронила тяжелый кувшин в лужу, обляпав меня с ног до головы черной грязью. Пропустив Саусу, я, ругая ее неуклюжесть на чём свет стоит, бегом вернулась к роднику и тщательно смыла грязь. А потом пошла к себе, думая, что Сауса давно вернулась. Дойдя до ее дома, я заглянула внутрь под предлогом, что мне захотелось свежей воды. Не обнаружив Саусу и не увидев гогона с водой, я забеспокоилась и решила вернуться туда, где видела ее в последний раз. Не подозревая ничего особенного, я просто думала, что она снова забилась в какой-то уголок и плачет по своему любимому.

Когда я, осторожно ступая, дошла до угла стены, где она выходит на поворот крутого яра и теряет высоту, я обнаружила Саусу. Ее выдал звук, неведомый мне до этих пор. Бесшумно приблизившись, я увидела умирающего малыша, спокойно прильнувшего к материнской груди. Я настолько испугалась, что все остальное делала не задумываясь, под влиянием какого-то необъяснимого звериного ужаса. У нас и девочкой-то не принято кормить материнской грудью, а тут мальчик – вестник беды! Я хорошо знала, чем заканчивается вскармливание мальчиков у амазонок. Это была верная смерть и для Саусы, чего я ей не желала, и для меня, не выполнившей своей простой задачи. Другая на моем месте должна была убить обоих – и мать, и младенца – и точно сделала бы это, а я не смогла. Моя вина лишь в том, что я машинально схватила младенца за обе ножки,

¹ Г о г о н - крупный металлический, обычно медный, узкогорлый кувшин с одной ручкой.

без резких движений, плавно раскрутила его тельце и высоко подкинула, целясь за стену. Я проследила за его полетом: малыши перелетел всего лишь на два-три пальца выше стены и быстро исчез за ней. Потом я услышала короткий писк и сразу же плеск воды. Река в этом месте поворачивается и, сужаясь, углубляется в человеческий рост, а после поворота течет плавным и широким плесом до самых главных ворот крепости...

С тех пор я не могла забыть ужасный поступок, совершенный мной, и эта жестокая картина преследовала меня. По законам империи, я совершила преступление, спасая жизнь Саусы. Но, с другой стороны, я преступила человеческие законы, посягнув на жизнь ребенка. И за это не могу простить себя по сей день...

И сейчас, Сауса, увидев этого парня, так похожего и на отца и на тебя, я счастлива, что мои руки чисты и не запачканы его невинной кровью. Это очень важно для меня! Получается, что я и его не убила и спасла нас с тобой, Сауса!

Но сейчас я хочу преклонить колени не перед тобой, моя дорогая подруга, а перед этими седовласыми людьми, сумевшими вернуть к жизни и воспитать твоего ребенка.

— Я тоже готова поклониться им, — заговорила Хурсана, как всегда взвешивая каждое слово, будто не губами их произносила, а читала в собственном сердце. — И хочу извиниться перед Саусой, этим молодым человеком и остальными, которым я вынужденно принесла столько горя! Да, не удивляйтесь. К моему великому сожалению, и я не осталась в стороне от этих событий. Как ни прискорбно, в отличие от Дахазили, я не могу сказать, что на моих руках нет крови. Вы можете прямо здесь расквитаться со мной, и я не подниму руки, чтобы сопротивляться. Во мне воспитано столько чудовищной силы воли и терпения, что я и сама могу вскрыть себе грудь и, вырвав свое сердце, протянуть его вам. Но и это не поправит то, что я сделала. Я не смогу искупить кровь твоего любимого человека, Сауса, и твоего настоящего отца, Тхазепа!

Однажды ночью я получила приказ встать около бойницы в стене и ждать вражеского лазутчика, который затесался между нартами и отдыхал в доме свиданий. Меня предупредили, что, как только он поедет обратно, из леса со стороны барсучьей гор-

ки раздастся «рычание барсука, отгоняющего лису» и «лай лисицы». Якобы стреляя в расшумевшихся зверьков, я должна «нечаянно» попасть прямо в сердце врагу, тем более, что он, притворяясь нартом, не надел доспехи. К сожалению, я в точности выполнила приказ, но никогда не забуду глаза его отца, который утром увозил труп...

Боги прокляли меня, не оставив в моем сердце ни капли жалости и сострадания! Вы, мои прекрасные подруги, и не заметили, что тогда я была «второй тенью», посланной наблюдать за вами обеими. И задание я выполняла неплохо, поскольку вы ни разу не ощутили на себе «лишние глаза». Я все видела в тот день, когда родился мальчик, сидя в засаде. Я старалась не вмешиваться и оставалась неизвестной до тех пор, пока не настал мой черед отвечать перед остальными. Помнишь, Дахазиля, я вступилась, когда амazonки крепости стали сомневаться в твоих словах о «неожиданном и печальном» разрешении Саусы от бремени? Мне было уже невыносимо делать только зло и только во имя империи, захотелось хоть раз поступить по-человечески. Я предоставила вам поступать по своему усмотрению и не хотела вмешиваться, даже когда Дахазиля швырнула младенца за крепостную стену. Я предполагала, что она именно так и поступит. Но, посудите сами, что еще она могла сделать в этот момент? Ни с ребенком, ни без него она не могла вернуться в крепость, а уж за пределы крепости подавно далеко не ушла бы. Так что впору возносить милость богам за такой счастливый исход!

Когда Дахазиля ловко швырнула малыша, не побоявшись испачкать свои руки, он полетел не в воду, а прямо на старый, остро обрубленный топором пень дикой яблони, которую срубили при строительстве стены. По счастливой случайности мне удалось перехватить мальчика при падении и бесшумно скрыться с ним под воду, зажав ему носик и ротик. Через несколько минут я поднырнула под крутой берег, где омытые корни таких же срубленных яблонь нависали над водой, образуя прикрытие от лишнего взора. Там я дала малышу отдохнуться, а когда он начинал моргаться, собирая воздух в легкие, чтобы расплакаться, окунала его в воду. После нескольких таких процедур он раздумал плакать, а заодно и получил закалку от пребывания в холодной

воде и на воздухе. Я даже успела к нему привязаться и не хотела расставаться с ним, даже если бы пришлось до ночи простоять в воде. Но ребенку в горной речке было неуютно, да и змеи вокруг начали шипеть от злости – видимо, я задела одну из них, когда плыла с ребенком.

Поискав глазами что-нибудь подходящее, я увидела вон ту раздвоенную корягу, которая висит у вас за очажной трубой. Я приладила малыша так, чтобы над водой оставались только ротик и носик, привязала его к коряге змеей, у которой оторвала голову, и пустила по реке, подтолкнув корягу по направлению к нарту, спокойно собиравшему альчу на берегу. Не переставая молиться всем богам сразу, чтобы этот мужчина раньше, чем постовые амазонки, заметил и взял младенца, я наблюдала за происходящим. Воистину боги всесильны и помогают тем, кому суждена жизнь! Они помогли этому мальчику! Мужчина быстро, стараясь остаться незамеченным, достал его из воды, припрятал в подол суконной накидки и прикрыл сверху ягодами, а корягу взял в другую руку, вроде как на растопку. Я рада, что эти уважаемые люди бережно сохранили корягу, без которой мне с трудом пришлось бы доказывать свою добродетельную причастность к судьбе мальчика. И еще раз сожалею, что мне пришлось убить его отца по приказу Күцей бабки...

– Да! Вот подарок бога Мазитхи! – восхликал Тхазепп, наконец, обретший дар речи. Еще раз внимательно посмотрев на корягу, он подошел к амазонкам и сказал: – Вы все рисковали, чтобы сохранить одну мою жизнь. А я, невежда, до сегодняшнего дня не мог подумать, что амазонки такие же люди, с таким же чувствительным сердцем! Простите меня за это и за произнесенные мною злые слова. Я сделал больно вам, в муках родившая меня мама! Но этим я лишь хотел защитить ту женщину, которая вырастила меня, кого до сих пор называл и дальше буду звать матерью своей. Теперь я самый богатый нарт на земле, потому что у меня не одна и даже не две, а целых четыре матери! Спасибо вам за все.

С такими словами он подошел к плачущей старой женщине, утер ей слезы и, подняв на руки, отнес к Саусе. Потом сел между ними и крепко обнял обеих. Оставив их вместе, встал, подошел к

Дахазиле и Хурсане, опустился перед ними на колени. Но амазонки не разрешили ему долго оставаться коленопреклоненным, в обе руки быстро подхватили и подняли Тхазепла, и, струившись втроем, крепко обнялись.

* * *

Гроза закончилась так же быстро, как и началась, и когда гости вышли наружу, небо уже прояснялось на склонах, над ущельем виднелись лысые промоины луга, часом раньше пестревшего всеми красками, выкорчеванные с корнями деревья, аккуратно уложенные потоками воды в ряды и полосы. По всему живому и неживому прошли уничтожающие все на своем пути град и буря. А горная река разлилась настолько, что о переправе нечего было и думать.

— Придется нам пожить у вас пару дней, — сказала ко всеобщей радости Хурсана. — Чтобы перейти сейчас эту реку, надо добираться до самых снежных вершин, а туда нет хорошей дороги.

После бури солнце светило настолько ярко и тепло, что не только быстро растопило сугробы льда, наколившиеся под выступами валунов и утесов, но и согрело тела и души всех присутствующих.

Быстро солнце, находившееся как раз над ущельем, охватывая оба его склона, стало припекать так, что на глазах все льдинки града растеклись ручьями по склонам и стали испаряться большими клубами, как будто в горах курили великаны. Созерцая такую картину, можно было понять, почему в древности все люди были солнцепоклонниками.

— Как бы ни свирепствовала и ни бушевала буря, всегда останется победителем Солнце, чьей великой силе свойственны только тепло и свет! Вот с чем можно сравнить сердце матери. А вашу великую империю разрушит только любовь человеческая, которую вы презрели, и чувство материнства, которое вы пытались загубить... — после таких слов, произнесенных молчаливой старой хэндайкой, надолго воцарилась тишина, каждый думал о своем.

Женщины быстро приготовили ужин и накрыли стол перед кузницей на свежем воздухе. Поблагодарив богов — Мазитху за

дичь, а Амыша и Тхагалега за телятину и хлеб, – вся компания дружно принялась пировать. А Сауса, которая вся светилась счастьем и поочередно обнимала то деда, то бабушку, не могла наглядеться на сына – слезы радости текли по ее щекам.

Между тем на противоположном склоне показалась группа всадниц, которые еще издали заметили лошадей пропавших амазонок. Они стремительно приближались, на ходу радостно что-то выкрикивая. Даахазиля и Хурсана услышали их и, громко рассмеявшись, жестами ответили, что с ними все в порядке и они заночуют здесь, а завтра, когда спадет вода, к вечеру вернутся в крепость. На том берегу показали, как они рады спасению подруг от такой сокрушительной бури. Они доложат Дышане, которая, беспокоясь за жизнь троих амазонок, выслала всадниц на их поиски, о том, что подруги приютились у деда-рудокопа и его сына-кузнеца. Убедившись, что все целы, они ускакали.

Хурсана, думая о Саусе и ее вновь обретенном сыне, радовалась, что у них есть еще время для общения, и одновременно переживала – смогут ли они, мать и сын, продолжать свои встречи, оставаясь вне подозрений? И отвечала на этот вопрос только отрицательно.

Всю ночь у дворового очага просидели четыре человека, судьбы которых по воле богов оказались тесно переплетены. И всю ночь им было о чем говорить! Сауса расспрашивала стариков обо всем: где они тогда нашли кормилицу для малыша, у кого сын учился кузничному делу, удивляясь мастерству, разглядывая его изделия. А Даахазиля и Хурсана лежали молча и никак не могли заснуть. Обе всю ночь усиленно думали об одном и том же – что будет дальше с Саусой.

На второй день, ближе к полудню, решение вопроса, мучавшего их всю ночь, приняло реальные очертания. Гости рудокопа заметили целую кавалькаду амазонок во главе с Дышаной, которая решила лично убедиться в полном здравии Саусы и ее сопровождения. Подруги втроем взобрались на самый выступ утеса, нависающий почти до середины реки, криками, но вполне сносно и понятно поговорили с предводительницей. Дышана спросила, как они пережили бурю, попав в самый ее центр, на что Хурсана за всех ответила, что их вместе с лошадьми и соба-

ками спас молодой кузнец, вовремя заметивший в горах надвигающееся ненастье.

Тогда Дышана на радостях прокричала:

— Съездите до Орлиной горы, это вниз с вашей стороны склон, и возьмите из тех стад по сто коров, сто быков, по полторы сотен овец и лошадей на каждую спасенную амazonку и отдайте вместе с пленными пастухами и их обслугой тому молодому человеку на вечное владение! Таково будет мое вознаграждение ему. Передайте от меня, что он отныне и до конца жизни становится нашим названным братом, пусть пасет свои стада на наших землях без опаски! Я согласую это со Шхагуашей. Пусть он создает себе отдельное селение из пятисот человек, где он будет хозяином, а мы будем приезжать к нему в гости, не стыдясь и не смущая его ни в чем. Людей, желающих к нему переехать, отпускайте из любого селения!

Сказав это, Дышана ускакала, упиваясь эффектом, который произвела на окружающих ее царская щедрость.

С трудом веря в такое счастье, Дахазиля и Хурсана спустились вниз и начали спешно готовиться к поездке на Орлиную гору, при этом категорически отказавшись взять Саусу с собой. Впрочем, она не сильно настаивала, мечтая подольше оставаться с сыном. Проводив подруг, Сауса обняла пожилую пару, но не знала, какими словами преподнести им то, что они больше никогда ни в чем не будут нуждаться. Переживая за то, как старики отнесутся к такому известию — а вдруг их хватит удар, — она решила сначала их подготовить.

— Дорогие мои Сет, Быща и Тхазепл, — начала она неторопливо. — Волей богини Хутены¹ мы оказались тесно связаны узами родства, которые, как мне кажется, разорвать уже никто не сможет. Рожденная от неизвестных мне родителей и воспитанная в крепости, я, признаюсь, и понятия не имела, что на свете существует такое благородство души человеческой. Не знала, как человек может быть чист и добр. И сейчас я могу лишь догадываться, что существует такое огромное удовольствие, как делать

¹ Хутена — богиня судьбы у хеттов (Хутена с адыгского — кому нужно оставить приношение).

людям добро. Тысячу раз прав наш общий сын, когда говорит, что амазонка многоного не понимает, потому что в основе ее мира лежит нечто, исключающее добро и любовь. Даже то радущие, с которым вы нас приняли, зная, кто мы такие, и прекрасно помня, сколько несчастий принесли вам такие, как мы, свидетельствует о вашей великой доброте. Я не хочу вас пугать и разжигать ненависть к амазонкам больше той, которая в вас есть. Возможно, для существования мира рядом должны находиться сила и слабость, доброта и жестокость, как день и ночь, как черное и белое. Не мне судить и не нам пытаться изменить этот мир. Но есть обстоятельства и условия жизни, исправить которые нам под силу. Я хорошо понимаю, что нет такого богатства, которым можно восполнить все лишения, испытанные вами до сих пор, но если вы признаете меня и моих подруг хоть немного причастными к судьбе этого парня, то позвольте нам исполнить приказ нашей предводительницы Дышаны, которая распорядилась отблагодарить вас за наше чудесное спасение. Она дарит вам некоторые стада вместе с пастухами-рабами, дарит землю между пастищами империи и готова сама охранять их. Кроме того, Тхазепла она возводит в ранг нашего названого брата. Я самая лучшая кольчужница крепости и личная приближенная не только Дышаны – предводительницы амазонок нашей крепости, но и самой верховной царицы Шхагуаши, которая поставила меня выше предводительниц всех крепостей. И я на коленях прошу вас – нет, не пытайтесь меня поднять, пока я не выскажу свою просьбу! – позвольте мне сделать вашу тяжелую жизнь свободной от необходимости ежедневным рабским трудом добывать свой кусок хлеба. Вы прожили настолько трудную, но праведную жизнь, что сами уже поставили себя намного выше обычных людей. Лично я, сколько буду жить, столько буду молиться на вас, как на богов, и просто не вынесу, если откажете мне в моей просьбе.

– Он вам не брат... – заговорил смятенный дед. – Вы всегда будете матерью нашего общего сына. Но, конечно, в империи этого не должны знать. Да сохранят боги эту тайну! Теперь мы можем гордиться не только сыном, но и тремя самыми красивыми и знаменитыми дочерьми на свете! Великое счастье привали-

ло нам к старости – стать такой большой семьей. Но, доченька, мы ведь люди простые, нам многоного не надо. Есть у нас с десяток овец, одна лошадь, корова с теленком, пара быков. Этого нам вполне хватает, и нет необходимости в дополнительной обузе. Но я, заранее зная, что это все лишнее, говорю тебе: делай как хочешь! Мы не смеем запретить тебе что-либо дать своему сыну, хотя и без этих подарков вы всегда сможете найти в нашем доме кусок хлеба, пахнущий добротой, и оттого очень сладкий. Я на-деюсь, что мы теперь будем иметь счастье чаще видеть вас троих.

...А в это время две подруги скакали вниз по течению реки к большой, поросшей лесом Орлиной скале, под которой расположилось огромное пастищное угодье империи, паслись стада, стояли целые поселения пастухов и охранников. Всю дорогу они ехали молча, и когда уже было слышно мычание коров, остановились под большой тенистой грушей передохнуть и напоить лошадей из родника.

– Послушай, Дахазиля, – начала разговор Хурсана. – Тебе не кажется, что, обучая с малолетства боевым искусствам, нас просто отвлекают этим от смысла настоящей жизни. Нам без остатка забивают мозги так, что на какие-то правильные мысли просто не остается времени и места. Мы создали империю. Мы века на-пролет охраняем свои тайны, присваивая себе все вокруг хитро-стью, силой ума, небывало мощного оружия, боевых животных и птиц. Мы держим в страхе всех. Наши уд совершают над нами жестокие бесчинства так постоянно и неотвратимо, что мы со всем соглашаемся, в душе считая это нормальным ходом жизни. А ведь жизнь бывает совершенно другая. Посмотри на этих двух беспомощных, забитых и невежественных людей, которые после стольких лишений сумели остаться счастливыми супругами, воспитать умного и благородного сына. Я ни в чем не нуждаюсь, ничего и никого не боюсь, действительно почти неуязвима и не-победима – и я завидую им, этим слабым людышкам! Почему? Мне кажется, потому, что хорошо на свете жить вот так, просто любя и сохраняя верность, заботиться друг о друге, деля горе и радость. И еще потому, что женщине нужна семья...

– Хурсана, что ты говоришь? Во-первых, ты рискуешь жизнью. Мы с тобой не только сестры, как все нали амazonки назы-

вают друг друга, но еще и очень крепко связаны. Пройдут годы, произойдут события, которые могут и сблизить, и отдалить нас. Ты прекрасно знакома с нашими порядками. Даже если я тебя никогда сознательно не выдам, есть много способов связать ус-та спящего, опьяненного, одурманенного или просто раненого человека. Или не знаешь, что Кузая бабка, то есть Дышана, чи-тает мысли каждой амазонки, ей всегда известно, кто, где и с кем проводит ночь? Ты помнишь, как уд выгоняют всех, когда захо-дят к раненой разведчице, и внимательно слушают, как она бре-дит? Почему же ты так свободно вкладываешь свою жизнь в мои руки? Не пугай меня! Ты что, совсем теряешь самообладание? Я давно замечаю твои сомнения, они даже на расстоянии пере-даются мне, но что мы с тобой можем сделать? Нам не под силу изменить что-либо. Сын Саусы, не побоявшись, ясно дал понять, какие мы по сравнению с его воспитателями, которые действи-тельно святые. Они – светлое добро, мы – темное зло! Я тоже счи-таю, что каждой женщине нужна семья, и неправду нам внуша-ют, когда говорят, что мужчины – грязные хамы, что им никак нельзя давать волю, что они сплошные глупцы, насильники и трутни. Они такие же, как и мы, только слабы и более уязвимы, труднее переносят боль и плохо поддаются обучению. Но, со-гласись, и среди них бывают хорошие воины. Вспомни недавних китайцев – они были сильны и бесстрашны, просто мы оказа-лись хитрее. Мы выиграли битву только потому, что они усту-пили нам в коварстве и жестокости. Вспомни, как наши посту-пили с их посланцами, которых бессовестно заставили снять штаны. Даже мне стало не по себе. А ведь они ушли не потеряв лицо, потому что культура у них намного выше, и они не захо-тели снисходить до нас. Наверняка их империя живет и процве-тает не хуже нашей, позволяя своим жителям любить и верить, рожать и воспитывать детей вместе, учить их доброму и умению любить. Но что же нам делать, сестра?!

– Не отчайтайся, Дахазиля! Давай подумаем. Я всегда знала, что ты понимаешь меня без слов, а потому мы можем думать как две головы и принять решение как одна голова.

– Хотелось бы, чтобы Сауса была с нами, – сказала Дахазиля.

– Нет, она слишком потрясена событиями этих дней, пусть

отойдет, успокоится, побудет с сыном. Ей все-таки придется выбирать между службой у предводительницы и нами.

— Она выберет сына и нас, поверь мне, материнство не может уступить.

— В любом случае, ее Тхазепла действительно под покровительством богов! — воскликнула Хурсана. — Подумать только, сколько счастливых случайностей произошло ради того, чтобы он остался жив. Разве это простое стеченье обстоятельств?

— Особенно та случайность, когда ты после моего броска через стену крепости перехватила младенца в полете! А потом велела новорожденному не плакать, а плыть на коряге прямо в руки угольщика Сета. Не слишком ли много случайностей, которые могла сотворить только ты? — хитро улыбнулась Даахазия.

— Да, но я же его должница, ведь это я убила его отца!

— А разве у него был шанс? Что, если бы ты его пощадила, они с Саусой смогли бы убежать, вместе бы растили и воспитывали сына? Не хочу больше об этом слышать! Все произошло, как вела судьба. И как подстроил бог грозы Тешуб, который помог и нас спасти, и сына с матерью свел, а заодно обвел вокруг пальца Дышану, благодаря чему на Тхазепла свалилось с неба богатство. А ведь это очень много значит! Конечно, мы трое смогли бы вытащить его из нищеты, повторяя, что это награда за наше спасение. Но это не сравнить с тем, что получилось. Даже назови мы его своим братом, перед другими амazonками он был бы никто. А теперь он получит и земли, и скот, и людей, и покровительство всех сестер, от которых пострадали его настоящие и его приемные родители. Уже можно чего-то добиться, строить какие-то планы.

— А если даже не добьется сам, заложит основу для тех, кто пойдет по его стопам.

Тут женщины посмотрели друг другу в глаза и молча, взявшись за руки и крепко пожав, поднялись с привала, чтобы продолжить путь. Нужно было засветло добраться до пастухов, передать им все приказы, назначить человека, которому можно доверить отбор и отгон скота, достойного быть подарком Дышаны, а также выбрать пастухов-невольников. Затем нужно было объездить все села и сообщить старым амazonкам-смотрительницам о переселении молодых семей, здоровых и сильных людей на

новое место. Кроме того, Дахазиля и Хурсана должны были присмотреть подходящее место для расположения нового села. Нужно было учесть наличие питьевой воды, пахотных земель и лугов для домашнего выгона и огородов, леса для топлива и стройматериалов, оценить и стратегические особенности места. В целом работы было на месяц, но окрыленные надеждой спутницы собирались быстренько провернуть это дело.

…А тем временем Саяса не могла нарадоваться, глядя на вновь обретенного сына. Все накопившееся тепло души она старалась вернуть ему, жажда материнской ласки и любви, угнетаемая столько лет, выплеснулась разом огромным и неудержимым потоком.

В первое же утро после отъезда подруг она увлекла сына в кузницу. Посадив перед собой и взяв нежно его руки в свои, начала объяснять Тхазеплу, кто она, чем занимается в крепости и какую ценность представляет для империи. Умный и проницательный юноша вмиг смекнул, насколько он оказался близок к великой тайне и уязвимому месту империи. Но вместе с этим он понял и то, что жизнь вновь обретенной матери и его жизнь стыни не стоят.

— Мама, — сказал он, нежно прижав ее к себе. — Не думай, что я слабый и глупый человек, я прекрасно понимаю значение твоих слов. Ты хочешь, чтобы я посвятил себя делу вооружения хеттов или всех нартов?

— Нет, сынок, тогда перережутся все, и это оружие принесет только несчастье. Я хочу, чтобы ты вооружил только адыгов¹.

¹ А ды ги – корни этого самоназвания уходят в древнейшую мифологию народов Средиземноморья и Малой Азии. В основе мифов о начале начал и первых богах лежит хеттский миф о происхождении богов. В табличках «Богазкейского архива» упоминаются такие божества, как Ану, Кумарби, Тешуб, Алалу. Исследователь В. Грейс прослеживает хеттское влияние в более позднем мифе об осколении Урана: «У хеттов Кумарби (Кронос) откусывает гениталии бога неба Ану (Урана), проглатывает часть семени, а остальное выплевывает на гору Канзуру, где из оставшегося семени вырастает богиня. Зачатый таким образом бог любви был вырезан из бока Кумарби братом Ану Эа» («Мифы Древней Греции». М., 1992).

Через некоторое время они будут готовы свергнуть владычество империи и получат в наследство все, чем она владеет. И будут властствовать на своей земле тысячу лет, защищенные от многочисленных врагов и империй!

Вспомни, каким могуществом обладали наши хетты на протяжении семи веков, а сейчас им угрожают фракийцы, дорийцы и ассирийцы, и вряд ли они дадут прожить хеттам более сотни лет¹. Сложно жить и выжить, не имея оружия и армии. Современные хетты живы сейчас, потому что еще осталась у других племен боязнь перед нашим могуществом, которое, по сути, уже сходит на нет. Амазонки очень разрознены, а народы, которыми они правят и которых отчасти защищают, уже выросли в такую же силу, если не большую, чем хетты. Сейчас у тебя есть возможность внутри самих хеттов создать свое племя. Назови их адыгами, братьями, сыновьями одного отца, объедини их и создай мощное оружие, привей им выучку, дисциплину, одари богатством, пока империя дает тебе тысячу душ и свою защиту. А мы с подругами – твоими сестрами – поможем тебе. Я знаю, что они тоже ненавидят империю.

Самое лучшее оружие – саблю амazonок – ты должен научиться делать за эти дни. Дальше мы постепенно передадим тебе методику обучения воинов, подготовки коней, соколов и многое другое, что унаследовано амazonками от своих матерей в течение тысячелетий!

...Тхазепл впитывал каждое слово матери. Он был воспитан в угнетенной нартской среде, но, как любой мужчина с чувством

Семя верховного бога – этот образ имел широкое распространение в теогонии многих древних племен и народов. И слово «адыг», по нашему предположению, означает «частица отцовского семени», потому что именно так оно переводится и с древнего хеттского, и с современного адыгского языка. Это словосочетание в древности не могло иметь натуралистического или фривольного оттенка, напротив, по сравнению со многими прочими мифами его можно признать этически безупречным даже для наших ушей. Слово «адыгэ», таким образом, нужно понимать как «дети общего отца», братья и сестры.

¹ Хеттское царство пало через 85 лет после описываемых событий.

собственного достоинства, не любил амазонок. Открыгую ненависть к ним он постоянно читал и в глазах Сета. Да и как иначе, если рядом постоянно кто-то погибал от рук безжалостных амазонок или получалувечье. Бывали и кровавые набеги на села, которые в чем-то провинились перед старухой-смотрительницей или любой другой разбушевавшейся амazonкой. Век за веком продолжалось угнетение и убийство нартов. Амазонки жили за пределами человеческих чувств и мыслей, никогда не видели собственных детей, спокойно относились к тому, что их новорожденных мальчиков уничтожают, и ходили даже слухи о том, что старые уд-нажгуздзы пожирают младенцев, чтобы продлить свою жизнь. Эти существа не знали ни пощады, ни жалости, ни страха.

Иго амазонок надоело всем. Люди не могли свободно дышать, развивать культуру и ремесла, расти в численности. Едва как-то народ поднимал голову, тут же находились причины его унизить и притеснить, вплоть до полного уничтожения. На него либо натравливали соседнее племя, либо устраивали набег самих амазонок в порядке тренировки. В общем, империя имела все симптомы разрушающей болезни, которой страдали все великие империи с начала истории¹.

Через неделю работы в кузнице вместе с матерью Тхазепл не только узнал секрет изготовления сабель, но и много других секретов стали и сплавов, разных порошков и препаратов, методы их добычи и выплавки. Мать рассказала ему все, что знала об управлении большими поселениями, о селекции коней, скота и даже людей, о методике подготовки и дрессировки боевых соколов и собак.

Сауса строго предупредила его об осторожности. Например, она попросила сына не держать гусей подле себя, а отдавать доверенному лицу корм с металлическими опилками, чтобы на другой день получать обратно гусиный помет из чужого загона.

¹ Отсчет становления и падения великих империй можно вести с 9000 г. до н. э. (дата гибели Атлантиды по Платону) до сегодняшних дней.

Так было безопаснее. Кроме того, она велела Тхазеплу, когда он станет хозяином своего села, подготовить наиболее ловких девушек, способных делать кольчуги.

Тхазепл, увидев перед собой высокий смысл жизни, на глазах менялся. Он превращался в думающего и расчетливого человека, с каждым днем проявляя все больший разум и силу воли. Словом, мать разбудила в нем мужчину, который готов был творить во благо людей, мог идти на риск и битву без оглядки ради своих согражданников. Мать с радостью узнавала, что сын очень сильный и волевой человек, обладает недюжинными способностями и отличной памятью.

* * *

В конце недели вода в бурной горной реке спала, и Дышана с группой всадниц отправилась узнать, как дела у сестер и новоиспеченного брата. Разбив шелковые китайские палатки на поляне, амазонки со своей предводительницей три дня гостили у старика-рудокопа и его семьи. Дышана привезла в подарок девушки Сету и бабушке Быче теплую одежду из шелковой и шерстяной ткани, отделанную бисером и золотым шитьем. А Тхазеплу достался полный комплект кольчужных доспехов: рубаха и штаны из металлических колец, кольчужный пояс, великолепный сверкающий шлем и трофеинный меч китайской работы с рукоятью в виде головы дракона из слоновой кости, инкрустированной золотом. На лезвии также был золотом прорисован дракон. К доспехам прилагался и быстроногий скакун со всеми принадлежностями для езды.

Своей открытостью, искренностью и глубоким умом Тхазепл целиком обаял Дышану, которая осталась довольна выбором своих сестер и получила удовольствие от общения с молодым парнем, удостоенным звания названого брата амазонок. Будь он забитым, неуверенным в себе, заискивающим мямлей, переминающимся с ноги на ногу, вряд ли смог бы добиться расположения предводительницы амазонок. По-сестрински обняв юношу и поцеловав в щеку, удовлетворенная всем увиденным Дышана уехала со своей свитой.

За время ее пребывания в семье рудокопа были согласованы все вопросы экономики и политики. Тхазепл получил левую сторону Ущелья водопадов от каньона под названием Убийца лошадей до горы Большой котел, что граничила с ущельем горы Счастья. Здесь можно было основать целое государство, и территория охранялась со всех сторон землями империи. Тхазеплу разрешалось построить только неукрепленные села по ходу движения скота и в местах расположения пахотных угодий и вышасов. Ему разрешалось иметь до пятисот конных воинов, вооруженных мечами, копьями и луками, которые по первому требованию во время нападения неприятеля должны встать под знамена империи.

Сауса пребывала в восторге. Если на село требовалось пятьсот воинов, значит, население должно быть не менее пяти тысяч, это гораздо больше, чем ожидалось. Для содержания даже одной тысячи семей нужны скот и земли в большом количестве, также обязательно наличие железа и бронзы для изготовления орудий. В общем, складывалось настоящее мини государство.

У Дышаны был свой интерес. Она тоже решала государственные проблемы, одаривая этого молодого и везучего нарта, что спас троих самых дорогих и значимых амazonок всей империи. Она даже представить боялась возможные последствия гибели Саусы, поэтому быстро нашла понимание и поддержку со стороны Шхагуashi и высшего совета уд. Все пришли к единодушному мнению, что между крепостью Дышаны и ближайшей крепостью Куны слишком большая неукрепленная территория, если не считать небольшой крепости на горе Кабана и Волка, расположенной несколько вглубь. Опыт последнего нападения китайцев показал, что для охраны и контроля дальних рубежей империи перед линией крепостей необходимо создать слабо вооруженные, но хорошо дисциплинированные заградительные отряды нартов. Устраивая показательное «братание», амazonки вели целую политическую кампанию сближения с нартами, повышая их полномочия и права.

Особая роль в этой политике отводилась названому брату амazonок Тхазеплу. А две подруги, которые день и ночь скакали по крепостям и нартским селам, разыскивали семейные пары,

которые желали бы добровольно перейти под начало молодого правителя вместе с бытовой утварью – посудой, постелью, инструментами. А таковых пар оказалось достаточно – всем надоел гнет свирепых старух-уд! Получив благословение старших, молодые люди, собравшиеся в новое поселение, пешим ходом отправлялись в путь без вещей, так как им было обещано, что лошадей для переезда они получат из первого встречного табуна.

Уже скоро на месте, которое было определено под строительство, с утра до глубокой ночи стучали топоры. Прибывшим семьям поначалу поставили примитивные шалаша, но вскоре строители обмазали глиной стены и пол новых капитальных жилищ, которые заполнялись привезенными отовсюду циновками и обработанными шкурами, необходимой посудой, оружием и инструментами.

Позже стали приезжать родственники молодых поселенцев, которые привозили гостины: живую домашнюю птицу для разведения, плетеные ульи с пчелами, поросят, муку, простые швейные принадлежности. И никто из приезжих родителей не спешил в обратный путь, пока лично не подводил своих детей, остающихся в поселении, к старым Сету и Быще. Таким образом они ритуально перепоручали свои чада под их надзор, так что дед и бабка ни на минуту не оставались одни. Сидя в тени огромного дуба, они принимали всех желающих, и каждый находил у них и совет, и разрешение на ограждение своего двора, на строительство курятника и так далее. Приходили и те, кому просто хотелось пообщаться со старшими, а свои родители были далеко в другом селении или их уже не было в живых. Шли с разными вопросами и под всяkim предлогом, и все находили у Сета и Быщи тепло и доброжелательную улыбку, а некоторые получали строгие указания.

Из военного запаса империи было выделено зерно на целый год, так что новоселы могли спокойно готовить свои земли под посевы, вспахав и осеню и весной, чтобы очистить целину от сорняков и их семян. Тхазепл проявил хорошую хозяйственную жилку, при этом не давая спуску никому. Умело делил людей по возможностям и способностям, организовывал работу, которая требовала общих усилий. Все действия распланировал с умом,

рассчитал каждый ход: зимовка скота, прием приплода, откорм молодняка, весенняя пахота, первая прополка и постоянный уход.

Со временем в жизни нового поселения определилась удивительная закономерность. Дело в том, что молодые люди, разрозненные поначалу, образовали группы строителей и с первыми летними деньками занимались возведением зимних хлевов, амбаров, осваивали новые земли, претерпевая продолжительную разлуку со своими женами до месяца осенней охоты. С наступлением холодов мужчины возвращались в дома к молодым женам на зимовку, по очереди сменяя друг друга на вахте по уходу за скотом. И это привело к вполне объяснимым результатам: каждый год в конце лета одновременно появлялось на свет новое поколение; кстати сказать, получалось это у поселенцев легко и со знанием дела. Трудно в эти недели приходилось только Сету и Быще, в обязанность которых входило давать имена новорожденным, при этом желательно было не повторяться. Поэтому они днями и ночами ломали голову, лишь бы не ударить лицом в грязь перед честным народом.

Все три селения Тхазепла процветали. Люди впервые работали на себя, на общий котел, кадеш – «братскую кадушку». Всем шили одинаковую одежду, у каждого была возможность почувствовать себя человеком – ведь у него такие же права, как у любого другого, самого уважаемого. И это все под неусыпным контролем амazonок, которые не пропускали ни одного месяца, чтобы не наведаться к молодым поселенцам. Они приезжали погостить, осмотреться, при этом снисходили до того, чтобы учить поселенцев приемам владения мечом, наездничеству и стрельбе из лука. Амazonки с большим удовольствием демонстрировали свою технику именно молодым людям, разжигая в них глубокий интерес. А кузнецы тоже не забывали своего предназначения, день и ночь они проводили в мастерских, выковывая и мечи, и орудия труда.

Дышана и приближенные амazonки с каждым приездом отмечали, что военное искусство нартов-поселенцев быстро растет по всем направлениям. Они уже сами добывали медь, ковали орудия и приспособления из бронзы и меди. Молодые наарты четко и

слаженно несли караульную службу на многих смотровых вышках, что особенно радовало амазонок. Сеть самих вышек благодаря этому тоже была расширена, и при всех проведенных внезапно проверках на бдительность и реакцию ни одна амazonка не смогла подойти к нартам ближе, чем на один полет стрелы.

Как-то раз, при очередной инспекции вышек, Сауса, Дахазиля и Хурсана оказались одни в дороге. Хурсана, хитро пришившись, спросила у подруг:

– Не слишком ли заметными для глаз и ушей империи становятся селения Тхазепла? Мне кажется, мы можем переусердствовать, создавая государство в государстве. Через каких-нибудь полвека тхазепловцы могут выступить против амазонок, а если их поддержат и другие нарты, то это уже реальная сила, перед которой империи будет трудно устоять. Боюсь, что такая же мысль может прийти в голову предводительницам, да и самим нартам, поэтому надо быть осторожными, чтобы обе стороны не догадались, чем занимается в крепости Сауса.

Услышав такие слова, Сауса приостановила лошадь и посмотрела на своих подруг.

– Это не наш вопрос, – произнесла Дахазиля. – Это дело Саусы, мы только при острой надобности можем вмешаться. Если она до сих пор смогла скрыть все от нас, то у нее найдется мудрости не выдать себя и остальным.

– От вас, конечно, трудно что-либо утаить – вы настоящие уд, – тихо, почти шепотом сказала побледневшая Сауса, хотя амазонка не должна была бледнеть, в чем бы ее ни уличили.

– Ты тоже. Мы видим, какое к тебе отношение в крепости – как к самой настоящей уд, – так же тихо ответила Хурсана. – Не ты себя выдала, а твое окружение.

– Мы-то всегда знали только одно – кроме тебя никто не достоин такой чести, – добавила Дахазиля. – Ты самая талантливая из всех златокузнецов и кольчужниц, поэтому все сходится, все стало на свои места.

Спутницы спешились. Хурсана расстелила свою бурку, и все расположились под сенью одинокой дикой сливы на большой поляне.

– Надо разрядить обстановку. Внесем какое-нибудь предложение, пусть это отвлечет уд от лишней тревоги по поводу адыгских селений, – начала разговор Хурсана.

– Ты знаешь, что это непросто. Но раз так говоришь, значит, у тебя есть план действий. Выкладывай! – велела Дахазиля.

– Есть такой план... – промурлыкала Хурсана, окрыленная своей идеей. – Но это очень тонкая, до предела тактичная работа, – сказала она уже шепотом, выдержала маленькую паузу и добавила: – Нужно увлечь Шхагуашу походом по Средиземноморью!

Дахазиля и Сауса вздрогнули.

– Но как?! – воскликнула Дахазиля. – Для этого нужен сильный флот, способный перевозить пятидесятитысячное войско.

– Флот есть у наших ахунских¹ амазонок, тысячи на пятнадцать. Усиленно строит флот и Аттика, это очень богатое государство альянсов². Кроме того, в Средиземноморье много и других зажиточных стран, с хорошо укомплектованной флотилией. Если учесть, что наши амазонки засиделись в крепостях и скоро обрастут плесенью и жиром, то для начала нужен пеший поход до побережья, где остались разрозненные хеттские города, а там уже будем выстраивать тактику по ходу действия. Посмотрите, сколько выгоды мы можем получить: во-первых, привезем много золота, которое достанется адыгам; во-вторых, оставим свои колонии у городов, начиная от Крита, в самой Аттике, у италийцев и этрусков. Даже если в крепостях останется большинство амазонок, и то мы добьемся многого, потому что именно с этого начнет дробиться империя! Чем больше территории, тем труднее сохранить ее монолитность.

– Не забывай про сирийские города Халеб и Кадеш, – добавила Дахазиля. – Там живут хетты, оттуда родом наши прабабки. В случае чего, с ними можно заключить договор и оставить там большую часть нашей армии, если это будет необходимо.

– Я про них и не забывала, просто намеренно не учла. Ведь у них нет флота, в отличие от ахунских амазонок и приморских

¹ А х у н – Черное море.

² А л ы д ж и – греки, эллины (адыг.).

хеттов. Флот есть у лидийцев, которые тоже угрожают хеттам. Поэтому нам будет выгоднее завладеть фракийским или аттическим флотом. Фракийцы и дорийцы очень серьезно угрожают хеттам на нашей старой родине. Да и Аттика не постесняется пойти войной в Малую Азию. Так что врагов кругом предостаточно, найдется с кем воевать.

– А ты не обдумывала наш ответный визит к китайцам? Вроде все основания налицо, да и наши амazonки не успели толком повоевать.

– Можешь быть уверена, что в единоборстве китайцы быстро научатся противостоять нашим хитростям, а тут еще надо учесть их количество. Нам никак нельзя нарываться на них. Здесь, у себя, мы защищались, поэтому смогли выиграть, но пойти на них в наступательную войну слишком опасно и легкомысленно. Радиумнее тягаться с тем врагом, в победе над которым уверена. Я знаю, в начале похода мы с тобой будем командовать войсками численностью по одной тысяче – большего нам пока не дадут, потому что в империи есть уд гораздо сильнее нас по тактике и стратегии. Но возвращаться мы будем, командуя не менее чем десятитысячной армией! При этом мы должны стать самыми популярными и любимыми предводительницами всей империи. Это возможно, хотя будет очень нелегко. Но мы с тобой не будем соперничать и ревновать к славе и популярности друг друга. Наша главная задача – вернуться живыми и помочь Тхазеплу и его поселениям, получив в походе непоколебимое доверие империи, честь и славу. Поэтому надо очень хорошо продумать каждый ход и действовать по обстановке, которая сейчас сложилась в наших крепостях. Нужно поднять армию империи в поход, под чьей бы командой она ни была! – закончила свой страстный монолог Хурсана.

– Кстати, у нас очень много амazonок, которым уже не нужны мужчины, они не посещают дома свиданий и не приносят потомство, сами удовлетворяя друг друга, – внезапно сменила тему Дахазиля. – Меня настораживает, что эта болезнь все больше и больше распространяется. Все вы знаете случаи, когда амazonки разбиваются на пары и живут как бы семьями – одна из них «жена», а другая «муж».

– Да! Империя давно потеряла право на существование, раз в ней появились ненормальные отклонения. Они разрушают психику, естество и мораль. Такое растленное общество не должно жить, и мы приложим все усилия, чтобы его уничтожить! А на примере новых поселений покажем людям, что можно жить иначе.

– Сестры! – вступила в разговор до сих пор молчавшая Сауса. – Какое счастье, что вы у меня есть! Я считала, что достаточно будет просто разоружить империю, отдав все адыгам. Но как много нужно для того, чтобы ее хотя бы ослабить, прежде чем сравнять с землей. Какие вы умные! Сколько смекалки, так здорово все продумали! Я уже начала переживать за маленькое государство моего сына – а вдруг удастся возиться с этими селениями, и они быстро найдут причины их уничтожить. Да и под носом у стольких крепостей так трудно чего-то достичь...

– Сауса, все, что ты здесь услышала, пришло нам на ум только благодаря тебе и твоему сыну, – призналась Хурсана. – Мы, наверно, не открылись бы даже друг другу, так и прожили бы до смерти, в душе проклиная себя и империю, которой служим. Я видела, как твои адыги прекрасно ужились вдали от крепостей, не посещая дома свиданий, имея в начальниках не свирепых, кровожадных и переполненных злой старух, а разумных старших и смелого молодого правителя с толковой головой. И поняла, насколько мужчина может гибко мыслить, как быстры и разумны его решения, хотя он, конечно, уступает женской логике и животной хитрости. Из этого следует вывод – для полноценной жизни необходимо сотрудничество и взаимная поддержка мужчин и женщин.

– Если мужчины хоть в чем-то уступают нам, то лишь потому, что набираются ума и взрослеют медленнее, чем мы, – сказала Сауса. – Но ведь, согласитесь, мы настолько же раны и сдаем свои позиции во всех отношениях. А насчет того, что в селениях моего сына мужчины живут только со своими женами, вы немного ошибаетесь. Недавно я сама лично убедилась в этом, а те двое, которых поймала почти у входа в крепость и кнутом погнала домой, еще долго не смогут спать на спине.

– Ну, если они в такой позе уже несколько дней, то их женам мало что толковое достанется, – сострила Дахазиля. – Конечно, до тех пор, пока стоит крепость, будет и соблазн попасть туда, хотя бы для разнообразия. Ведь они всегда там найдут новых и свежих, безотказных и бесплатных, на любой вкус и цвет, жадных до глотских утех амазонок, чье племя, таким образом, будет размножаться и далее. И этому не будет конца, если мы с помощью богов в это не вмешаемся.

– Думаю, надеяться только на богов мы не должны. С завтрашнего дня надо невзначай заронить слово о богатстве Аттики и о том, что давно наши сестры не привозили дорогих заморских украшений своим предводительницам, – предложила Сауса.

– Я лично готова поклясться, что станицу платье из чистого золота с самой Афины и привезу его нашей Шхагуаш! – воскликнула не теряющая интерес к красивой одежде и украшениям Дахазиля. – Тем более, что легенда о золотом платье Афины очень красива.

– Действительно, идея хороша, – сказала Сауса. – Но преподнесем мы ее несколько иначе. Сочиним большой рассказ о платье Афины, разделим между нами по частям и предадим отласке через наиболее болтливых амазонок. Или же во время ежегодных состязаний под горой Уд-Ошха оброним фразу, что, например, Ипполита поклялась надеть на себя платье Афины.

– Ипполита – сильная воительница, и она является той, кто осмеливается подпирать саму Шхагуашу. Как бы вместо желаемого результата не сотворить междуусобицу на этой почве еще до похода, – вмешалась Хурсана. – Этого нельзя допустить. Ведь тогда по решению высшего совета ул обеих низвергнут в ранг простых воительниц, таков закон. Здесь надо быть намного хитрее и дальновиднее.

* * *

В день весеннего равноденствия, когда чувствовали победительниц состязаний по бегу, и за одним столом, находящимся под плетеным и обмазанным глиной просторным навесом, обогреваемом несколькими очагами сразу, собирались все амазонки, Сауса шепнула незнакомой сестре из крепости Гузерипль:

— Вон, смотри, это та воительница, Ипполита, которая обещала снять платье с аттической богини Афины и перешить на себя и Шхагушу? Как она хороша! Просто божественная красота!

— Да ты что, сестрица... Это юная Адиса, она намного красивее, чем твоя Ипполита! А что за платье, о котором ты говоришь?

Но Сауса не услышала вопроса, она уже была в толпе амазонок, расположившихся у другого конца стола. Но краем глаза отметила удивленное лицо незнакомой собеседницы, которая уже в следующий миг с таинственным видом рассказывала соседкам что-то очень интересное, указывая на великолепную Ипполиту.

Это все произошло в первый месяц весны, а в начале сенокосной поры в крепости Дышаны уже только и говорили о платье Афины из чистого золота, которое Ипполита обещала перекроить — теперь уже на всех героинь и предводительниц крепостей. Благо, говорили, это платье огромное, и его можно привезти к порту только на девяти воловых упряжках, а там погрузить на большой специальный корабль.

Такие разговоры настолько быстро распространились среди амazonок, что любая беседа сводилась к этой теме, заодно обраставая новыми подробностями. В конце концов, старая Дышана, которая знала все, о чем говорят в ее крепости, заложила обогреваемый китайский фургончик и срочно выехала к Шхагуше. Ей она обстоятельно доложила о происходящем, в результате чего Ипполиту вызвали на большой совет уд из всех крепостей.

Воительница, ничуть не смущаясь, предстала перед старейшинами во всем блеске, убийственно красивая с обезоруживающей улыбкой. Когда ее спросили без обиняков: «Правда ли то, что ты грозишься раздеть статую Афины и разрезать ее платье для всех предводительниц?» — Ипполита ответила:

— Нет, это неправда. Афина, хоть и чуждая нам, но все-таки богиня, а также покровительница змей, и ее статую охраняет огромная змея. Мне известно, как усыпить змею, но не хочу разоблачать статую чужеземной сестры. Однако в ее городе полно золота, и не самая большая часть ушла на литье золотого платья. И я всего лишь хочу одеться в платье из того же золота, что и Афина, а также поделиться этим со своими подругами. Кроме

того, в Аттике есть много другого добра, которое не помешает нашей империи! Начиная отсюда и до самых земель Аттики найдется много племен, которые захотят пойти с нами и разделить добычу: Это и хетты, и хурриты, гутийцы, этруски, италийцы – все, кто не испытывает большого удовольствия от мощи и богатства Аттики, а также ахейцев, фракийцев, дорийцев. И не только меня тянет в те края. По правде сказать, нам надоели местные мужчины, которых мы познали от и до. Хочется новых героев и новых ощущений, представителей разных племен и народов, чтобы наши будущие дочери были красивее и сильнее, чтобы очистить застоявшуюся кровь в наших амазонках! Мы могли бы улучшить нашу породу... Решать вам, но таково мое мнение.

Ипполита высказалась. Дальше совет продолжался без нее, и между уд развернулся долгий спор. Многие считали, что нет необходимости идти сейчас в такой далекий и трудный поход. А другим нравились доводы, приведенные Ипполитой, которая, видно, знает, что делать. В конце концов победило мнение, что малоазийским хеттам нужно помочь: или забрать их оттуда, или поумерить пыл соседей, которые представляют для них реальную опасность. Для похода решили выбрать хороших, опытных, отлично экипированных воительниц из всех крепостей. Флот добудут у тех, у кого он есть, и начнут выдвижение с наступлением весны.

Для роли предводительницы обозначили пять кандидатур, из которых к весне должна была определиться одна. Большинство высказывалось за Ипполиту.

* * *

Греческое судно в шестьдесят весел подошло к дикому берегу для пополнения заласов питьевой воды. Сыны Эллады вышли на берег, соблюдая особую осторожность, зорко оглядывали прибрежные леса. С невысокого каменистого выступа падала вода лесного родника, а окружающие лесные чащи были настолько живописны и притягательны, что элинские воины постепенно теряли бдительность. Изумляясь дикой красоте и пышной растительности, они шли по нехоженым тропам многовекового леса,

вдыхая насыщенный ароматами экзотических трав прохладный воздух. Не почувствовав в такой атмосфере ничего настораживающего и не видя реальной опасности, воины понемногу расслабились и присели под деревьями.

Звенящая тишина леса располагала к отдыху и спу, но вдруг эллины услышали тревожный сигнал с галеры и, повернувшись к морю, за своими спинами увидели всадника в сверкающих доспехах и золотом шлеме, стоящего на песчаной отмели. Он стоял как вкопанный, ни один мускул не шевелился ни у наездника, ни у коня. Как грациозное каменное изваяние, он завораживал взор. Все на всаднике блестело: чудный панцирь из серовато-серебристого металла с золотыми клепками колец, палокотники и наколенники из стали с золотой витиеватой вязью, большой медальон на массивной золотой цепочке переливался алмазами на груди, золотой шлем был инкрустирован драгоценными камнями. Дополнял чудесный костюм великолепный гладкий кольчужный пояс с бляхой из слоновой кости и золота в виде головы змеи. Сам молодой безусый воин не был вооружен. Ни меча, ни лука со стрелами, ни копья – только маленький медный щит с золотым солнцем посередине в левой руке. Высокий вороной красавец-скакун с изящно изогнутой шеей, длинными стройными ногами в белом одеянии стоял напрягтиесь, но без единого движения, как бы внимательно вглядываясь в приспельцев.

По короткой команде предводителя эллины поднялись и, выровнявшись шеренгой, медленно подошли к всаднику, затем резко, по команде того же старшего, совершили маневр и образовали полукруг, отчего незнакомец оказался прижат к берегу моря.

– Это мой трофей! – выкрикнул предводитель группы и, обнажив меч, выступил вперед, а один из воинов бросил под ноги всаднику свой бронзовый меч.

Увидев такое оружие, незнакомец вдруг рассмеялся звонким девичьим голосом. Только сейчас эллины заметили женскую трудь, подпирающую кольчугу с левой стороны. С ужасом и одновременным восхищением они поняли, что перед ними стоит амazonка! Она спрыгнула с коня и правой рукой взялась за костя-

ную бляху своего блестящего пояса. Через секунду у нее в руке оказалась «молния» – извивающаяся сабля, которую эллины поначалу приняли за кольчужный пояс. Старший из эллинов, так самоиздевенно выступив из шеренги воинов, еще не представлял себе, что может с ним – могучим воином – сделать женщина, и что это за гибкая тростинка у нее в руках. Но брошенный вызов был уже принят, и эллин пошел в атаку. А амазонка, не тронувшись с места, легко и сплавно прогнулась вперед, затем неуловимо резким движением вскинула гибкую саблю, которая обогнула большой щит противника. Эллин внезапно закружился на месте, затем так же неожиданно рухнул, брызжа фонтаном крови. И наблюдавшие за схваткой с ужасом обнаружили, что у их товарища перерезано горло. Они разом бросились на амazonку, но тут же их остановили грозные окрики сзади. Повернул головы, они обнаружили, что сами попали в окружение и осаждены сотней грозных амазонок. А два воина, подошедшие слишком близко к той, первой, амazonке, одновременно получили два таких же удара в горло и ничком рухнули на песок.

С греческого корабля в помощь своим товарищам выпрыгнули около полутора сотен воинов и быстро выстроились на берегу. Но амazonка в блестящих доспехах, птицей взлетев на своего коня, подняла руку, и из леса высипала конница в таких же ослепительных, как у нее, кольчугах. А затем шокированных эллинов еще больше удивило то, что происходило у них на галере. Когда они обернулись на шум возни, доносящейся оттуда, там уже хозяйничали полуголые амazonки, выкидывая греческих воинов, оставшихся на корабле. Эллины поняли, что путь к отступлению на галеру отрезан, да и в сражении на берегу нет надежды на успех.

Тут к отчаявшимся эллином, которые сбились в круг, прикрылись щитами и приготовились достойно умереть, подъехала небесной красоты ясноглазая амazonка и на сносном греческом языке обратилась к ним. Это была Антеипху.

– Мы не хотим вашей крови, – сказала она. – Вы подумали, что наша предводительница безоружна, и не стали на нее нападать, даже бросили ей меч. Мы ищем только общения и любви. Сложите ваше оружие на корабль и примите наше радушие!

Амазонки не вызывали доверия, но другого выхода у эллинов не было. Смирясь с поступившим предложением, они последовали за воинственными и любвеобильными женщинами в прохладу леса, где другие амazonки уже успели расстелить циновки, разложить яства и напитки...

Через две недели галера ушла в море, оставив на берегу три могильных холмика своих товарищей. Добравшись до родных земель, греки разнесли историю о невероятной встрече с непобедимыми и прекрасными, жестокими, а заодно и ласковыми амазонками. Они не могли передать на словах всю прелест и великолепие предводительницы амazonок, которая даже бровью не повела, не сделала ни одного лишнего шага, когда ее обступили эллинские воины, а потом тремя движениями своего чудесного пояса уложила троих смельчаков. Легенды об амазонках быстро разошлись по всей Элладе, но так как греки не смогли запомнить труднопроизносимое имя, они назвали ее по-своему – Ипполита, то есть Каменная всадница. Так же называем ее и мы.

Рассказывали, что ее волшебный пояс – дар бога Ареса, и это особенно будоражило умы воинственных эллинов.

* * *

Шестнадцатилетняя Антеипху имела необычайную способность к познанию языков. Наряду со множеством языков и наречий местных народов она владела и греческим. Учителя специальных групп, засылающие разведчиц в разные государства, говорили, что она была бы лучшей разведчицей, если бы не одна особенность. А заключалась эта особенность в неописуемой красоте юной Антеипху – слишком уж заметна была ее внешность. Светло-каштановые волосы, глубокие, небесно-синие, большие глаза, тонкий нос, белоснежная кожа, отточенная до совершенства стройная и гибкая фигура в сочетании с лучезарной улыбкой, обнажающей жемчужные ряды великолепных зубов, нежный голос – все в ней было чрезмерно красиво. Казалось, что сами боги выбирали для нее глаза, брови, нос, губы, шею, руки, ноги из сотен тысяч самых тонких и изящных в наилучшем сочетании.

При всех своих достоинствах Антеипху была и очень искусная воительница, обладала острым умом, молниеносной смекал-

кой. Все это даже мешало жить ей спокойно, потому что она все анализировала, ставила перед собой трудные вопросы и места себе не находила, пока не разрешала их. При этом она не испытывала особой гордости от того, что являлась одной из лучших амазонок крепости – такой она стала лишь потому, что осознавала себя сверх меры и не могла себе позволить быть хуже других. Антеипху старалась избегать походов в дома свиданий, потому что душа ее не перенесла бы расставания с собственным ребенком, какого пола он бы ни был. Она вообще ничего, кроме ужасного, не находила в нравах империи. Нечеловеческая жестокость – как одно из важнейших составляющих военной победы – совершенно не воспринималась ее душой. Зато природная доброта, раз за разом сводимая на нет муштрай и военными упражнениями, подчас возрождалась и заполняла ее всю.

Дружила Антеипху только с одной амазонкой – виртуозной саблисткой Потеей, которую гнали от себя все воспитательницы и тренеры, не воспринимая ее всерьез на сборах и работах. Только исключительное мастерство в фехтовании помогало Потее не стать полным изгоем и спасало от кары коварных уд. А ее единственный недостаток был в том, что она любила шутить и балагурить, и любое мероприятие могла сорвать какой-нибудь смешной выходкой. Там, где была Потея, всегда царил такой смех, что амазонки не выдерживали и убегали, схватившись за животы. Поэтому никто не мог серьезно работать в ее обществе, кроме как Антеипху, которая научилась не реагировать так бурно на ее щуточки и приколы. Божественное лицо Антеипху озаряла легкая улыбка и ничего более.

Последней темой для насмешек Потеи стала старая Кантхуд, которой было уже за восемьдесят. Несмотря на столь почтенный возраст, она являлась одной из признанных мастериц-преподавателей по тактике конного боя. Старуха умела моментально определить, чем угрожал любой маневр противника, извлечь выгоду из любого создавшегося положения, тут же изменив не только строй конницы, но и расположение групп и отдельных всадников противника. Любая деталь ландшафта, будь это дерево, валун, ручей, болотце, бугорок или впадина, тела убитых, небольшие табуны лошадей без всадников или просто пасущий-

ся скот, имела для нее значение. Все могло быть использовано, чтобы получить тактический перевес над противником. Канилх-уд всегда слушали с большим интересом, уважая ее большой опыт, жизненный багаж и школу «великих воительниц». Она умела преподать свой предмет как поэзию и благодарно отзывалась о своих же учителях.

Недавно на уроке она рассказывала, как использовать положение солнца для ослепления врагов. Заметив посторонние разговоры, Канилх-уд прервала свою речь и принялась ругать молодых амазонок за рассеянность после бурной ночи, проведенной в доме свиданий. И по неосторожности проронила необдуманную фразу, которую девушки сразу же подхватили. «Я все понимаю, – сказала старуха. – Ведь я тоже женщина...» – и вдруг зашумела, вспомнив свой почтенный возраст, и невольно посмотрела в сторону хохотушки Потеи. Туда же одновременно посмотрели и другие ученицы, ожидая какой-нибудь выходки. А Потея только приподняла черные как смоль брови и, глядя прямо в глаза Канилх-уд, с серьезным выражением слегка кивнула головой и сказала: «Да, естественно». Но старуха, уловив в ее глазах томную и чувственную наигранность, тут же выгнала Потею вон и в наказание послала чистить конюшню.

Молодые амазонки, украдкой смотревшие вслед уходящей Потее, увидели, что она без малейших угрызений совести, чувственно покачивая бедрами и легко размахивая руками, вышла, а в правой ладони искусно спрятала кончик указательного пальца, намекая на увечье беспалой Канилх-уд. Раздался хохот. Урок был скомкан и окончательно испорчен.

Наутро Потея стояла на плацу с совершенно невинным видом, свежая и выспавшаяся, так как по уставу амазонка, получившая наказание работой, заодно лишалась права посещать дом свиданий. А все остальные на построении украдкой хихикали. И на этот раз дело было не в шутках Потеи. Причиной смеха послужила пара сорок, с шумом расположившаяся на камышовой крыше домика Канилх-уд. Видимо, произошло это не случайно – кто-то ночью перенес сорочье гнездо на новое место. А присутствие сороки на крыше – известный в империи знак, говоривший только об одном: в этот дом могут спокойно вхо-

дить молодые люди для плотских утех. Прибежавшие смотрительницы дома свиданий забрали сорок, однако в этот день урок тоже не задался. А старая Канипх-уд, пробесившись весь день и не найдя Потею, в конце концов проглотила обиду, чтобы не усугублять свое смешное положение и не давать волю неистощимой фантазии этой «бессовестной проказницы».

Но и после этого случая Потея не перестала проказничать и шутить над Канипх-уд. Спустя пару дней, находясь в дозоре и охраняя участок побережья, они с Антейпху и еще двумя амazonками неожиданно столкнулись с фракийскими моряками, которые спиливали дерево в прибрежном лесу для замены сломавшейся мачты на своем судне. Мачту они не заменили – на них обрушился меч-молния, в результате чего Потея как свою личную добычу, которой вправе распоряжаться только она, пригнала к крепости около двух десятков молодых и рослых фракийцев. Поскольку все, кто их видел, заражались неудержимым смехом, Канипх-уд тоже вышла посмотреть, кто на этот раз стал объектом насмешек несносной проказницы, и увидела, что у всех пленных отрублена фаланга указательного пальца на правой руке. Эта метка означала, что матросы пригнаны специально для старой Канипх.

Старуха в ярости бросилась к Потее, замахнувшись на нее своим посохом, а та, не сильно разбегаясь, уворачивалась от ударов Канипх-уд, приговаривая: «Извините! Не убивайте! Я знаю, их ничтожно мало, но Антейпху перебила всех остальных, мне удалось пленить только этих!» Вокруг стоял невообразимый хаос, но вдруг он резко лоутих, когда старуха, задыхаясь и держась за впалую грудь, в сердцах сказала: «Ну отстань же ты от меня! Не добивай старуху, проклятая негодница!». А потом взмолилась, падая на камни: «О, великие боги! Почему вы не забрали мою жизнь в какой-нибудь битве, чтобы я не терпела такой позор!»

Потея стояла, опустив голову, сожалея, что перегнула палку. Она подошла к Канипх-уд, помогла ей подняться, отряхнула одежду старухи, а потом молча повернулась к ней спиной, выгнувшись и подставила попку, готовая принять удары палки старой амazonки.

— Ах ты бессовестная! — воскликнула Канипх, схватила левой рукой подставленное место и больно сдавила.

Потея насилиу вырвалась из этих клещей, подняв вселенский вой, отбежала в сторону, дабы старуха еще раз ее не достала и, потирая пострадавшее место, удивленно произнесла:

— Ой! А что это она мне сделала и чем? Вот уж не думала, что в таком возрасте случается перемена половых увлечений!

После чего все снова дружно захохотали, но уже никому не в обиду. Даже не понимавшие ни слова фракийцы, и те без перевода вникли в происходящее и заулыбались. Они несколько отошли от ужаса, произшедшего с ними недавно, когда эта совсем еще девчонка одолела столько взрослых мужчин, умудряясь сначала отрубить им часть пальца, затем оглушить. И все ради того, чтобы потешиться над этой старухой.

— Мы попали в плен не к людям, а к злым богиням... — сказал один из них, грустно вздыхая.

— Наше поражение не вызвало у них никакого интереса, это произошло так, между прочим, ради шутки. Помоги нам, великий Зевс! — произнес второй. Остальные поддержали его в этой молитве.

Через пару недель фракийцы были отпущены, им даже вернули корабль (правда, уже без груза), оружие и дали месячный запас продуктов и воды. Естественно, они за это время не скучали и уезжали, переполненные благодарностью к своим обворожительным врагам. Прибыв на родину, фракийцы своими рассказами еще больше подлили масла в огонь, разжигая любопытство царей, правителей и простых жителей Эллады. Раззадоренный такими повествованиями, сам Геракл снарядил свою прославившуюся на века экспедицию к самому дальнему от Греции берегу Эвксинского Понта¹, в страну воинственных амазонок, чтобы добыть пояс царицы Ипполиты — дар бога войны Ареса.

¹ Понт Эвксинский — Черное море.

Антеипха, Потея и третья их подруга, могучая Еланипа давно уже наблюдали за белыми парусами греческих кораблей, которые, ловко маневрируя, уверенно приближались к берегу недалеко от устья реки Сэш. Там стояла крепость, скрытая от морских ветров большим утесом Фамискир.

— Вот опять к нам гости заморские пожаловали! — сказала Потея. — Но не стройте любовных планов — еще не родились герои, достойные вас, мои дорогие. И ни одна земля еще не имела такого сына-великаны, который осмелился бы лечь с тобой в постель, Еланипа. А тем более нет на свете такого красавца, кто может составить тебе пару, Антеипху. Твоя красота — твой же враг, как собственный пушистый хвост для лисы. И только я, как всегда, смогу подобрать себе свежего любовника. Так что вздыхайте и завидуйте, подруги мои, а я могу разок-другой полететь за каждую из вас, если это доставит вам хоть какую-то радость.

— А причем тут мой рост и размеры? Есть мужчины даже небольшого роста, которым нравятся такие, как я! — прогудела Еланипа.

— Не преувеличивай. Таких, как ты, во множественном числе не бывает. Скажи — такая, как я... — не унималась Потея.

— Что ты понимаешь! — возразила Еланипа. — Недавно в доме свиданий на меня уставился один мужчина, ну, такой, среднего роста, а мне чуть выше пупка будет. Смотреть смотрел, а на танец удж пригласить не решился... Видимо, представил себе, как бы мы выглядели в этом танце под ручку.

— И не только в танце... А что, взяла бы его на грудь — он испугался бы высоты и вцепился в тебя обеими руками. Так и станцевали бы!

— Да он не такой уж и маленький. Кстати, если я не ошибаюсь, он потом уединился с тобой! А ко мне так и не подошел.

— Ой! Это что, тот самый?! Да не мог он на тебя смотреть, потому что весь вечер с меня глаз не сводил. И потом я знаю, что при этом деле он любит одновременно целовать губы, левой рукой держать ниже спины, а правой рукой ласкать грудь. Теперь представь, каково ему будет с тобой: то прильнет к губам, то к груди, то влево и далеко-далеко вниз, и при этом основное место

тоже никак нельзя оставлять. К тому же он ленив и боится высоты, потому что не горец, а житель равнины.

Выслушав это, Еланипа расхохоталась так, что ее пришлось одернуть.

— Тише ты! Гостей распугаешь, тогда и я останусь без сладкой добычи, — зашипела Потея.

К этому времени возвратилась амазонка, посланная в крепость сообщить о пришельцах. С ней прибыл отряд воительниц во главе с Ипполитой. Далее девушки наблюдали, как греческие корабли, опустив паруса, на веслах подплыли к берегу, и — о чудо! — с первого корабля спрыгнул невообразимого роста и моци великан. Он легко подтянул судно к берегу и привязал накрепко. При виде человека такого могучего сложения амазонки ахнули, моментально уставившись на Еланипу.

— О, великие боги, вам все под силу! Я беру свои недостойные слова назад! — воскликнула неугомонная Потея, глядя на движения великана и не веря своим глазам. — Еланипа, прости меня, но чувствую, что этот действительно твой!

А рассудительная Антеипху предположила, что это, может быть, и есть сам Геракл — знаменитый герой Эпилады, совершивший много великих подвигов:

— Говорят, он непобедим, но я думаю, что его может сразить верховая, вооруженная пикой. Не говоря о сабле амазонок, от которой еще никто не смог увернуться.

После Геракла (а это был он) на берег ступил другой воин, облаченный в золотые доспехи, и амазонки снова ахнули. Он тоже был божественно красив, прямо воплощенная мечта девушки! Не засиживаясь далее, амазонки вышли навстречу гостям. Тревожно колотилось сердце Антеипху, ей даже казалось, что стук в груди слышен всем вокруг. Она изумленно смотрела на молодого бога, не находя силы даже дышать, и неведомое доселе волнение переполняло ее всю. Побледневшая Антеипху дрожала, а ее губы тихо и невнятно что-то шептали.

— Великие боги! — продолжала восклицать Потея. .. А этот? Этот точно твой, моя прекрасная подруга!

— Да. Я пропала... — еле слышно прошептала юная красавица. — Он мой.

— Что ты сказала?! — вскрикнула Потея. — Скажи только слово, и я принесу его прелестную голову, держа за красивые локоны! Или приведу его связанного к твоим ногам.

Конечно, Антеипху не имела в виду то, что подумали подруги, решив, что она хочет лично с ним сразиться. Она уже прекрасно поняла, что никогда не сможет убить юного эллина или причинить ему малейшую боль. Это ведь был Он, который не раз приходил к ней во сне, из-за которого, даже бодрствуя, она лишалась покоя и отдыха. И теперь тот, кто давно жил в ее сердце, стоит перед ней совершенно явственно. Он здесь!

Антеипху, подключив всю свою смекалку, стремительно перебирала варианты, стараясь избежать битвы. Хорошо зная боевые способности своих подруг, она не сомневалась, что они в два счета разделяются с эллинами, и ни один из них, даже самый сильный, ловкий и смелый, не вернется на корабль, если амазонки того не пожелают. Антеипху затрясла головой, чтобы не представлять себе картину после боя, в котором не уцелел бы ее избранник. За мгновение у нее перед глазами пронеслось все прожитое и пережитое до сих пор и вмиг встало с ног на голову, и она вдруг возненавидела свое прошлое, усомнилась в устоях мира амazonок, который породил и взрастил ее, и по-другому взглянула на своих сестер-подруг. Готовая броситься к ногам эллина, чтобы умолять бежать, забрав ее с собой, при этом она точно знала, что амазонки этого не допустят — если даже не выстрелят вдогонку, все равно такого ей точно не простят.

«Зачем же ты превратился в явь? — думала Антеипху. — Я же заставила себя привыкнуть к тому, что мечты не сбываются! До сих пор только во сне боги пытали меня мыслями о тебе, а теперь вижу, почему они не уготовили мне смерти в бою: боги хотят, чтобы я сразилась с самым прекрасным и дорогим сердцу человеком...»

Между тем два воинственno настроенных отряда постепенно сближались, оценивая достоинства и слабые места друг друга. От амazonок вперед вышла бесстрашная и восхитительная Ипполита, взяв с собой в качестве переводчика не менее блестательную, под стать себе, юную Антеипху. У той душа ушла в пятки, но она изо всех сил старалась не выдать себя.

Со стороны эллинов выступили Геракл и он, прекрасный не-знакомец.

— Я Ипполита, предводительница крепости, а это Антеипху. Мы догадались, что вы сыны великой Эллады, и думаем, что перед нами прославленный Геракл. По рассказам, дошедшим до нас, мы представляли его именно таким. Приветствуем тебя и твоих спутников на земле амазонок, если вы пришли с миром!

Понемногу прия в себя, Антеипху перевела ответ эллинов.

— Прекрасная Ипполита! — сказал предводитель прибывших. — Слава о тебе и твоих воительницах дошла и до моей родины. Да, я Геракл, а это царственный Тесей — победитель Минотавра, великий герой Аттики, совершивший много знаменитых подвигов. С нами лучшие воины со всей Эллады, ее герои и защитники. Я посланник дочери царя Эврисфея — Адметы, которая велела мне привезти твой волшебный пояс, подарок бога войны Ареса.

— О, великий Геракл, кто сможет отказать тебе в такой пустяковой просьбе! — ответила Ипполита. — Я отдаю свой пояс, дабы выручить тебя в сложившейся ситуации, только прошу, погостите у нас немного, отдохните с дороги, дайте нам удовольствие пообщаться с вами.

Антеипху машинально переводила диалог предводителей, особо не вникая в смысл произносимых слов, потому что все мысли были направлены только к нему. Она боялась взглянуть на Тесея, но, все-таки решившись, подняла глаза и увидела сразу все, о чем до сих пор мечтала. Он смотрел только на нее. Теперь Антеипху почувствовала, как его взгляд нежно скользит по ее лицу, от губ к глазам, по мягко выступающим скулам к точеной шее, а дальше по всему телу и снова возвращается к глазам. Она отзывалась на его ласковый и проникающий взгляд всем своим существом, так что еще минута — и они забыли бы обо всех присутствующих. И не было на свете ничего в тот момент, на что Антеипху променяла бы взгляд Тесея.

Переговоры шли мирно, обе стороны оставались довольны друг другом, когда среди амазонок как гром среди ясного неба прозвучал чей-то возглас:

— Бессовестные! За ласки этих жеребцов вы готовы отдать всю империю! Разве не видите, что они не с миром пришли? Они же

все вооружены и построены в боевом порядке! Так и ждут команды «К боя!» Амазонки вы или сучки текущие?!

И переговорщики не успели оглянуться на воительниц, как в сторону эллинов полетело копье, пущенное весьма сильной рукой. Геракл увернулся, но был сражен один из его спутников, стоящий в строю поодаль. Это положило начало сражению, без которого можно было прекрасно обойтись. Та амазонка, которая швырнула копье, осталась неузнанной, а греки потом говорили, что это была злая Гера, принявшая облик амазонки и пожелавшая их руками убить Геракла.

Справоцированные таким образом, оба отряда неудержимо и яростно бросились друг на друга. Эллины дрались как львы, намного отличаясь от тех воинов, с которыми ранее довелось повстречаться амазонкам. Вскоре воительницы убедились в том, что столкнулись с настоящими героями Элады. В ходе сражения Потея оказалась напротив Тесея, но не спускавшая с него глаз Антиепху вовремя это увидела и, прыгнув тигрицей, отшвырнула ее настолько сильно, что та отлетела далеко в сторону. Быстро придя в себя, Потея решила, что подруга сама не прочь сразить прекрасного и дерзкого воина, великого героя и царя Аттики. Успокоив себя такой мыслью, она принялась за других воинов. И горе было тем, кто попадался на ее пути: она одного за другим укладывала бесстрашных греков по обе стороны ее сабли на прибрежный песок и не знала ни пощады, ни промаха!

Геракл расправлялся с напирающей силой амазонок палицей необыкновенной величины. Но вот на его пути выросла могучая Еланипа, и начался бой великанов, под ногами которых чуть ли земля не дрожала. Они так увлеклись, что вокруг себя никого не замечали и давили всех, кто ненароком оказывался рядом. Избогроздив песчаный берег, нанося друг другу нещадные удары, они долго бились своими огромными палицами, пока не треснул и не раскололся щит Еланипы, из-за чего она не смогла защититься от последовавшего удара Геракла и упала на колени. Следующий удар превратил в лепешку ее шлем, а она сама тяжело рухнула на песок, сотрясаясь могучим телом. Геракл поднял ее и унес на корабль.

Продолжая показной, не очень выразительный поединок, у самого берега оказались Тесей и Антеипху. Конечно, для окружающих это был молниеносный обмен ударами, но они сами тщательно рассчитывали каждый взмах меча и сабли, чтобы не нареком не задеть друг друга, мысленно или взглядом подсказывая, куда будет нанесен следующий удар, и при этом проверяя боевые способности каждого. Эта была не битва – но танец великой любви, оказавшейся на самом острие меча! Юноша и девушка объяснялись друг с другом небывалым способом, и это воистину была любовь с первого взгляда, любовь на грани жизни и смерти.

На слух Тесей определил, что сбоку от него на Антеипху летит дротик. Доверив своей избраннице обнаженную спину, он повернулся в сторону, чтобы принять пущенный его товарищем дротик в свой щит. А Антеипху в это время заметила, что в Тесея целится одна из амазонок, и мягко оттолкнула его так, что стрела пролетела мимо. Теперь, продолжая поединок, они боковым зрением следили, чтобы какой-нибудь «помощник» с той или другой стороны случайно не застрелил одного из них. Вдруг рядом с Антеипху оказалась неистовая Потея, которая решила, что подруга непривычно долго возится с одним противником, и одним ударом хотела расправиться с ним. Но Антеипху так отчаянно крикнула ей: «Уйди!» – что недоумевающая Потея вынуждена была удалиться.

Битва началась в конце дня, и пока влюбленные самозабвенно «дрались», постепенно наступили сумерки. И вот, когда Тесей и Антеипху случайно, намеренно или волей богов, оказались около борта корабля – а уже почти стемнело, – они, договорившись глазами, одновременно опустили оружие и моментально перебежали на судно. Еще не заметив происходящее, Ипполита дала команду прекратить бой, после чего все сбежались к кораблю и начали штурмовать его, поскольку знали, что Еланипа находится в плена у Геракла. А предводительница стала глазами искать свою переводчицу, потом громко звать ее, но Антеипху не откликалась. «Как же мне объяснить грекам, что я готова выменять Еланипу на свою саблю?!» – негодовала Ипполита.

Антеипху услышала ее и быстренько объяснила все Тесею. Вскоре Геракл вывел великаншу, которая с трудом приходила в себя, а взамен получил из рук Ипполиты пояс-саблю. Он величественно поклонился предводительнице амазонок, на что та ответила кивком головы, а затем, оттолкнув судно от берега, Геракл вспрыгнул на уже качающуюся от прибрежных волн галеру. Раздалась команда, и греческие корабли, ощетинившись многочисленными веслами, полысили прочь от кровавого берега.

Антеипху еще некоторое время слышала голоса подруг, искающих ее по побережью, в мелководье с зажженными факелами, но все уже было тщетно. Корабли шли полным ходом, используя прибрежный ветер и мощь гребцов, а они, Тесей и Антеипху, стояли молча, нежно прижавшись друг к другу. За время их искусного поединка они сказали друг другу многое, а пережили больше, чем за всю прежнюю жизнь. Когда Тесей осторожным движением снял с ее головы золотой шлем, Антеипху тряхнула головой и растрепала пышные выющиеся волосы по плечам. Украдкой пророненная слеза упала в соленую морскую воду. Он не удивился ее слезам, а только вытер их поцелуем. Она улыбнулась, просияв ощущением счастья, не забыв отметить про себя, что становится обычновенной женщиной, способной плакать и отзываться на ласки. Нет уже той жестокой и воинственной амazonки, которую выковывали из нее, — прошлое кануло в пучину времени, как ее слеза в бездну моря.

Корабль со счастливыми влюбленными шел к берегам Аттики около месяца, который для них прошел как один день и одна ночь. Антеипху за это время успела познать рай, где каждый день стоил того, чтобы родиться и терпеть шестнадцать лет муки ада в крепости амазонок. Узкое пространство каюты и палубы галеры казалось небесным садом, где сбылись все мечтания и грэзы юной Антеипху. Окрыленные волшебной и беспредельной любовью, вырвавшейся из мрака тесного заточения, она и Тесей освободились от ощущения времени, тяжести и гнета пустоты. Антеипху и думать не хотела о том, как сложится ее дальнейшая судьба, — сейчас это было неважно. Но с приближением к берегам Аттики ее все больше тяготила тревога.

В ясный солнечный день со смотровой мачты раздались восторженные крики, поддержаные гребцами, – впереди была земля. Антеипху поняла, что Эллада совсем близка, и, вопреки своим правам, решила сказать грекам о том, что не давало ей покоя.

– Призывая в свидетели всех богов и твоих преданных друзей, обращаюсь к тебе, Тесей! – начала она, попросив внимания у всей команды. – Я вручила богам и тебе свою судьбу не задумываясь и без оглядки. И что бы со мной ни случилось, я никогда не пожалею об этом, ибо любой день, проведенный с тобой, дороже, чем вся остальная жизнь! Спасибо тебе только за это. Но речь моя о другом. Ты знаешь, кто я, а я знаю, что сестры, от которых я убежала, не простят мне мой отчаянный поступок. И это может принести несчастье в твой дом, чего я никак не желаю. Там, в крепости, осталось несколько моих подруг, которые до последнего, я уверена, будут бороться за меня. Законы империи суровы и непреклонны. Как только наши предводительницы догадаются, где я, собирается высший совет, который примет единственное решение. Я знаю, каким бывает наказание высшего совета, и приняла бы его не колеблясь. Но если они придут, то убьют не только меня. Они превратят в пепелища и ваши дома, погибнете и вы, и ваши семьи! Тесей, умоляю, не вези меня в свой город, оставь на каком-нибудь островке, где я тебя всегда буду ждать! Тесей, прошу, послушайся, не следует везти меня в Аттику. Сама того не желая, я принесу тебе и твоим товарищам только несчастье! Мне тяжело говорить эти слова перед вами, а еще тяжелее расстаться с тобой, Тесей. Но для всех будет лучше, если вы послушаетесь меня. Подумайте, пока еще есть время, хорошо обсудите и выслушайте мнение всех присутствующих на этом корабле.

Высказавшись, она ушла к себе в каюту, оставив всех наедине с тревожными думами. Прошли первые несколько минут – на палубе тишина. Антеипху очень удивилась, что не слышно никаких споров. «Видимо, нечего возразить», – подумала она. Но поспыхали шаги, и она поняла, что это не Тесей, а кто-то другой идет за ней. Да, ее попросили вернуться на палубу. Антеипху пошла за молодым воином туда, где, оказывается, собрались воины постарше с других кораблей флотилии, что стояли рядом

со спущенными парусами, подняв весла. С появлением девушки стих гул голосов и настала полная тишина. На большую бочку под центральной мачтой встал седовласый воин, лицо которого было испещрено множеством рубцов от старых ран, как стены древней крепости.

– Небесное создание! – заговорил он мощным и глухим басом. – Нам очень приятно, что ты обладаешь не только неземной внешней красотой, но и красотой благородной души. Я, безумный старик, грешным делом подумал, что ты от головокружительной любви и неопытной юности забыла обо всем на свете. И если даже так, никто не осудил бы тебя – дело молодое, но, коли ты проявляешь благоразумие и опасаешься за нашу судьбу, это делает тебе честь. Ты не просто завоевала сердце нашего молодого царя Тесея, но оказалась достойной нашего престола и можешь стать мудрой царицей! Да, мы любим свои города, прекрасные дома и храмы, которые достались нам от наших великих предков и которые мы должны сохранить для потомков. Чтобы выстроить свою Аттику, великолепные Афины, наш народ прошел долгий и неимоверно трудный путь побед и поражений. Мы не один раз теряли все: и сами дома, и защитников этих домов, но с помощью богов и великого трудолюбия мы возрождались снова и снова. Через все века и муки наши мудрые отцы сохранили великие ценности, которые поднимали нас из пепла всякий раз. Эти ценности – честь и совесть! Их наши предки не теряли никогда и ни перед каким врагом. И если сегодня, поддавшись страху и слабости, я, потомственный воин простого сословия, сын тех, кто перенес все, о чем только что говорилось, вдруг по малодушию расчету откажусь защищать подаренную нам богами достойную царицу – я не смогу вернуться домой и называться эллином. Ты – наша царица, а посему должна жить во дворце в Афинах, находиться рядом с царем и править вместе с ним!

С этими словами почтенный воин спустился с бочки, подошел к Антеипху, преклонил колено и, положив перед ней свой старый, уже ставший узким от многократной заточки бронзовый меч, опустил седую голову. Все воины на всех кораблях поступили также: положили мечи перед собой и опустились на колени.

Антеипху убедительной просьбой подняла старого эллина, других тоже попросила жестом подняться и громко, во всеуслышание сказала:

– Одним богам известно, сколько мне осталось жить, но с этого момента и при каждом своем вздохе я буду помнить твои слова и приложу все силы, чтобы оправдать доверие и быть достойной царицей благороднейших сыновей Аттики!

* * *

После битвы с дружиной Геракла амазонки в крепости не узывали извечную проказницу Потею. Исчезла ее постоянная веселость, не было уже ни самих шуток, ни желания шутить, пропали и острые подковырки вместе с ее беззаботным смехом. Она часто уединялась ото всех, подолгу сидела на берегу и грустно смотрела в синюю даль моря, где оно соединялось с небом, теряя границу воздуха и воды. И всегда оставалась безмолвна, как будто дала обет молчания. О том, чтобы как-то защитить подругу, сбежавшую с Тесеем, не могло быть и речи.

Действительно, на следующее утро после столкновения с элинами амазонки прочитали следы на прибрежном песке и поняли, что никто силой не увозил Антеипху. Ипполита еще в ходе боя заметила, что она не только не хотела одолеть и убить Тесея, но очень бережно и внимательно защищала его жизнь от опасностей суматошной неразберихи сражения. Она не преминула сказать об этом и на выездном высшем совете верховной царицы. Опасность для империи заключалась в том, что Антеипху могла передать вскружившему ей голову Тесею много секретов, касающихся вооружения, методики обучения воительниц, дрессировки боевых коней, хищных птиц и собак. Было принято во внимание, что эллины в скором будущем могут объединить все свои царства – Аттику, Фракию, Спарту, а также островные владения и малоазийскую Лидию. Если со всеми этими племенами они поделятся тайнами амазонок, то очевидно, что дни империи будут сочтены.

Поэтому решение совета было единодушным и суровым: немедленно собрать флот и выдвинуться на Аттику, достать и

умертвить беглянку, даже если для этого придется перерезать все царство элинов!

Через день амазонки рассыпались небольшими отрядами по всему берегу Ахуна и Меотиды. Не прошло и двух недель, как корабли, отнятые у финикийцев, египтян, фракийцев и многих других народов, с плененными моряками и гребцами, начали прибывать к берегам империи амazonок. Морские суда были такими же разными, как и их бывшие хозяева: торговые, военные, пиратские, рыбакские и большие речные. Из плененных гребцов, прикованных к веслам, в первую очередь освобождали рабов-хеттов, а на их место сажали молодых и сильных мужчин из числа бывших хозяев.

Приморские хетты тоже располагали небольшим флотом, куда входили галеры, триеры и большие рыбакские лодки, обустроенные так, что при необходимости их можно было использовать для войны. И весь этот флот хетты добровольно отдали в распоряжение амazonок. В течение почти двух месяцев они со стыковали необходимую для похода флотилию, одновременно обучая воительниц азам военно-морского искусства, навигации и управлению парусами.

Хурсана и Сауса уединились для разговора.

– Сауса! – с беспокойством говорила Хурсана. – Нам с Дахазилем дали по три тысячи пятьсот воинов, и мы скоро уедем – самое меньшее на полгода. Ты остаешься одна со своим сыном. Прошло три года со дня вашей встречи, селения Тхазепла выросли втрое, а людей у него теперь в два раза больше. Но нужно еще лет двадцать, чтобы адьги начали представлять из себя внушительную силу, способную угрожать империи. Подумай о том, что мы можем не вернуться. Значит, тебе надо быть мудрее, осторожнее, хитрее и проницательнее, чтобы действовать за нас троих вместе взятых. Пусть Тхазепл умен и сообразителен, все равно тебе надо постоянно с ним работать, чтобы в нужный момент он был достаточно собран и обучен и смог выставить не одну-две тысячи воинов, а огромное, непобедимое войско, владеющее всеми нашими секретами – техникой и хитростью, тактикой и стратегией.

Поход был выгоден и многим предводительницам всех крепостей, но некоторые были уже приличного возраста, как Дышана, и сами не шли в поход, а отправляли во главе войска наиболее выдающихся амазонок, своих же молодых соперниц. Этим они, во-первых, давали себе отдых от наступающей на пятки талантливой боевой молодежи. Во-вторых, в походе они сами могли не показать бытой удали и дальновидности, совершившую какую-нибудь оплошность, что привело бы к незапланированному поражению и могло развенчать их неотразимый и легендарный образ. И наконец, последний пункт в этом списке – их молодые соперницы могли попросту не вернуться из похода: или погибнут, или сбегут с понравившимся врагом в качестве «плениницы», как та же Антеипху.

Дышана давно чувствовала, что Дахазилия и Хурсана представляют опасность для ее спокойной старости и безраздельной власти на территории крепости. А также осознавала, что не может себя сравнить с Дахазилей ни в своей юности, ни в молодости, ни в зрелые годы. Прекрасная чистюля была таковой не только в одежде и гигиене, но и в мыслях, в действиях, в походе, на отдыхе. Она не только в бою обладала нечеловеческой ловкостью и аккуратностью, внутри нее находился столь же точный и выверенный механизм, который не допускал никакой этической оплошности. А Дышана не только не располагала таким даром, но и не могла объяснить себе, каким образом у этой хрупкой и молодой еще женщины был развит столь неимоверный душевный талант.

Еще большую угрозу она видела в лице Хурсаны. Глядя на ее непобедимость и неуязвимость, Дышана порой жалела, что сама же выбрала для нее лучшего скакуна альпийской породы, этим сделав ее вдвое сильнее. Свидетели рассказывают, что в битве с китайцами Хурсана выхватила из рук тысяченка его же меч и рассекла врага пополам от макушки до подкладки седла. Огромная физическая сила в сочетании с женской красотой сопровождалась еще и недюжинным умом и смекалкой. О, боги! Зачем нужно было давать столько достоинств ей одной?! Бедная Саня, она всего лишь умела хорошо стрелять, и одним этим сумела прославиться надолго и после смерти. А эти две подруги просто

недосягаемы во всех смыслах, как же ей, Дышане, с ними бороться? Только отправить в опасный и дальний поход, назначив предводительницами какого-нибудь трехтысячного войска. При этом старая уда допускала, что, скорее всего, они вернутся и будут еще более возвыщены, чем теперь. Но поход может затянуться, кого-то ранят, кто-то может и погибнуть... Говорят, царь Аттики Тесей – необыкновенный герой, совершивший много великих подвигов, может быть, он избавит ее от Дахазили и Хурсаны? Хотя что может сделать какой-то греческий герой против неуязвимой Хурсаны и царственной Дахазили?!

Для некоторых молодых амазонок этот поход тоже был важен, они связывали с ним надежды на лучшую долю. Кто-то мечтал оказаться «в плену» у сильного мужчины, как Антеипху, а кто-то вообще в суматохе боя хотел просто исчезнуть, забыв о прошлом. Так или иначе, они хотели покинуть эту землю и где-то в глухи начать тихую, спокойную, человеческую жизнь с мужчиной, любить и быть любимой, растить своих детей и радоваться им. А такое бывало не раз, еще задолго до поступка Антеипху, благодаря которой крепость «расшевелилась» на дальний поход. Случалось, что при захвате или наказании какого-то селения вдруг неожиданно среди сражающихся нартов появлялась всадница-амазонка и наносила ощутимый урон.

Были и другие амазонки – большинство, – которые не могли себе представить иной жизни за пределами крепости. Для них крепостной устав и строгие правила были идеальными и самыми справедливыми законами на свете. Все остальное считалось неорганизованным и бесформенным. Все рядовые амазонки стремились сделать карьеру, а это лучше всего удается в походах и разного рода боях. Вот где жизнь кипит по-настоящему! Особенно когда враги сдаются, и ты отхватываешь себе понравившегося пленного, который очень скоро сам не захочет возвращаться домой. Кто бы его там ни ждал, он готов будет всю жизнь быть твоим пленным, исполняя любые твои желания. Глупцы, они не понимают, насколько ужасная участь им уготована! Самое гуманное, что могло их ожидать, – укол острым девичьим кинжалом в сердце в момент наивысшего наслаждения....

Кроме таких, роковых и сладострастных, в крепости находились забитые, несчастные женщины, которые отказались от жизни в семье. Они не были урожденными амазонками и назывались пришлыми.

Свободолюбивые воительницы с особой теплотой относились к Нысаше¹, чье настоящее имя – Тина – в крепости никто не знал. Поменяв женский платок на изящный кованый шлем, Нысаша ничуть не изменилась, сказывались тяжелая судьба и не-простая семейная жизнь. Совсем юную ее выдали замуж в обычную нартскую семью, но вскоре от неизлечимой болезни умер муж. Второй, за которого Тину потом отдали, был ленивый, бесчувственный и совершенно бестолковый человек, и вся его семья оказалась такой же. Они всей оравой с самого утра могли сидеть за столом, постоянно что-то поглощая. Изредка хвалили невестку, которая все по дому успевает, готовит, стирает, убирает, вдбавок ко всему говорили, что красивая, заботливая, неутомимая и очень мало ест – это они считали особо важной чертой. При этом семейство приводило в пример чужих снох, прожорливых и неповоротливых. А ей, бедняжке, и поесть-то было некогда. От зари до полуночи она ухаживала за скотом, огородом, двором, домом и домочадцами, таскала воду из ручья, стирала, готовила. А как только думала, что можно на минутку присесть, могла нагрянуть многочисленная родня, которая, нахваливая ее угощения, объедалась, сорила, шумела до самого утра, а потом на рассвете расходилась по домам отсыпаться и переваривать съеденное.

Первое время Тина все сносила молча. Когда стало невмоготу, попыталась объясниться с мужем, но, вопреки ожиданиям, не нашла поддержки. Потом пыталась сблизиться со свекровью, которая, в сущности, не была еще так стара и характер у нее был сносный. Поначалу свекровь отвечала взаимностью, улыбалась, но пропускала мимо ушей любые просьбы о помощи. А после нескольких таких просьб прямо дала понять, что очень расстроится, если такая прилежная и прелестная невестка ее разочарует.

¹ Нысаша – невестка, сноха (адыг.).

Тогда отчаявшаяся Тина обратилась к своим родственникам по отцу. Но и те не слишком трепетно отнеслись к ее положению, рассуждая, что, мол, ты не первый раз замужем, если оттуда уйдешь, то куда денешься, кто тебя будет кормить, терпи – привыкнешь. А ведь ей было только восемнадцать лет! Ну не могла она привыкнуть спать по два часа, а остальные двадцать два работать не покладая рук, при этом не получая никакой поддержки и понимания. И так изо дня в день...

И однажды Тина приняла твердое решение, которому предшествовал случай, ставший последней каплей в чаше ее терпения. Как всегда, рано утром, взяв гогон для воды, она отправилась к роднику, но не смогла поднять наполненный сосуд на плечо – просто не хватило сил. Сглотнув подступивший к горлу ком, она присела на прибрежный валун и невольно задумалась, что же с ней дальше будет, если она сейчас так слаба. Ее же заключают в доме, где все чужие и нет никакого сочувствия. Тина не знала, что делать, но в одном была точно уверена – каторжную работу она больше делать не будет. В ней выросла такая ненависть к семье, что в голову пришла шальная мысль – бежать к амазонкам во что бы то ни стало! Даже готова была топором изрубить всех, кто ее так «ценит и хвалит» в доме, а потом предъявить их головы амазонкам. Может, так быстрее примут к себе? С такими мрачными мыслями она выпила воду и с пустым гогоном пошла в сторону виднеющейся вдали крепости, направляясь через лес.

Тина побаивалась зверей, но, точно зная, что хуже уже не будет, шла бесшумно и спокойно, и единственным средством защиты был только медный кувшин. Но, на удивление, лесное зверье будто обходило ее стороной. Ступая без спешки и суеты, она никого не вспугнула и никто не встал против нее. Нысаша прошла мимо косуль, зайцев, лисиц, встретила немного обеспокоенную самку барса с детенышами. Во всех случаях она тихо пятилась назад и уходила в сторону. К вечеру она, вконец изнемогшая, добралась до большого одинокого дерева на вершине холма, намереваясь там переночевать. Прислонившись к стволу дерева, она от усталости заснула моментально, мысленно упрекая себя в том, что если никогда не проснется, ее закоченелый

труп еще долго никто не найдет. Да и кто ее, несчастную, искаль-то будет?

То ли от переутомления, то ли от холода, но сон у нее был тревожный, просыпалась несколько раз за ночь. Сначала почувствовала чьи-то прикосновения, спросонья подумала, что это муж от нее требует супружеской ласки, и повернулась, поднимая подол юбки. Потом ей отчего-то стало жарко, и она сбросила какую-то бурку с груди. Но под утро девушка пробудилась оттого, что высипалась, и даже показалось, что слишком долго спала. Протерев глаза, она обнаружила себя на теплой бурке, на ровном, мягко устланном листьями месте, поодаль от дерева, под корявой сенью которого засыпала вчера. Усталость, накопленная тяжелым постоянным трудом, не исчезла за ночь, ломило все тело, а голова немного кружилась – видимо от голода, – поэтому Тина даже не стала задаваться вопросами: «Откуда эта бурка? Кто позаботился обо мне?»

Но все же кто-то нашел это несчастное создание и помог, не желая ее смерти, значит, нашлись те, которым она не безразлична. Все эти беспорядочные мысли перемешались у нее в голове, которая окончательно закружилась, когда Тина почувствовала аромат жареного мяса. Только сейчас, повернувшись в сторону, откуда шел дымок, она увидела человеческую фигуру и силуэты нескольких собак. Приглядевшись, она распознала амазонку средних лет, которая возилась с дичью, приготовленной на костре по-походному – не ошипывая, вынув внутренности и натерев изнутри солью, воительница напичкала тушку сушеным стручковым перцем, луком и другими пряными травами, зашила отверстие, обмазала глиной и спрятала под горячие угли. И вот запах уже готовой куропатки, с которой амазонка, обжигая пальцы, удаляла черепки глины вместе с перьями, разбудил беглянку.

– Ты когда-нибудь ела такое? – спросила вдруг амазонка.

– Да. Еще в детстве дедушка угощал фазаном, приготовленным таким же образом.

– Так то фазан, а мясо куропатки гораздо нежнее и вкуснее! – и перевернув кверху дном гогон, стоявший рядом, амазонка разложила на нем листья лопуха и, как на скатерть, выложила туда удивительно ароматное и аппетитное мясо.

— Угощайся, Нысаша! — сказала амазонка, отрывая себе заднюю часть птицы и предоставляя массивную и сочную грудку своей гостье.

Тина отломила кусочек мяса и, макая в соль, которая была насыпана тут же, на листе лопуха, начала потихоньку есть.

— Вот, хлебушек возьми, он пшеничный, очень вкусный, — говорила амазонка. — А там, в золе, еще готовится мясо дикого голубя. Ты ешь, не спеши, а я поднимусь наверх — я ведь постовая. Осмотрю окрестности на рассвете...

И она исчезла в лучах кинжалально-яркого, прорезающего утреннюю листву солнца.

Вскоре Тина наелась, а обедки отдала одной из трех сторожевых собак, которая осталась рядом с ней по команде хозяйки. Собака оказалась очень воспитанной и не стала сразу бросаться на кости, а сначала внимательно посмотрела на них, потом на ту, которая с ней поделилась едой. Ее смышеный взгляд развеселил Тину, и собака беззаботно начала хрумкать ароматными косточками.

Нысаша достала из золы тушку дикого голубя, приготовленную таким же образом, слегка остудила и, используя чистые веточки, очистила от спекшейся глины и перьев, завернула готовое мясо в свежие листья лопуха и спрятала под перевернутый кувшин. После завтрака ей захотелось еще чуть-чуть вздремнуть, и она прилегла. Разбудил ее голос вернувшейся постовой амазонки, когда солнце прошло добрую половину пути до зенита. Тина тут же выложила остывшее, но по-прежнему ароматное мясо горлицы, и они опять немного перекусили. Беглянку очень удивляло, что ее спасительница ни о чем не спрашивала, не выыпыхивала, откуда и куда она идет, как оказалась здесь, насколько подготовлена к походу. Амазонка будто все знала и молча смотрела на ее натруженные руки, исхудалое, осунувшееся лицо, где под большими серыми глазами проступали такие же большие и серые круги от постоянного недосыпания. А бедной Тине казалось, что даже собаки не позавидовали бы ее жизни.

— Ты, похоже, шла к нам, — сказала постовая, словно прочитав мысли и намерения Тины. — Неужели настолько тяжела жизнь там, среди обычных людей?

– Нет, почему же. Есть нормальные семьи, где живут люди и живут по-людски. А мне достались другие существа в человеческом обличье... – грустно констатировала Нысаща.

– Я наблюдаю за тобой с самого родника, – продолжила амазонка. – Думала, не дойдешь, не хватит сил. Тебе еще повезло, что самка барса, которую ты встретила в лесной чаще, уже снялась и поднималась наверх.

– Что это значит?

– Она спустилась вниз, в теплые леса, и окотилась, у нее четыре замечательных крепыша, и она никогда бы не позволила находиться человеку так близко у ее норы с детенышами, если бы в тот вечер не уходила наверх. То есть место окота она уже не защищала. Наоборот – покидала это место, когда ты их встретила, и уводила окрепших барсят на снежные вершины.

– О, боги! Как много надо знать, чтобы выжить в лесу! – воскликнула Тина, не пытаясь скрыть удивление. – А почему ты говоришь «в тот вечер», разве это не вчера было?

– Нет, ты спала больше суток, – ответила амазонка. – Вчера еще я слышала голоса, тебя, похоже, искали, но сегодня уже перестали. Да и разговоров у них было больше, чем самих поисков, в лес и то побоялись зайти. Говорили, что тут водится волчица. Она со своими волчатами, действительно, живет где-то неподалеку, но охотиться уходит в глубь леса, а людей не станет трогать даже возле своего логова, если не попытаешься залезть в нору. Но и тогда она из-под носа уведет своих детенышей в другое место и постарается избежать встречи с человеком. До последнего не ползет в драку, чтобы в случае чего не оставить своих щенят беспомощными. Зато когда они окрепнут – тогда держись и не провоцируй ее, она будет беспощадна.

– Ты столько интересного знаешь! Я бы так и слушала тебя, не переставая.

– Ну, ладно лясы точить! Если передумала идти к нам, я покажу тебе дорогу домой, а если нет – то пошли, я сдала смену. В крепости попрошу свою подругу, чтобы тебя определили в швейную команду – ты же умеешь шить? На тебе все так аккуратно сшито.

Тина только кивнула в знак согласия, схватила свой гогон и засеменила за амазонкой, стараясь не отставать...

Так швея Тина – Нысаша попала в крепость и теперь вместе с остальными тоже просилась в поход, говорила, что не будет обузой и обязательно пригодится, что будет исполнять любые приказания, лишь бы взяли ее с собой. Воительницы выезжали налегке, но на обратном пути могли обзавестись обозом, груженным разным трофеинным добром. Вот где могла помочь Тина.

У амазонок, как и в любых войсках, были свои лихие головы, вечно норовящие лезть в самое пекло. Они ничего и никого не боялись. Первыми они рвались и в этот поход, желая продемонстрировать свою лихую удаль, заслужить почет и уважение в крепости. Пыль дороги, дым костров, азарт погони, атаки боя манили их больше, чем что-либо другое на этом свете. Все это приводило их в ни с чем не сравнимый восторг. Стоило им услышать только намек о предстоящем походе, как они тут же начинали готовиться, вовсю тренироваться, начищали свои доспехи и амуницию лошадей, боевых птиц и собак. Своей энергией они заряжали всех до такой степени, что скоро вся крепость томилась в ожидании. Даже собаки бегали день и ночь по всему периметру крепости и непрерывно лаяли, призывая своих хозяек выводить и седлать лошадей...

Но в крепости находились и такие амазонки, о которых не очень-то и хочется говорить. Ненормальная жизнь в изоляции от мужчин, детей, простых человеческих радостей превратила их в чрезвычайно жестоких и кровожадных существ. Разрушение биологически заданных устоев привело этих женщин, большей частью слабых от природы, к серьезным отклонениям психики. Среди них садизм был развит не меньше, чем лесбиянство, что даже подчас помогало устрашить и сокрушить противника. В их среде предельная жестокость не осуждалась, а наоборот, всячески приветствовалась. Амазонки, способные на такие крайности, очень этим гордились, они упивались кровью и предсмертными судорогами жертвы так, что превращались в неконтролируемых монстров, и утихомирить их могло только полное уничтожение противника.

Такое «биологическое оружие» уд создавали целенаправленно, целой проработанной системой тонко воздействуя на подсознание, используя скрытые возможности человеческого мозга. Используя таинственные ритуалы с поеданием сердец младенцев, уд зомбировали своих воспитанниц так, что от них сломя голову бежали неслабые мужские войска. Известно, что женская психика, как в целом и вся конституция женщины, тоньше и восприимчивее к внешнему воздействию, поэтому их легче вывести из состояния равновесия, сотворить и божественно прекрасное и смертельно ужасное. Недаром именно в адыгояхеттском языке фраза «нэжъгъужыдзэ кылгтеуаш» (нападение войска амазонок) до сих пор остается синонимом опустошения и полного истребления.

И вот такая живая, колышущаяся масса готова была вот-вот выплеснуться через край крепости и пойти по миру, грабя, сжигая, терзая на пути все живое. Естественно, инстинкт самосохранения подсказывал им, что, например, бессмысленно идтивойной на Китай или Индию. Поэтому наиболее удобным для разминки противником на тот момент была Аттика с ее богатейшей столицей Афинами, тем более, что там в плену находилась Антиопху. А по дороге туда – что по морскому пути, что через Малую Азию и Босфор – они могли найти союзников, готовых поддержать поход.

* * *

Старая Алдыш-уд была из тех амазонок, чей возраст в крепости никто не помнил. Даже Дышана, которой и самой было далеко за полвека, говорила, что всю свою жизнь она помнит Алдыш-уд такой, какая она сейчас, то есть высокой, сухощавой, чуть сгорбленной, с суровым лицом и прозрачными выцветшими глазами, в то же время крепкой, достаточно сильной и по-прежнему мудрой.

Среди амазонок всей империи ходило много легенд о ее бывой доблести и подвигах. Говорили, что за несколько десятков лет она участвовала во множестве сражений и отправила на тот свет не одну сотню врагов, сама при этом не получив сколько-нибудь значительной раны. Алдыш-уд знала про военное искус-

ство все, что собиралось империей за время своего существования и держалось в строжайшем секрете. Но она давно ни с кем не общалась, не имела учениц, никому не передавала свои знания и опыт.

Много лет назад, по существующим правилам, ее собирались переселить в Щэунащхэ – село для престарелых, и к ней прислали группу амазонок сообщить об этом. Старшая из посланниц, сидя верхом на лошади, объявила, что нужно сдать ценные вещи, трофеи и оружие кладовщицам на дальнейшее хранение в крепостном складе, так как селение престарелых плохо защищено и там нельзя держать предметы государственной важности. Еще она стала говорить, что Алдыш-уд должна собрать необходимые вещи и на следующий день выехать в село на заслуженный покой и отдых, но не успела закончить фразу... Молниеносно подскочившая старуха сбросила посланницу с коня на землю и приставила к ее горлу остро отточенный конец своей крепкой палки.

– Когда родите и обучите такую, кто сможет мне доказать, что пора переселиться в село умирающих рабынь, пришлите ее ко мне. И не забудьте ей сказать, чтобы удосужилась спешиться, когда будет разговаривать с Алдыш-уд! – гневно прохрипела старуха, сверкая глазами.

Испуганные амазонки подняли свою подругу, уже успевшую распрошаться с жизнью, не надеясь, что старая карга пощадит ее за проявленную наглость, и спешно покинули любимое место уединения Алдыш-уд.

После этого случая старуху надолго оставили в покое, и больше никто не смел подойти к ней с таким предложением. Сами уд боялись ее и говорили, что даже смерть побаивается подойти к ней, оттого она и живет так долго. Сидит Алдыш-уд в тени своего любимого дерева, закинув единственную левую грудь за плечо для удобства, накрытая каким-то лоскутным одеялом, сверкая своей высохшей и совершенно лысой головой. Сидит, неподвижно уставившись в одну точку и погрузившись в воспоминания.

А ей было что вспоминать! И глаза тех, кого она убила, и ласки тех, с которыми проводила время в сорочьем доме, от кото-

рых родила сорок детей, правда, ни одного из них не видела и даже не знает, сколько девочек она смогла дать империи. Просто родила и все. Строго соблюдая дисциплину, устав и законы империи, она никогда не утруждала себя излишним любопытством и какими-либо сомнениями. Вся жизнь старой воительницы перемежалась сплошной боевой подготовкой и сражениями, любовью в сорочьем доме и родами. И все эти действия она отработала до совершенства.

Алдыши-уд и сама прекрасно понимала, что в теплой и уютной деревне нет никого старше нее, но не хотела добровольно покидать свой маленький турлучный домик на склонах холма, этот валун и одинокое дерево. Ведь это и был весь ее мирок.

Заслужив особое уважение и отказавшись ехать в Щэунащхъэ, Алдыши-уд пользовалась прислугой, которую выбирали из наименее пригодных для войны и другого ремесла девочек. Прислу-га приходила к старухе, убиралась в доме, стирала, готовила са-ма или приносила горячую пищу, но Алдыши-уд никогда не разговаривала с ней.

Предводительница крепости включила Алдыши-уд в состав высшего совета. Она посещала не все заседания, хозяйствственные вопросы ее вообще не интересовали. Зато когда обсуждалось что-то стратегически важное, она всегда появлялась и усаживалась на почетное место.

Целыми днями престарелая воительница могла молча просидеть на камне возле своего домика, укрывшись в холодное время года (а для нее холодными были десять месяцев из двенадцати) поверх голого торса огромным пушистым одеялом из овечьих шкур, а теплые деньки проводя в длинной домотканой рубахе. В крепости давно уже привыкли к одинокой, неподвижно сидящей фигуре на камне под дикой грушей. Она сидела, спиной прислонившись к стволу дерева, а наблюдающие говорили, тихо посмеиваясь, что и поверхность валуна, и ствол дерева в точности повторяют формы ее худого тела, потому как сначала появилась она, а остальное приросло позже, приняв ее сухощавый образ.

Движение оживляло ее тело только в одном случае – когда какая-нибудь опасность подступала к крепости. Тогда древняя Алдыши-уд лезла на крепостную стену по скрипучим плетеным

сходням и трапам, с трудом передвигая ноги, и чувствовалось, что ее тяготят самые легкие доспехи, лук и кипа стрел. Но стоило ей только забраться наверх и увидеть атакующих, как в ее дряблом теле вновь закипала кровь! Появились силы из каких-то непостижимых глубин сухощавого тела. В диком азарте Алдыш-уд начинала твердой рукой метко посыпать смертоносные стрелы прямо в цель, удивляя всех, кто это видел. А сама старуха и вовсе ликовала, радуясь тому, что держит марку. Стало быть, она, как и раньше, полезна для гарнизона и для империи, которой служила всю свою бурную и долгую жизнь...

Она сидела дни, недели, месяцы и годы, забыв про людей, время и смерть, равно как и они все забыли про нее. И вдруг однажды перед ее взором, уставленным вдали, появилась черноглазая и кудрявая девочка лет четырех-пяти. Она молча подошла и тихонько присела рядом. Спустя четверть дня Алдыш-уд, удивившись тому, что девочка смогла так долго просидеть неподвижно и молча, наконец, повернула голову и принялась ее разглядывать. Девочка, обрадовавшись, что на нее обратили внимание, встала, положила на ее худые колени свои ручонки и, улыбаясь, посмотрела старухе в глаза.

– Ты кто? – спросила старая.

– Не знаю, – пожала девочка плечами, вывернув при этом ладочки кверху.

– Тебе еще не дали имя?

– Нет, меня зовут Нафища, но это же не имя, а цвет глаз. Здесь у большинства девочек глаза черные.

– Действительно, какое же это имя! – возмутилась старуха.

– А у тебя длинное имя? – спросила маленькая.

– Хм... Да, достаточно длинное и большое.

– А давай меняться! Я тебе дам что-то такое интересное-интересное, а ты мне кусочек своего длинного и большого имени! Ладно?

– Хорошенькая сделка... Ну а что же это такое интересное, что ты мне предлагаешь?

– Она живая. Я держу ее в глиняном горшочке и прячу в соломенном матраце. Она такая интересная, так смешно бегает и ест кукурузный хлеб, а воду пьет из наперстка вот так!

И девочка начала пищать тоненьким голоском, присев на карточки и подражая своему зверьку настолько точно, что Алдыш-уд узнала в ее движениях мышонка, заточенного в горшочке, из которого тот никак не может выбраться, приподнимаясь на задние лапки, затем продолжая бег по кругу дна.

Старая ул была поражена тем, как у этой маленькой девочки развиты навыки наблюдения и копирования, как она умело преображалась. Опытная амазонка поняла, что перед ней очень хороший материал для воспитания и развития мастера-единоборца, использующего манеры животных.

— А кого из тебя готовят? — спросила Алдыш-уд.

Девочка молча указала на пхэшыку — деревянную колодку небольшого размера, которую она носила между ножками. Из нее готовили наездницу.

— Так ты согласна дать мне кусочек своего имени? — лукаво прищурив глазки, снова спросила Нафица. — Мне и маленького кусочка хватит. Я же и сама еще маленькая, а когда вырасту, и имя мое вместе со мной вырастет. А если смогу стать настоящей ул, у меня будет полное и красивое имя.

«Да! Она хорошо понимает, о чем просит!» — подумала Алдыш-уд и чуть строже спросила:

— А ты сможешь быть достойна маленького кусочка моего имени?

— Я не буду ничего бояться, даже смерти! — выпалила девочка, испугавшись, что если задержится с ответом, то старуха передумает и не поделится своим именем. — Изо всех сил постараюсь быть достойной! — совершенно серьезно сказала Нафица.

«Удивительно умное дитя!» — снова подумала старая ул, а вслух сказала:

— Бедная малышка! Если бы ты знала, сколько боли, мук и трудов придется тебе перенести, чтобы хватило на кусочек моего имени, ты бы не просила меня об этом.

— Нет! Я не боюсь боли. Я уже научилась. Когда меня бьют воспитатели, я незаметно для других превращаюсь в маленький стоячий труп, и мне ничуть не больно. Я сумею перенести все, только мне очень нужно имя! Без имени меня никто не уважает и даже не жалеет.

— Ладно, так и быть! Ты меня уговорила. Беги за своим «интересным-интересным», а я тебе приготовлю самый лучший кусочек моего имени. О, великие боги, сколько же грехов приходится на любой кусок моего имени! И тебе это нужно?

— Грехов не видно, а имя слышно! — ответила девочка, затем, весело рассмеявшись, побежала вприсядку.

Алдыш-уд снова удивилась, как легко Нафица, не обращая внимания на колодку между ножками, удаляется плавными прыжками, и невольно улыбнулась.

Старуха продолжала следить за ней, а девочка, прячась от дерева к дереву, из-за кочки в ложбинку, вскоре подошла к открытым, но охраняемым двумя заболтавшимися стражницами третьим внутренним воротам крепости. Так же незаметно ей нужно было войти туда. Алдыш-уд со своего холмика хорошо видела, как маленькая Альд (она уже решила подарить ей первую часть своего имени) легла в траву и «превратилась» в ящерицу. Стоя на четырех «лапках», она приподнимала головку и резко поворачивала ею в стороны, затем, двигаясь очень осторожно, побежала до самых ворот, в точности копируя повадки ящерицы.

Старуха облегченно вздохнула и произнесла:

— Аферим, Альд, молодчина!

Еще долго она всматривалась в открытые ворота. В ее взгляде откуда-то появилась тенюта, которая давно, казалось, угасла в ее душе. С удивлением для себя она обнаружила, что уже не сидит под деревом, а ходит из стороны в сторону, размахивая тонкой и прочной палкой из боярышника и сбивая крапиву. Но девочка не появлялась уже долго. «Неужели она попалась страже за воротами? Ее же накажут!» — сокрушалась Алдыш-уд, но тут же прогнала от себя эту мысль, чтобы телепатически не вызвать ее к жизни. Да и со двора не доносилось ни звука, а старая уд знала, что амазонки в крепости ничего не умеют делать тихо.

«Девочку просто могли задержать в самом детском доме, где ее наверняка обыскались воспитатели. Видимо, она частенько доставляет хлопоты своим надзирательницам, ведь она так ловко превращается во всех, в кого только захочет. А может, бедняжка

сейчас стоит, превратившись в «стоячий труп» и сносит побои? Нет! Этого я им не позволю! Этого еще не хватало, чтобы они были обладательницу частички моего имени! Странно, а почему это я сей сочувствую? Не иначе как уже старею... Да, хорошо, что никто не слышит мои мысли.

И все-таки удивительно способная и не по годам умная девочка. А какая обезоруживающая улыбка, какой чистый и выразительный взгляд! Великие боги! Этот взгляд... Как же я, глупая старуха, сразу не поняла, что притянуло меня в ее взгляде? Точно такие же глаза были у моей единственной подруги, незабвенной царицы Гуашазили! Сколько же лет прошло с тех пор? Я уж было свыклась с душевной пустотой после ее гибели, но судьба опять предоставила мне возможность видеть эти глаза. Теперь они принадлежат этой милой крохе, которую боги прислали ко мне на самом закате жизни, спустя почти век...»

В ее памяти начали всплывать красочные и сочные картины одного давнишнего похода под предводительством царицы амazonок Гуашазили...

Это было под Илионом. Вот уже несколько лет подряд эллины осаждали Трою и попросили помочь у хеттского царя, на что хетты отозвались и выслали войско под предводительством молодого и пылкого хеттского царевича – красавца, в которого Гуашазили была тайно влюблена. Только верная подруга Алдын-уд знала о чувствах царицы. И случилось так, что в битве с героями Эллады молодой царевич пал, и хетты ушли из-под Трои, унося тело своего предводителя. А положение троянцев ухудшилось, и не оставалось шансов сохранить город за собой. Предводительницы амazonок тогда долго уговаривали верховную царицу, чтобы она разрешила отомстить элинам за смерть царевича-соплеменника и помочь троянцам. В конце концов, они добились своего: собрали хорошо подготовленное войско и выщвинулись в поход, который выдался и долгим и трудным. Они обогнули побережье Ахун-моря, пересекли земли ассирийцев, финикийцев, Урарту, прежде чем добрались до самого дальнего уголка Малой Азии. Войско амazonок двигалось памного быстрее разведчиков и лазутчиков, так как использовало

отдохнувших сменных лошадей. Они подобрались к стенам Трои неожиданно для эллинов. Пересев с походных коней на боевые, амазонки ранним утром налетели на врага...

«Великие боги! Какой красивый бой мы им дали! – беззвучно шептали губы Алдыши-уд. – Синее море мягко ласкает желтый песчаный берег, сверкающее утреннее солнце на голубом небе, а наше войско в своих лучших доспехах, на великолепных конях, которые топчут и калечат растерявшихся эллинов... За короткое время мы устлали все побережье их трупами, наши гибкие сабли сверкали, как белые молнии, разя отлично натренированных, замечательно сложенных, белокожих героев Эллады. Над полем битвы стоял стон раненых, который перекрывался нашими боевыми командами и жужжанием гибких сабель. После гибели от рук Гуашазили великого Махаона – греческого полубога, к погрудью от боевого духа эллинов не осталось и следа. Они в панике убегали к морю, к своим спасительным кораблям, на ходу сбрасывая с себя тяжелые доспехи, вплавь удирали от разгорячившихся амазонок, окрашивая прибрежные волны в цвет крови. Воспрянувшие духом илионцы высыпали из ворот своей крепости и торопливо выстроились, предвкушая богатую добычу и освобождение от эллинов. Но сыновей Эллады спасла одна роковая для троянцев стрела, пущенная рукой легендарного Ахилла. В тот день на небесах была предначертана не только гибель Трои, но и царицы амазонок Гуашазили – стрела Ахилла сразила ее насмерть».

Алдыши-уд и сейчас хорошо помнила ее последний взгляд, установленный на ближайшую подругу, эти прекрасные черные глаза, переполненные глубокой грустью и виной за испорченное сражение, так хорошо начинавшееся...

«Жизнь так рано и быстро ушла из ее великолепного тела, и мы, удрученные смертью царицы, сразу прекратили бой и опустили головы в трауре, – роятся воспоминания в голове Алдыши-уд. – К ее телу подошел сам богоподобный Ахилл, посмотрел на погибшую и обомлел, пораженный ее неземной красотой. Великий герой выронил оружие и снял золотой шлем. Так же поступили все три войска, сражавшиеся в тот день. Ахилл долго молчал, стоя над телом Гуашазили, затем, мягко отстранив меня,

взял ее на руки и понес к нашим рядам, за ним шли эулинские воины, которые несли всех двенадцать погибших в том бою амазонок, переступая через трупы своих солдат. Тела наших сестер они вынесли далеко за поле боя, где оставались наши походные лошади, после чего, выстроившись и обнажив головы, отдали последние почести храбрым воительницам, их непобедимой доблести и удалились залечивать раны. А мы, забрав тела погибших амазонок, ушли от стен злосчастной Трои, оставляя ее на волю богов.

А все-таки счастлива была Гуашазиля! При ее короткой, но яркой, как метеор, жизни она имела счастье любить и быть любимой, а после гибели возлюбленного не смогла бы жить, поэтому боги дали ей еще одно счастье – умереть в мстительной схватке за жизнь любимого...»

Старая воительница вся ушла в те далекие времена и еще долго просидела, уставившись в одну точку, где сосредоточилось все пространство и предметы в нем. Потом, будто очнувшись от тяжелого сна, Алдыш-уд встрепенулась и посмотрела в сторону ворот. Девочки все не было, и старуха по-настоящему забеспокоилась. Еще немного подождав и окончательно потеряв терпение, она решительно направилась к воротам. Заметившие ее издали обе молодые привратницы сильно удивились, что «каменная старуха» вообще передвигается, да еще норовит попасть во вторую, наименее охраняемую часть крепости. Они быстро заняли свои постовые места, отчасти чтобы зафиксировать наличие постов, но, прежде всего, желая выразить уважение к приближающейся старейшей уд. Ведь такой чести за короткий период их взрослой службы еще не оказывалось! Когда Алдыш-уд подошла к воротам, старшая из привратниц попыталась выдать из себя несколько невнятных слов, но страшная старуха грозно посмотрела на нее и, повернувшись к другой, сказала:

– Странно, что вас еще не уташили дикие звери с этого поста! – и прошла мимо.

Молодые амазонки поняли только то, что разгневали старуху, а чем – неясно. Посовещавшись, решили, что рассердили почтенную уд своей бесконечной болтовней, и приутихли, не желая нарваться на неминуемое наказание.

Старая Алдыш-уд пряником шла к большому двору, где располагался детский дом. Когда она толкнула плетеную калитку дворовой ограды и вошла внутрь, воспитательницы и тренеры засуетились и начали выстраиваться, кто-то наспех поправлял одежду, а кто-то вытикал ладонью губы после еды. Оли оторопело глядели на живую легенду. Ведь почти все впервые увидели ее лицом к лицу. Старуха и вправду была страшна вблизи: сгорбленная, сухая, с потускневшими прозрачными глазами, без бровей и ресниц. Через потемневшую, землистого цвета морщинистую кожу просвечивались осунувшиеся лицевые мышцы, фиолетовые сосуды и высокие скелетные кости.

Алдыш-уд остановилась и, безошибочно определив старшую по занимаемой должности, обратилась к ней властным голосом:

– Где Альд?! Девочка, которую вы называете Нафица. Она обещала прийти ко мне и не пришла! Я жду ее уже полдня! Разве подобает мне такое отношение?!

– Ой! Ради всех богов, прости нас, уважаемая Алдыш-уд! – начала оправдываться старшая смотрительница. – Мы ей не поверили, когда она нам про это сказала. Знаешь, девочка впечатительная, шустрая и большая фантазерка. Вот мы и подумали, что она выдумала историю про дружбу с тобой. Пришлось ее наказать... за... за долгое отсутствие.

– Где она сейчас?! – повторила старуха железным тоном.

– Она... она в... колючем загоне.

Тут Алдыш-уд и сама заметила в углу двора отгороженный ветками шиповника закуток. И в этом тесном, колючем скотном загоне держат ее маленькую Альд – милую девочку, так обаявшую старуху за краткий миг! Она направилась к детской «тюрьме», а воспитательницы, гримасничая, шли за ней, уверенные в своей правоте, ибо знали, что по законам империи никто не имеет права вмешиваться в процесс воспитания и никто не в силах отменить назначенную ими кару. «Подумаешь – боевые застуки... – размышляла на ходу старшая надзирательница. – Закон и устав для всех амазонок един! А если ты чем-то недовольна, отправляйся в Щэунащхэ, там тебя никто не побеспокоит!»

Подойдя совсем близко и нагнувшись, Алдыш-уд увидела, насколько плохо ее новой подруге, которая сейчас была похожа

на загнанного в угол зверька, а все ее маленькое тельце сжалось в комочек. Девочка медленно подняла голову и посмотрела в глаза старухи. От этого взгляда сердце Алдыш-уд невольно вздрогнуло: большие черные глаза девочки излучали такую неизмеримо глубокую грусть и... вину. Она винила перед старейшей амазонкой за доставленные хлопоты и невыполненное обещание. О, великие боги, как же этот взгляд был знаком ей! Странная, сильная, волевая Алдыш-уд, ты не в силах выдержать это еще раз!

Старуха медленно выпрямила высокое худое тело во весь рост, гордо подняла лысую голову... Раздался резкий щелчок, и неожиданно отвалилась часть колючей перегородки. Это Алдыш-уд своей крепкой палкой, как мечом, срезала крепления между прутьями. Следующим движением она отбросила той же палкой часть перегородки на воспитательниц, молча взяла девочку за руку и пошла восьмая.

Воспитательницы, которые в случае чего готовы были противостоять старухе, думая, что она совсем слаба и безоружна, вздрогнули и отшатнулись от неожиданности, увидев, в какое грозное оружие превратилась безобидная на первый взгляд старческая палка и как ею заправляет великая воительница. Они сохраняли неподвижность, даже не стряхивая с себя рассыпавшиеся колючие ветви, пока старая уд не удалится на безопасное расстояние.

Но старуха, дойдя до калитки, резко обернулась и, стоя вполоборота, грозно приказала:

– Принесите ко мне все ее вещи и не забудьте взять горшочек с мышонком, спрятанный в матраце! Теперь воспитанием Альд буду заниматься я сама, – строго добавила Алдыш-уд голосом, не допускающим никакого возражения.

Только когда старая и юная амазонки покинули двор, воспитательницы осмелились освободиться от колочек, вцепившихся в волосы, кожу лица и рук, в одежду...

Кто бы и сколько ни жаловался Дышане и уд высшего совета на Алдыш-уд, никто не осмеливался пойти к старейшей амазонке и образумить ее. Сама Дышана, порасспросив воспитательниц о девочке и понаблюдав некоторое время за новыми подругами, у которых разница в возрасте всего-то сто лет, пришла к

выводу, что не стоит пытаться их разъединить, да и вообще нельзя этого делать. Она достаточно быстро поняла, что встретились два одиночества, и что в течение каких-нибудь десяти, а то и меньше, лет Алдыш-уд вырастит из этой одаренной девочки такую же непобедимую и неуязвимую амazonку – Альд-уд, достойную самой легендарной воительницы! И она станет продолжательницей жизни Алдыш-уд. И высший совет, для виду еще немного поворчав, решил оставить девочку у старухи в виде исключения из общих правил, понимая, что без кровопролития она ее не отдаст.

И начались для пятилетней Альд те самые муки и боль, о которых предупредила старая уд во время первой встречи. Болью сопровождались постоянные тренировки и учения. Чтобы постичь высшее мастерство верховой езды, девочка ежедневно по полдня «каталась» на чрезмерно высоком столбе – свободно раскачивающемся в узкой, глубокой яме, постепенно увеличивая амплитуду. Помимо этого, ученица Алдыш-уд носила колодку между ногами, которая тоже росла в размере и весе. Для развития сверхчеловеческой скорости она проходила, затем пробегала, а потом уже и пролетала особую систему колючих веток и массивных стволов, вращающихся от усилий старой амazonки, все больше ускоряясь. Помимо всего, что методично осваивали другие, обычные девочки-амазонки, старая уд обучала ее особому искусству – уводила свою воспитанницу в чащу леса, где, заставившись, они подолгу наблюдали за диким зверем. По возвращении девочка повторяла движения разных животных и их манеру поведения при схватках с противником. Для таких наблюдений в крепости тоже держали диких, но привыкших к условиям неволи хищных зверей: медведей, барсов, куниц, лис, волков, диких болотных кошек и рысей, даже удавов.

Маленькая Альд, как и обещала, упорно трудилась, не щадя себя, моментально схватывая и впитывая все, что говорила и показывала ее многоопытная учительница. Так постепенно росла привязанность между старой уд и маленькой воспитанницей. Алдыш-уд казалось, что она сбросила с плеч целых полвека, у нее снова появился интерес к жизни, даже небольшой аппетит, отчего прибавились силы и даже улучшилась внешность. Чудеса

регенерации! Оказывается, за столько лет медитаций на валуне под грушевым деревом старуха накопила столько энергии, что преображалась с каждым днем. Правда, разговорчивее она не стала, но в выцветших глазах появились лучики тепла. Полностью возродившись, она стремилась отдать юной Альд все, чем она владела...

* * *

Прошло пять лет, и, по убедительному настоянию высшего совета, Алдыши-уд решилась выставить свое чадо на публику, чтобы все увидели, чего достигла воспитанница. Выход Альд был приурочен к соревнованиям, посвященным прижиганию правой груди, которая к этому времени дала признаки роста.

В назначенный день перед выстроившимся гарнизоном Альд вышла на арену в черном шелковом трико, мягко облегающем ее хрупкое, но достаточно развитое тело. Поприветствовав присутствующих, она кивком пригласила желающих потягаться с ней в подражании зверям. Пятнадцатилетняя, массивного телосложения амазонка вышла на арену походкой медведя, которого она и фигурой, и даже немногим лицом напоминала. Она была в два раза выше, намного тяжелее и мощнее Альд, и издали они смотрелись, как медведица с маленьkim детенышем.

Все с интересом ждали поединка, надеясь увидеть, что большая погонится за маленькой и будет за ней носиться, пока не выдохнется или не поймаст и не задавит в объятиях. Но, вопреки ожиданиям, все произошло так быстро, что некоторые проглядели решающий момент схватки. Как только подали сигнал к началу поединка, маленькая Альд странно потянулась и приняла необычную стойку, затем сорвалась с места, моментально оббежала вокруг соперницы и, пока та ловила ее взглядом, поворачивая за ней голову, Альд с неимоверной быстротой оказалась на широких плечах соперницы и вцепилась зубами в ее сонную артерию. Почувствовав близкую смерть, «медведица» рухнула грузным телом на землю, пытаясь придавить маленькую про-казницу, висевшую у нее на плечах. Но ловкая Альд сумела предугадать намерения соперницы и оказалась сверху падающей «туши», не разжимая своих зубов на шее жертвы. Та в бессиль-

ной злобе начала биться о землю, извиваться и орать, прося пощады. Альд уступила ее мольбам. Отпустив соперницу, она отбежала, очень ловко и быстро передвигаясь на корточках. Остановившись на мгновение, Альд ритмично поднимала и опускала голову, потом резко срывалась с места. Так театрально удалившись от центра арены, она встала и спокойным ровным шагом подошла к своей старой учительнице.

Наступившую тишину нарушила Дышана, обратившись с вопросом к воспитаннице Алдыши-уд:

— Альд, это была и не рысь, и не кошка? Не так ли?

— Ты права,уважаемая Дышана! Ни кошка, ни рысь не смогут убить медведя. Это была «черная молния» — соболь, которому это под силу, если он будет думать, как человек. Я делала, как соболь-человек...

После этого все в крепости узнали о способной, подающей большие надежды маленькой амазонке. Везде и повсюду говорили об Альд, о ее невероятном поединке, о скорости и ловкости, которые она проявила в победоносной схватке с соперницей, превосходящей ее по всем данным.

А спустя еще пять лет в крепости начали откровенно ее побаиваться. Весь гарнизон знал, что Альд лучше всех владеет своим телом, что выражалось и в танцах, и в верховой езде, и в виртуозном владении арканом и всеми видами оружия. Никто не хотел попасть с ней на поединок во время каких-нибудь соревнований.

На смотре мастерства, когда всесторонне подготовленная молодежь получала оружие и коней — иначе этот день назывался днем посвящения в настоящие амазонки, — у Альд были лучшие показатели по всем пунктам. Она быстрее всех проскочила между рядами чучел, незаметными ударами изрезав их все в клочья в области шеи. Ее ловкость поражала даже видавших виды старых уд.

Во время нападения китайцев Альд была среди конницы, выехавшей из крепости вслед за отступающим врагом, чтобы добить их. А старая Алдыши-уд, переполненная восторгом, с крепостной стены наблюдала, как ее девочка прорезала отборное резервное войско китайцев, оставляя за собой кровавую дорогу из

трупов. Именно после этой войны к ее имени добавилось долгожданное звание «уд». Теперь она называлась Альд-уд, что произносилось как Альтуд. За ней осталось и прозвище «Черная молния», которое она тоже оправдывала, как и частичку имени легендарной Алдыши-уд.

Вскоре после того, как старейшая амазонка крепости убедилась в неотразимости, непобедимости и великолепии своей воспитанницы, однажды утром она не вышла из столь любимого ею турлучного домика на холме, а возвращавшаяся с утренней тренировки коня и хищных птиц Альтуд не увидела под деревом знакомый с детства силуэт...

Алдыши-уд похоронили. В честь легендарной амазонки насыпали огромный курган рядом с деревом и валуном. Три дня и три ночи просидела Альтуд на том камне под деревом, вспоминая все, что связано с удивительной амазонкой Алдыши-уд, которая подарила маленькой и беззащитной девочке блестящее будущее, отдала все, чем сама владела, вплоть до своего имени.

Альтуд встала и над могилой незабвенной наставницы произнесла:

— Прощай! И прости за все хлопоты, доставленные мною! Если бы не я и не твой тяжелый труд надо мной в эти десять лет, ты еще долго могла бы просидеть на этом камне. Но ты решила отдать мне все, не оставив себе ничего... Я буду верна твоей памяти, славе и принципам. Клянусь быть достойной носительницей твоего имени, Алдыши-уд! Я сделаю все, как ты учила и делала сама, чтобы не забыли о том потомки. Если боги даруют мне долгую жизнь, я отдам твое имя маленькой девочке. И пусть так будет века...

Альтуд — прямолинейная и бескомпромиссная амазонка, в которой старая уд воспитала чувство гордости за свое положение и звание. Выросшая вне детского дома крепости, она не умела дружить и общаться с сестрами-амазонками. Старая многоопытная Алдыши-уд безошибочно и методично вырастила из нее совершенную машину, нацеленную только на одно — убивать во славу империи. Она была абсолютно лишена чувства юмора и романтики. Ей чужды были такие чувства, как доброта, нежность и мягкость. Никто и никогда не видел ее напевающей ка-

кую-нибудь песенку или мотив, просто потому, что она их даже не знала. Долгие наблюдения за животными развили в ней уверенность в том, что в жизни необходимо выполнять только действия, напрямую подчеркивающие твою сущность. И связанные только с одним – выживанием твоего вида.

Когда она впервые попала в дом свиданий, она не стала танцевать удж-хэш – танец сближения, просто внимательно оглядела всех присутствующих парней. Приглядевшийся молодой нарт танцевал с одной амазонкой, но Альтуд, невзирая на это, подошла и увела его в сорочий дом, оставив партнера посреди зала. С тех пор она так поступала всегда. Посещала она дома свиданий потому, что таков был один из пунктов устава амазонок. Никакие «лишние» эмоции в этом не участвовали. Видимо, Алтыш-уд, давно забыв о таких чувствах, как любовь, привязанность, душевная теплота, не стала прививать своей ученице то, чего не помнила. При всех своих великолепных боевых качествах на грани человеческих возможностей Альтуд выросла совершенно бесчувственным механизмом, что, в принципе, и требовалось от идеальной во всех смыслах амazonки.

В крепости немало было амазонок того же типа, но Альтуд выделялась особым – железным и холодным – нравом. В душе ее сконцентрировалось все, что отличало и возвышало империю амазонок перед другими землями и народами. Она находила прекрасным свое происхождение – от неизвестного отца и засекреченной матери, и была твердо убеждена, что лишь такое происхождение достойно гордости. Пользуясь своим положением и званием уд, она чрезвычайно жестоко – даже по меркам самих амазонок – наказывала тех, кто так или иначе нарушал устав империи и порядки крепости. И амазонки не без дрожи в душе подумывали о том дне, когда Альтуд, возможно, станет царицей.

К счастью, не только на таких воительницах держалась жизнь амазонок. Такие не богатые умом чудовища, как Альтуд, не понимали, что образ жизни амазонок противоречит женской сущности, и не влияли на систему идей, разработанную в империи. Наоборот, влиятельна была та часть амазонок, которым нравилась ярко выраженная свобода любви. И если первым нравилось воевать, сражаться и побеждать, то вторые наслаждались, к при-

меру, тем, что не нужно всю жизнь быть привязанной к одному мужчине, прислуживать ему как рабыня, в чем-то зависеть от него. Амазонки были абсолютно независимы материально, потому что в крепость поступало все ценное и съедобное, что только было вокруг. Они прекрасно понимали, что это важно для сохранения могущества. Видя, как семейные люди всю жизнь пахали и скребли землю для того, чтобы только прокормиться, да и это удавалось не всем, амазонки делали свои выводы. И сплоченность империи удерживал, кроме прочего, еще и страх перед голодом, который в неурожайные годы мог опустошать целые города и народы.

Не последнюю роль играли и простые амбиции. Одно дело, когда наорты не могли решить ни одну проблему военного, политического и экономического характера без решения амazonок – потому что все ресурсы находились в крепостях. И другое – когда амазонки, диктуя условия всем вокруг, присваивали себе особое положение, что подпитывало непомерную гордыню империи и доводило ее до уровня основной политики. Амазонки были уверены в своей исключительности и обособленности, и непоколебимое убеждение в этом еще одним звеном объединяло их.

Гордыня и презрение к иным, «не таким, как мы» – это древняя болезнь человечества. Хотя все знают, что по закону истории именно за излишние амбиции большой кровью платили потомки всех «исключительных» народов, и платили очень быстро. Но, видимо, сия болезнь неизлечима...

Кроме вышеизложенного, империя имела еще одну опору, поддерживающую и объединяющую ее мир. Это страх за свои действия и сознание неминуемой расплаты! Это порой объединяло сильнее, чем все остальное.

* * *

Зима 1226 года до нашей эры прошла в напряженной подготовительной работе к походу. Все это время заседал высший совет уд, к Шхагуаше съезжались разведчицы со всех малоазийских, средиземноморских земель, граничащих с землями итальянцев, фракийцев, дорийцев, ахейцев, сирийскими городами Кадешом и Хальпом. Шли, ехали, приплывали на галерах глубо-

ко законспирированные разведчицы империи, которые определяли маршруты движения по этим территориям. И с каждым днем все четче и яснее становилось, что объект нападения выбран не из легких. Воинов Аттики можно было встретить далеко за пределами их родины и даже вблизи империи амазонок.

Поразмыслив, совет уд решил заслать лазутчиков в Аттику с известием о том, что якобы собирается большой меновой базар на берегу Ахуна, куда съезжаются гости из Междуречья, Урарту и всей Малой Азии. Уд, конечно, не были уверены, что Аттика клюнет на такую легенду, но на всякий случай запланировали поход армии к берегу Ахуна в нештормовое время года.

Раньше остальных выдвинулось десятитысячное войско амазонок-всадниц, направляющееся на Кадеш и Хальп. В их замыслы входило соединиться с хеттами Сирии и найти возможность захватить флот ахейцев или афинян.

Ипполита, будучи во главе двадцатитысячной конницы, летом 1255 года до Рождества, узнала, находясь в Сирии, что огромное количество аттических кораблей стоит в бухте недалеко от хеттского торгового городка. Она немедленно направилась к флоту, разделив войско на два крыла, но без коней, собак и хищных птиц. В течение двух дней амазонки наблюдали за греками, а на третий день легковооруженное пятитысячное войско с короткими бронзовыми мечами встретило афинян на побережье. Тут же завязалась драка, которую и сражением-то не назовешь. Амазонки вели себя странно. Когда на берег высыпали рослые, красивые, белокожие и мускулистые воины-атлеты, амазонки нехотя затянули с ними вялую потасовку. Греки не понимали, кто против них выступает, до тех пор, пока амазонки медленно, играючи не оттеснили их к мелководью и не вошли в воду, кокетливороняя мечи и нарочно обнажая красивые, стройные ноги. Эллины, наконец, сообразили, что перед ними женщины, и не стали мешкать перед такими недвусмысленными призывами. На кораблях заметили, чем занимаются их воины на берегу, а приблизившись на безопасное расстояние, дальние за барханами прибрежного песка увидели еще одну многочисленную группу полуголых амазонок без доспехов. Остававшиеся на кораблях греческие моряки высыпали на побережье, немедленно «захва-

тили» почти все двадцатитысячное войско легендарных воительниц и уплыли подальше от берега, чтобы насладиться любовью...

Элпини недолго упивались такой поразительно легкой и сладкой победой – произошло то, что они никак не ожидали. На исходе ночи, проведенной с амазонками в море, они вдруг разом оказались за бортами своих кораблей, а флот, управляемый ловкими и хитрыми женщинами, развернулся к лидийским берегам.

Ипполита сама командовала операцией по захвату греческого флота. Она искусно играла роль обезумевшей от страсти амazonки и видела, как все ее подруги не менее серьезно исполняли то же самое. Каждая делала вид, что уже ничего не понимает и не соображает, что находится полностью во власти похоти. С совершенно освободившись от одежды, побросав свое оружие, которое греки тут же прибрали и спрятали, амazonки строго по плану развернули картину всеобщей оргии. Более чем на ста кораблях, где помимо команды из двухсот воинов и сотни рабов-гребцов было по столько же амazonок, сутки напролет творилось нечто невообразимое. Люди занимались любовью везде – от бочки на мачте до носовой скульптуры корабля и бушпритной сетки. Голые пары извивались и издавали такие сладкие звуки, словно кифара Орфея властвовала над всем греческим флотом, достигая небес. Греки забыли все на свете, и страсть, накопившаяся за месяцы плавания, искусно подогреваемая и возбуждаемая вновь и вновь многоопытными, свободными и прекрасными амazonками, приобрела неимоверные, казалось бы, недосягаемые масштабы и высоты для человеческих сил...

При этом коварные амazonки не теряли бдительности и видели, что все идет по замыслу уд, которые на совещании перед операцией говорили, насколько опасна для врага массовая похоть – хуже, чем массовая паника. Ибо при панике обезумевшая толпа может кого-то выкинуть наружу или у человека от страха начинают работать резервы организма, и он спасается, преодолев невозможные для себя нагрузки. А массовая страсть лишает человека всех сил, способностей и мутит разум.

Как учила старая Афауз-уд, надо только под утро второй ночи разбудить всеобщую массовую похоть, на пике которой, ис-

пользуя самый момент бессилия у мужчин, Ипполита должна подать сигнал – щутя и заигрывая выкинуть за борт своего любовника! В тот же миг амazonки на всех кораблях должны поднять визг, схватить своих партнеров за то место, которое делает мужчину очень послушным, и аккуратно проводить всех за борт без ущерба и риска.

Все шло именно к этому. Несмотря на безумную неразбериху, каждое движение находилось под контролем у амazonок. Солнце последнего утра греческого флота лениво поднималось над линией горизонта, а массовая оргия, не сбавляя темпа, все сильнее возгоралась, вовлекая всех и вся снова и снова. И только один юноша с женоподобными манерами и походкой все время настороженно крутился вокруг капитана судна, где находилась Ипполита. Он единственный не участвовал во всеобщем сумасбродстве и совершенно не потерял головы от происходящего кругом. С нескрываемой злобой он неустанно следил за Ипполитой. Неприятный юноша горячо и с пристрастием что-то доказывал капитану, на что тот не обращал внимания. Опьяненный вином и страстью, капитан отшвырнул его от себя и той же рукой прижал к своему потному телу грациозную и пышную молодую амazonку. Юноша упал на палубу мягкими ягодицами кверху, обо что, как бы случайно, споткнулся один моряк и толкнул его ногой в зад. На судне поднялся неимоверный хохот. Видимо, вся команда не любила этого молодого друга капитана и с удовольствием наблюдала, как его отвергали.

Опальный любовник капитана начал торопливо что-то выкрикивать всем матросам. Даже не зная греческого, Ипполита видела, что он пытается втолковать морякам о смертельной опасности. По всей видимости, ему, с его «женской» точки зрения, были понятны цели амazonок. Ипполита поняла, что медлить уже нельзя: если греки даже и не послушаются этого женоподобного, они могут резко отрезветь от его слов и станут более осторожными, что приведет к непредсказуемым результатам. Эллины могут просто перерезать голых и безоружных амazonок и выкинуть их за борт, тем более, что они уже до изнеможения пресытились этой доступной любовью.

Мгновенно Ипполита приняла решение и начала приближаться к юноше, вытягиваясь, как пантера, и принимая умопомрачительные сладострастные позы, томным голосом произнося ласковые слова, вроде как жалела его – никем не любимого. Но в ее словах, произнесенных так нежно и сладко, для остальных амазонок прозвучала команда: «Приготовиться всем!»

Ничего не подозревавшие матросы от души хотели так, что голоса юноши, который с отвращением и злобой смотрел в глаза Ипполиты, уже никто не слышал. Мальчику капитана некуда было деваться от настойчивых призывов предводительницы, хотя он усердно отмахивался и отступал. Ипполита прижала его к борту корабля и стала якобы расстегивать ремни на его доспехах – он был в тяжелых медных латах и при полном вооружении. Она делала вид, что старается его поцеловать, хотя, глядя ему в глаза, давно убедилась, что он видит ее насквозь и понимает ход ее мыслей.

Ипполита прокручивала в голове варианты выхода из создавшегося положения. Она чувствовала, что хотят матросов ослабевает, а когда он прекратится, начнется нечто такое, о чем даже думать не хотелось. Вдруг у нее промелькнула ясная мысль – она нашла выход.

Ипполита легла на борт так, что юноше не составляло никакого труда сбросить ее в море. При полнейшем штиле корабли стояли плотно друг к другу, а борта использовались как любовное ложе, и никого не удивляло, когда разгоряченные пары в порыве страсти бросались в воду, чтобы освежиться и продолжить оргию. Разозленный и недальновидный юноша попался на хитрость Ипполиты, настолько велико было его желание избавиться от нее, и толкнул предводительницу. Но она удержалась на широком борту и, как бы теряя равновесие, случайно зацепила одной рукой пах мальчика, после чего оба полетели за борт под дикий хохот матросов. На лету юноша выхватил свой короткий меч, но Ипполита это вовремя заметила и успела отразить удар, выбив меч из рук. При этом ее развернуло спиной к юноше, что дало ему шанс схватить Ипполиту мертвой хваткой, скрестив руки у нее на груди. Тут она поняла, что не сможет выскользнуть из его объятий и выплыть, ведь его доспехи гораздо

тяжелее ее самой. А юноша уже и не пытался выплыть, так как, посмотрев вокруг, увидел, что вся поверхность воды была уже сплошь покрыта барахтающимися греческими матросами, а они все ссыпались и ссыпались с кораблей, бурно вспенивая воду. А когда после внимательного осмотра он не увидел в воде ни одного женского тела – еще крепче сжал свою жертву и увлек в пучину.

Осознавая, что гибнет, Ипполита думала только о том, что встречает свою смерть в объятиях человека неопределенного пола. Ей стало стыдно и обидно от этого, но потом она согласилась с тем, что его ум и коварство следует оценить по достоинству. Ипполита стала грести вниз, насколько позволяла свобода перехваченных рук и ног, ускоряя их совместное погружение в пучину. Заодно она понимала, что спасла операцию захвата, и видела, что в воду грозьями сыплются моряки-эллины и что среди барахтающихся нет ее сестер. Она гребла навстречу смерти, успокоенная, без страха ощущая, как вода с каждым мгновением становится все темнее и холоднее, неумолимо давит грудь и увлекает все глубже...

А наверху амазонки быстро и четко выполняли намеченное, и скоро на галерах не осталось ни одного греческого воина. Недосчитались амазонки около тридцати сестер, в том числе и царицы, которая, сколько ее ни ждали, так и не вынырнула. Не дождавшись Ипполиты, амазонки были вынуждены развернуть корабли и на веслах поплыли прочь от того места, где все еще барахтались двадцать тысяч мужчин, познавших коварную любовь амazonок.

* * *

На границе Лидии и Хеттского царства в полной боевой готовности стояла вся армия амазонок. Спешно погрузившись в трофеиные греческие корабли, они пообещали гребцам за быструю доставку до Афин дары и ласки на обратном пути. Хотя, вдоволь насмотревшись на недавний разгул, гребцы-невольники, по нескольку лет сидевшие на цепи, слезно просили не заставлять их ждать так долго.

Счастливчики на скорую руку прошли медосмотр. У кого обнаружились чистая кожа лица, правильный разрез и чистые белки глаз без лопнувших сосудов, тело без гнойников, высыпаний, покраснений – те получали вознаграждение не отходя от весел.

…На пятые сутки Аттика, не дождавшись своих воинов, утонувших роковой ночью, подверглась жесточайшему набегу амазонок. Они пришли мстить за царицу Ипполиту под предводительством новой царицы – Хурсаны, которая, не зная пощады, шла по мостовым Афин, застланным трупами, наводя ужас на героев Аттики. Более нескольких мгновений жизни никто не мог выгадать против нее и еще одной ароматизированной особы – лучезарной Дахазили. В первых рядах амazonок шла и великанша Еланипа с палицей внушительных размеров, налево и направо раскалывая головы вмятых шлемах, переламывая кости. От ее ударов рушились вековые каменные стены, а мощный голос эхом отдавался со всех сторон и перекрывал шум боя и стоны раненых. Еланипа звала Геракла, сотрясая массивным щитом, отлитым из огромного куска меди специально для поединка с Гераклом. Непоколебимая перед любой опасностью, она сметала все на своем пути, разя обреченную армию греков, но так и не нашла своего избранника…

Аттика не выдержала и содрогнулась.

Тесей надеялся на резервную конницу, которая должна была подоспеть еще до приближения амазонок к самым стенам Афин. И конница как из-под земли выросла перед глазами амазонок, преградив путь в святая святых – на центральные улицы и дворцовую площадь горячо любимого полиса. Но непобедимые воительницы предусмотрели и это. Они пустили в ход боевых соколов. Наивные греки подумали, что это почтовые голуби уносят на родину весть о гибели их хозяек. Тяжелая греческая конница лавиной обрушилась на противника, и то, что соколы сотворили с греческими всадниками в следующие несколько мгновений, их потомки не забывают и через три тысячи лет. Конница просто перестала существовать, так как всадники, находящиеся в авангарде, посыпались с лошадей, арьергард споткнулся о них и тоже потерял равновесие, и все это образовало такую неразбери-

ху и мешанину, что амазонкам уже не составляло труда навсегда пригвоздить всадников стрелами к земле.

Пусть к сердцу Афин был открыт. Но случилось непредвиденное.

На высокой городской стене появилась Антеипху под руку с Тесеем, и громкий возглас ее, обращенный к Дахазиле и Хурсане, услышали все:

– Подруги! Пощадите меня и мою любовь! Мы с первого взгляда полюбили друг друга! И ныне я – царица Аттики, поэтому прошу вас пощадить теперь уже мой город! Мы же сестры! Вы покорили Афины, победа ваша, но не превращайте город в пепелище, не истребляйте его жителей. Посмотрите на этот гигантский труд человека, на эту красоту, созданную его руками. Не надо жечь и разрушать то, что принадлежит вашей сестре, а значит, и вам. Вы достойно ответили на мое похищение и этим выполнили свой долг так, что никто не упрекнет вас. Я не смогла убить этого человека шпилькой для волос, потому что полюбила его и погибну, если променяю жизнь любимой жены и царицы на жизнь в империи. Дайте же нам свободу любви, воспеваемой веками. А сами грузите со складов все, что сможете увезти. Прошу вас!

Хурсана легко вскочила на ступень небольшого храма Афины, поравнялась с Антеипху и во всеуслышание произнесла:

– Сестры-амазонки! После битвы мы обычно получаем хорошую добычу и удовлетворение в любви! И на этот раз мы не остались без того и другого! Не правда ли, мои непобедимые подруги?!

– Твоя правда! – в один голос ответила армия амазонок.

– Теперь нам осталось погрузить все трофеи на корабли, – продолжила Хурсана и призывающе добавила: – Вперед, на склады! Грузите все золото, кроме платья нашей сестры Афины – богини победы. Отныне она одета в наше платье, потому что мы оставляем его по нашей милости! Или у вас есть другое мнение?

Но тут вперед выступила Альтуд, и в наступившей тишине раздался ее злобный крик:

– Антеипху, я пришла не за золотом, а за твоей жизнью! Ставлю свою жизнь против твоей – выходи на бой!

Тесей понял, что этот поединок может стать последним для царицы, и встал между урожденными амазонками. Но Антейпху прекрасно знала, что ее горячо любимому мужу, царю и герою Аттики никогда не одолеть Черную молнию, поэтому, грустно и ласково посмотрев ему в глаза, отстранила его – она сама должна принять вызов. Тесей, умоляюще взглянув на царственную супругу и не найдя в ее глазах ничего, кроме твердой убежденности, произнес:

– Это снова проказы злой Геры! Она приняла облик амазонки и хочет погубить тебя. Позволь мне сразиться с ней! Я не перенесу твоей гибели, любимая!

– Нет, Тесей! Это не Гера, это амazonка Альтуд. И требует она не твою, а мою жизнь! Я приму вызов, потому что ты нужен своему народу, который принял на себя столько горя и потерь ради нашего счастья! Если боги решат разлучить нас через смерть, пусть из жизни уйду лучше я, чем царь Аттики. Обещай мне восстановить Афины и вернуть сыновьям хоть часть того, что мы задолжали им за время нашей короткой, но чистой любви. И еще одна, последняя, просьба. Не смотри на наш поединок. Так мне будет легче сражаться...

Тесей отошел, не в силах поднять голову. Он искал в себе хоть одну капельку надежды на то, что брошенный ими взгляд друг на друга был не последний. Но черное предчувствие говорило ему обратное. Уронив меч и бессильно присев на ступень, он молил всех богов уберечь Антейпху от смертельного исхода, сулил им большие жертвоприношения, строительство роскошных храмов. Но сквозь туман, заполонивший его разум, он чувствовал ход борьбы между двумя совершенными воительницами, слышал, как амазонки и эллины реагировали на каждый жгучий удар их сабель. И когда вдруг наступила режущая слух тишина, Тесей понял – погибла его любимая...

В отчаянии подняв голову, он увидел ее бездыханное тело на земле, а опечаленные греки снимали шлемы в знак траура.

Антейпху хоронили все – и амазонки, и эллины. Одни чтили память своей царственной сестры и великолепной воительницы, а другие отдавали дань чести своей прекрасной и мудрой царице, которую успела полюбить вся Аттика.

Спустя неделю войско амазонок отбыло на трофейной флотилии, увозя с собой все завоеванное богатство. Аттика дала слово не преследовать их и осталась залечивать раны, нанесенные жесточайшим нашествием. Но остатки ахейского и атического флотов отправились на север, к фракийцам, пытаясь преградить амазонкам путь в Ахун. Они затаились в узкой Пропонтиде¹, близ Босфора. Однако старые уд, будучи великолепными стратегами и тактиками, оказались намного хитрее и просчитали возможность такого хода противника. Они свернули в сторону. Им помогали захваченные в большом количестве на греческих галерах выходцы с Италийского полуострова – из Эгейии, Умбрии, Лигурии, Апулии и Лукании, а также хетты Малой Азии.

С помощью северного ветра амazonки благополучно достигли берегов италийской Локры вдали от греческих морских путей. Но им все же пришлось захватить несколько эллинских торговых судов, чтобы те не выдали местонахождение флотилии. Хотя, по большому счету, здесь амазонкам некого было опасаться, кроме финикийцев, снующих везде и всюду.

Среди рабов на галерах оказалось много знатных италийцев. Их освободили да еще одарили подарками по распоряжению Дахазили и Хурсаны, которые теперь безраздельно властвовали над флотом амазонок. Это стало причиной небывалого гостеприимства италийских царей. На одном из пиров они даже обратились с просьбой оставить на полуострове гарнизон амазонок, которым они предоставляют и земли, и скот, и настбища, и этрусских строителей для возведения крепости. Дахазили и Хурсана не ответили утвердительно, но согласились подумать над этим вопросом. При этом они заметили, с каким интересом выслушали это предложение их подруги, хотя и не подали виду.

Они уединились, чтобы обсудить это между собой. Во-первых, армия амазонок, выведенная из крепостей, не потеряла и трех тысяч воительниц, во-вторых, если оставить здесь гарнизон, эти люди еще долго не забудут, кому обязаны своей свободой, а

¹ Пропонтида – Мраморное море.

заодно начнется мирное освоение новых земель. Дахазиля и Хурсана решили этот вопрос ко взаимной выгоде: пусть гарнизон амazonок в составе двух тысяч остается здесь, чтобы иметь счастье общаться с красивыми итальянками и этрусками, которые в свою очередь, кроме свободных женщин, получат хорошо обученную, подвижную армию-союзницу.

Ввиду совпавших таким образом интересов стороны заключили соглашение, хотя на большом совете Дахазиле и Хурсане пришлось хорошо поработать, чтобы получить нужный результат. Конечно, авторитет царственных подруг взял верх, и на второй день прошел отбор амazonок, желающих оставаться на Итальянском полуострове. В основном это были амazonки, успевшие в пути забеременеть. Они побаивались отправляться в таком состоянии в обратный путь, который мог продлиться не один месяц.

Амazonки поделились с сестрами трофеями, припасами из крепости, да и всем остальным, что могло им пригодиться вдали от родины. Оставили пятнадцать кораблей из трехсот пятидесяти судов и ушли в море.

Хурсана и Дахазиля с этого дня плыли на одном корабле, чтобы, не привлекая лишнего внимания, встречаться и обсуждать планы дальнейших действий.

Однажды флотилия причалила к небольшому зеленому островку, чтобы набрать пресной воды. Кроме коз, куропаток и каких-то неядовитых змей они никого не встретили. Кое-где были видны зимние хижины и пещеры с костищами. Похоже, люди приходили сюда охотиться на одичавших коз. С разрешения Хурсаны и Дахазили, оставив в достаточно просторной бухте свои корабли, амazonки вышли на берег прогуляться, но в целях безопасности им было велено не задерживаться и до темноты вернуться на галеры с водой и освеженной дичью. Спустя час Хурсана и Дахазиле доложили, что некоторые амazonки выходят парами, при этом несут с собой личные вещи и предметы гигиены. Хурсана и Дахазиля ничего на это не сказали, а к вечеру, заправившись свежей водой, внезапно дали команду к отплытию. Несчастных лесбиянок оставили на островке.

По сути, это были отбросы империи амazonок, законы которой не всем своим подданным позволяли ходить в дома свида-

ний. Годных для размножения женщин отбирала такая же строгая комиссия, как и мужчин, и допуск получали только полноценные и здоровые. Главным для империи было воспроизведение себе подобных, а не удовлетворение похоти. Жестокий мир амазонок не нуждался в лишнем человеческом материале.

Однако управление флотом было в руках гуманных и трезво рассуждающих предводительниц. Дахазилия и Хурсана не просто бросили своих соплемениц на острове, но распорядились оставить им четыре корабля и необходимый инвентарь для земледелия и рыбной ловли, включая посевной материал. Они отплыли, с грустью глядя на покидаемый островок, не теряя надежды, что и здесь когда-нибудь взметнется хеттский флаг, и можно будет наведаться в гости. Всякое бывает в жизни – нельзя жечь мосты между сердцами.

Освободившись таким образом еще от пятисот амазонок, флотилия под командованием Хурсаны и Дахазили полным ходом пошла мимо враждебного Кипра на хеттский город Эбла и без происшествий достигла побережья Малой Азии. Здесь амазонки обменяли часть кораблей на фургоны и верблюдов и двинулись в Эблу, до которой от залива было два дня пути. Там они намеревались превратить свой товар, выраженный в мануфактуре, масле, специях, посуде, в золото – более транспортабельный и не требующий особых хлопот груз. При этом следовало под шумок распространить в городе ложный слух, что амазонки уходят сухопутным способом по обширным хеттским землям мимо страны Урарту, где говорили на хурритском языке.

Действуя по задуманному плану, Дахазилия и Хурсана разделили войско на две части по пятнадцать тысяч воительниц. Свою часть Хурсана повела в устье реки Шхалипс (Галис), перебравшись через которую, они пойдут на город Канес, что находится на правобережье реки. На этом месте есть большая бухта, контролируемая хеттами с суши. Но как только хеттские военачальники подсказали, что лазутчики Фракии и Аттики уехали на Босфорский перешеек с донесением о том, чтобы фракийский флот не ждал амазонок на Босфоре, поскольку они ушли мимо Урарту через узкую береговую линию, Дахазилия со своим войском в тот же вечер снялась и за несколько часов добралась

до побережья, где была спрятана основная часть кораблей. На облегченных гребных судах они проворно зашли далеко в открытое море и совершенно незамеченными подошли к Кикладским островам. Благодаря попутным ветрам корабли здесь держали такую хорошую скорость, что амазонки без труда догоняли чужие суда и груши небольших кораблей, захватывали их и вводили в строй своей эскадры.

Так они благополучно добрались до входа в пролив Пропонтиды. Дахазиля приказала выставить вперед самые крепкие, таранные корабли фронтом, бортами друг к другу. Потушив все бортовые огни, она намеревалась ночью врезаться в ряды фракийской флотилии, часть которой, не поверив лазутчикам, осталась на узком перешейке, занимая крайне неудобное положение. Неудобство заключалось в том, что их корабли слишком тесно стояли, закрывавшие щитами вокруг, то есть у них и обзора не было, и возможности спешно тронуться в случае тревоги.

Амазонки пустились на хитрость. Под покровом ночи они полностью укрыли свои таранные корабли мокрыми бурками, спущенными между собой. Бурки держались на стропилах и балках, сооруженных из копий и запасных весел. При виде неуязвимых черных чудовищ, извергающих из себя огненные стрелы, греки пришли в ужас, они не поняли, что на них надвигается. Конструкция, придуманная амazonками, была универсальна и хитра. Сквозь мокрые бурки не пролетала ни одна стрела – обычные застревали перьями, а огненные гасли во влажном войлоке. К тому же в разных местах полы бурок поднимались, и оттуда летел град зажигательных стрел, от которых не спасали щиты, так как амазонки стреляли по крутой траектории, подбравшись вплотную к фракийцам.

И вот уже из-за черных покрывал показались клыки таранов, удар – и несколько кораблей противника пробиты! Следующие корабли на быстром атакующем ходу выскочили из-за «спин» черных чудовищ и после тарана начали брать на абордаж фракийцев. Ночной бой быстро закончился, и к утру на горизонте уже не осталось ничего, что можно было назвать фракийским флотом. И в следующую ночь Босфорский проход уже никто не занимал, за исключением нескольких финикийских купцов, ко-

торые сходу въехали в капкан флота амазонок, выросшего за ночь так, что до самого Ахунского берега никто не посмел бы им угрожать.

* * *

Ее звали Дадух (Дадыху), что означало «белый цветок». Она и в самом деле была вся белая: и пышные волосы, и кожа, — а пленничного цвета брови и ресницы красиво оттеняли лицо.

Дадух — предводительница участвовавшего в разгроме Аттики довольно большого отряда из крепости Куны, которая была расположена в предгорьях реки Малки. Еще при высадке в Афинах Хурсана заметила, что в этом отряде царит молчаливое взаимопонимание. И в быту, и в бою здесь вели себя тихо и четко, без суеты. Хурсана сразу поняла, что отличает этих амазонок от суетливых и шумных воительниц других отрядов — сюда были отобраны девушки не только умеющие воевать, но и умные.

«Интересно, что это значит? — подумала тогда Хурсана. — Ведь крепость Куны отличается особо жестокой дисциплиной. Для любой амазонки перевод туда являлся страшным наказанием, а такое случалось часто. Один из главных принципов империи — строжайший запрет на воспитание своих детей. И если было малейшее подозрение с этой стороны, то девочку старались тут же удалить от матери, переведя кого-то из них в другую крепость. Потому что женщина, познавшая силу материнского инстинкта, могла подавить в себе инстинкт воительницы».

Правила в крепости Куны были настолько суровы и строги, что даже посыпанные, разносившие указания и приказы от Шхагуаши, мечтали поскорее убраться оттуда и жертвовали положенным отдыхом и обедом. Не желая оставаться там ни в дождь, ни в стужу на ночь, уносили ноги все, кому по долгу службы приходилось посещать эту крепость.

«Как же в таких условиях удалось отобрать отряд единомышленниц? — размышляла Хурсана. — Значит, есть то, что их объединяет. Может, это общая ненависть к правящей в крепости верхушке уд, а возможно, и тайная единая цель... Интересно, что же у них на уме? Во всяком случае, стоит к ним приглядеться и навести мосты, хотя это будет не так легко — они настолько замкну-

ты и необщительны, что даже в минуты короткого отдыха между собой говорят тихо и без эмоций. Ладно, время покажет. Просто постараюсь не выпускать их из поля зрения».

Штурм Афин, случившийся как раз в это время, несколько отвлек Хурсану от наблюдений за отрядом Дадух. У нее перед глазами до сих пор стояли отчаянные лица афинян, самоотверженно сражавшихся за свой город, не имея при этом преимущества ни в боевом снаряжении, ни в мастерстве ведения битвы. Ничего, что можно было противопоставить натиску амазонок, кроме патриотизма и желания отдать жизнь за свою отчизну, у эллинов не было. И они погибали без видимого сожаления, спокойно, честно, с невероятным упорством и благородством исполняя свой долг. Греки вынуждены были отступать перед саблями-молниями, тысячами теряя солдат, но не отдавали свою царицу на казнь амazonкам. А те целенаправленно, умело, хладнокровно делали то, для чего их сюда прислали. Делали, потому что стратегические тайны империи и тысячелетние усилия десятков поколений амазонок не имели для них цены.

Когда все закончилось, и флот амазонок покинул акваторию Аттики, Хурсана про себя отметила, что отряд Дадух без лишних слов и суеты загрузился на пять галер. Отойдя от пристани, она стала ждать остальных на рейде. А пятерка галер без «потерь» на Итальянском полуострове и Козьем островке благополучно добралась до Пропонтиды, не выделяясь из общей массы ничем, кроме четкости и сплоченности. Но в первую же ночь после кратковременной битвы на Босфоре пять кораблей под предводительством Дадух неожиданно исчезли, скрывшись в полуночном тумане моря. Сначала Хурсана подумала, что в густом тумане просто не видны сигнальные огни на кораблях, затем, уже обеспокоенная, послала на поиски быстроходные легкие галеры, но и они не нашли никаких следов отряда. И тогда Хурсана поняла то, что до сих пор не могла осмыслить. Это был хорошо спланированный и вовремя организованный побег!

Хурсана с завистью и нескрываемым восторгом вспомнила лицо Дадух, восхищаясь тем, что из семи сотен амазонок ее отряда не нашлось ни одной болтливой, трусливой и непослушной! Когда Хурсана рассказала о своих наблюдениях и подозре-

ниях Дахазиле, подруги решили больше не искать исчезнувшие галеры, а только пожелали им всецед удачи и счастья.

Между тем пять галер шли строго на север, с мощным южным попутным ветром в полных парусах. Скорости добавляла и постоянная смена гребцов, хотя Дадух чувствовала, что погони не будет. Не сбавляя темпа, они без происшествий миновали Керченский пролив, так шли еще неделю, пока не оказались в самом северном углу Меотиды – озера в устье реки Танаис¹. Найдя здесь удобную излучину, они выгрузились на правобережье, затем прорубили днища своих галер, потопили их, предварительно утяжелив прибрежным речным песком.

Так отряд вышел в дикие степи скифов. В огромной низине под покровом густого ольхового леса амazonки наспех соорудили временные жилища и отправились исследовать территорию. Дадух прекрасно понимала, что если их будут преследовать, то про эти места подумают в последнюю очередь.

В широкой, пахнущей полынью и ковылем степи были заметны следы кочевых стоянок. Девушки, вкушая неизведанное доселе состояние полной свободы, мало-помалу начали приходить в себя, постепенно их покидало беспокойство. По вечерам все чаще раздавались песни и смех, особенно после удачной охоты на камышовых вепрей, степных зайцев и сайгаков. А однажды, когда несколько девушек вернулись с охоты верхом на полутихих лошадях, поднялся неописуемый восторг. Амazonки рассказали, как отбили скакунов от огромного табуна, который пасли кочевники, на что Дадух сказала: «Рано радуетесь. Нам это с рук не сойдет. Кочевникам нетрудно будет прийти сюда по следам десятков лошадей».

– Нам предстоит стычка с местным населением, – произнесла Дадух на общем собрании. – Помните наш уговор! Мы на чужой земле, и нас не так уж много, чтобы показывать свой гонор перед сплоченным народом степи. Я вам говорила, что мы ничего не добьемся презрительным отношением к другим, к боли и горю, которое приносит наше кровавое оружие всем, кто попадается

¹ Т а н а и с – Дон.

на нашем пути. Мы должны учиться находить общий язык с кочевниками. С этого дня я всем запрещаю убивать людей без крайней нужды. То есть – без явной угрозы нашим жизням. Нам не нужна вражда, мы должны здесь обосноваться мирно, создать свободное поселение и вести нормальную человеческую жизнь. Мы не будем убивать своих сыновей, не будем учить дочерей звериной жестокости ради того, чтобы кого-то поработить и сесть кому-то на шею. Поэтому мы должны решить создавшуюся проблему. Я предлагаю сейчас же набрать трофеиного сукна, медных доспехов, бронзовых мечей и украшений и отправиться навстречу кочевникам. Мы должны извиниться перед ними, а также мирным путем выкупить еще сотни три верховых лошадей, без которых, как вы уже убедились, трудно выжить в этих степях.

После этих слов, собрав все необходимое, сотня бывших амазонок во главе с самой Дадух выдвинулась в путь по следам пригнанных лошадей на переговоры с кочевниками. Когда временный лагерь остался далеко позади, они увидели мчащийся к ним на всем скаку отряд из полусотни всадников. Приблизившись к амазонкам на расстояние полета стрелы, кочевники развернули своих лошадей и приготовились к бою. При этом они на ходу пересели задом наперед, чтобы при превосходящей силе противника можно было, отстреливаясь, покинуть поле боя.

Дадух, жестом остановив спутниц, сама выехала к кочевникам, но вскоре заметила, что не может к ним приблизиться, потому что с каждым ее шагом они отступали на два. Она решила, что это знак следовать за ними, и позвала отряд за собой. Всадники перешли в галоп, амазонки тоже ускорили темп. Но Дадух придержала своего коня, потому что верхом были только два десятка девушек, остальным приходилось бежать за ними. Она увидела, что четыре всадника оторвались от группы и во весь опор ускакали в степь. Дадух поняла – гонцы спешат за подмогой. Оставалось выбрать одно из двух – либо атаковать, либо отступить вовсю. Кочевники не желали разговаривать, а в случае атаки со стороны амазонок они бы просто ускакали, отстреливаясь на ходу. Дадух решила отступить...

Девушки вернулись и начали готовиться к возможному нападению кочевников. Расставили дальние и ближние посты на подступах к лагерю, который накануне успели огородить крепким частоколом. Ночь прошла без происшествий, но рано утром прискакала постовая из дальнего дозора и сообщила, что приближается отряд из трех сотен всадников – молодые и рослые наездники на хороших скакунах.

Дадух сделала необходимые распоряжения, и амазонки, разделившись на группы, начали быстро занимать указанные предводительницей позиции. А сама Дадух, взяв с собой спутниц на имеющихся двадцати трех лошадях, выехала навстречу кочевникам. За ней на небольшом расстоянии от лагеря выстроилась сотня амазонок с луками за спиной, копьями и щитами в руках. Увидев вдали кочевников, Дадух остановилась в ожидании. Те осадили коней в какой-нибудь полусотне шагов, и вперед выступил предводитель.

Он что-то коротко произнес на своем языке, и амазонки, мотая головами и пожимая плечами, дали знать, что ничего не поняли. Тогда предводитель кочевников подозвал к себе одного из воинов, и тот заговорил совершенно на другом наречии. Реакция амазонок была той же. Дацух попробовала сама взять слово в переговорах, и настала очередь кочевников смеяться и пожимать плечами, потому что ни один говор, которыми владели амазонки, не был им знаком. Первым не выдержал предводитель и гневно указал на лошадей под амазонками, сотрясая оружием. Это был вполне понятный жест, в ответ на что амазонки вынесли из своих тылов приготовленные заранее дары Аттики. Главарь даже не посмотрел на откуп и снова потряс своим допотопным бронзовым мечом. Теперь расхохотались амазонки.

Посчитав, что сами амазонки в их блестящих доспехах – лучшая добыча, и будучи уверенным, что откупной товар и без того достанется ему, главарь дал команду к бою. И с места в карьер сорвались в атаку всадники – отличные наездники и очень хорошо сложенные воины в войлочных доспехах и шлемах, покрытых сверху прочной буйволиной кожей и небольшими бронзовыми и медными вставками. Но они не могли скрыть удивления, которое переросло в испуг, когда малочисленная конница ама-

зонок, не растерявшись, тоже полетела навстречу и в несколько движений уложила первые ряды всадников. Сабли воительниц действовали исправно, отчего кочевники в панике начали разворачиваться, толкая друг друга и мешаясь в невообразимую кучу людей и лошадей, что лишь облегчило задачу амазонок...

Сотне кочевников удалось вырваться и ускакать прочь, но сбоку из степного ковыля неожиданно вырос отряд лучниц и у половины количества отступавших. Правда, один удалец все-таки ухитрился заарканить и утащить с собой лучницу, которая и стала единственной потерей амазонок за все сражение, не считая легко раненых. Зато в итоге амазонки получили более двух сотен неплохих лошадей. Забрав своих раненых и скакунов, воительницы вернулись в лагерь. Оставленные в степи наблюдательницы позже доложили, что кочевники, отъехав недалеко и обнаружив, что их не преследуют эти бестии с молниями в руках, вернулись за своими ранеными и погибшими, которых смогли забрать только после подоспевшей помощи. И хотя их собралось не менее тысячи, они не решились на новую атаку.

Вечером в большом шатре Доуджи-хана собрался военный совет кочевников. Пожилой, но по-прежнему прямой и могучий Доуджи-хан внимательно слушал сбивчивое и не совсем понятое изложение событий. После доклада все долго сидели молча, опустив головы и не решаясь взглянуть в глаза и заговорить раньше вождя. Наконец, хан спросил очевидца:

– Сколько времени длился бой?

– Ровно столько, сколько требуется, чтобы зарезать и снять шкуру с барана! – выпалил тот как можно быстрее, чтобы не вызвать гнев своей медлительностью.

– И за такой срок каких-то двадцать женщин зарезали по десять моих баранов каждая?! – грозно зарычал могучий старик в бешенстве. – Бараны! Вам ничего не нужно, кроме своих баранов, все на свете измеряете только ими! Сколько раз я вас призывал серьезно взяться за обучение молодежи военному делу? Вот и режут вас десятками, как баранов! Они же не хотели боя, предлагали за коней немалый откуп и именно те дары, которые нам так необходимы сейчас! А вы, горе-воины, понадеялись на свою силу и отказались! – с этими словами он поддел ногой лежащий

на полу кожаный мешок с откупным товаром за двадцать три коня, утнанных поначалу.

Хан помолчал, вытер пот со лба и продолжил:

– Если бы они хотели войны, они с таким же успехом перерезали бы всех на своем пути, весь наш народ! Это же амазонки! Еще никому не удавалось победить их. А вы, недальновидные и бестолковые, и вчера, когда они по следу лошадей пришли с выкупом, и сегодня, когда они на многих языках пытались договориться с вами, не приняли извинений, а полезли в бой, не учтя их боевых преимуществ. Они правильно поступили с вами, наказав таким образом. Если я правильно понял из ваших обрывистых рассказов, их не меньше пятисот, а может и больше?

Хан перевел дух.

– Гурий! – обратился он в правую сторону, сбавив тон. – Подбери хорошую команду из наиболее умных, молодых и ладно сложенных ребят в равном им количестве и выезжай с ними к амазонкам. Недалеко от их укрепления разбейте лагерь и поселийтесь, не подавая враждебных признаков. Не нападайте на них, а если они так поступят, убегайте на безопасное расстояние и снова возвращайтесь поближе к ним. Так они поймут, что вы ищете дружбы. Ваша важнейшая задача – сблизиться с ними, чтобы затем заключить союз: торговый, военный, любовный, брачный – любого вида, но союз. Одаривайте их чем хотите из того, что есть у нас: лошадьми, баранами, коровами, шатрами... Не жалейте ничего! Потому что такой союз нам жизненно необходим! А если кто-нибудь из старейшин родов не даст вам нужное количество подарков, скажите мне. Я его самого отдам амазонкам!

Суровый стариk усмехнулся себе в усы и продолжил:

– Еще раз повторяю, это несомненно амазонки, какими бы путями и по каким причинам они к нам ни попали. И это обстоятельство может или навлечь на нас погибель, или принести выгоду. Третьего не дано! Выбирайте то, что вам по душе. При нашем разумном поведении амазонки на столетия защитят и сохранят наш народ... Да, Гурий! – снова обратился Доуджи-хан к молодому предводителю. – Труп захваченной амазонки оденьте в доспехи, в которых она была, и с выражением всех почестей от-

взите к стенам их укрепления. Иди, Гурий, и будь осторожен, внимателен и благоразумен. От того, как себя поведешь, зависит нынешнее положение и будущее нашего племени.

Дальше он приказал всем пастухам отдать Гурию любое количество скота по первому требованию.

В это время амazonки тоже держали совет у себя в лагере. Обсудив случившееся на поле боя, они смогли объяснить поведение кочевников только жадностью и глупостью. Но общее мнение сошлось на том, что это сражение послужит степным людям хорошим уроком, и они впредь не сунутся к новым соседям. Дадух выразила более оптимистичное предположение. Она была уверена, что тот предводитель, который, к счастью, не ушел от стрел лучниц, не блестал умом, зато теперь остальные будут заинтересованы в мирных отношениях.

— Единственное, что они теперь могут предпринять, кроме мирного соглашения, — это пойти на нас с пиками, — говорила Дадух. — Но тогда они познакомятся с нашими соколами, на которых в прошлый раз смотрели столь удивленно, и поймут, что с нами лучше не ссориться. Еще в крепости я слышала от Кази-уд — старой преподавательницы тактики ведения боя, что скифы измотали войско персов, ни разу не вступив с ними в схватку. Отступая, скифы отравляют воду, вытаптывают или выжигают поля, обрекая преследователей на голод. И так месяцами водят своих врагов по степи, не теряя практически ни одного воина. Нам надо укрепиться на берегу Танаиса, на полуострове, который мы ранее облюбовали, и готовиться к тому, что за добычей надо будет ходить за реку. Возможно, даже придется поднять одну галеру на мелководье и отремонтировать.

Дадух оказалась права: отношение кочевников резко изменилось в хорошую сторону. На следующий день показалась группа из сотни стариков с черными флагами, на видимом расстоянии они оставили шелковый навес с телом погибшей амazonки и удалились. Подойдя ближе, девушки увидели под белым навесом ухоженный и одетый в достехи труп их подруги на круглом ковре, усыпанном цветами бессмертника, и очень удивились тому, что труп не осквернен и не ограблен. «Значит, у них есть дальновидный и трезво мыслящий вождь», — заключила Дадух.

Они похоронили погибшую амазонку тут же, сделав небольшой курган, под которым оставили белый шелковый навес и цветы. У Дадух камень упал с души, и амазонки тоже повеселились, но бдительности не теряли и приняли все меры предосторожности без скидок на потепление политического климата. Во-первых, они переселились на полуостров, образованный старицей реки, которая соединялась с основным руслом узкими каналами. По сути, это был островок, со всех сторон окруженный водой, а со стороны старицы имелся полукруглый яр высотой в два всадника. Там амазонки начали сооружать невысокую плетеную ограду из кольев и прутьев ивы и ракиты. Распустив шелковое трофеинное полотно, они сплели из ниток сеть для ловли рыб, коими кишело устье Танаиса, а старицы были покрыты стаями водоочищающих птиц. В прибрежных лесах водилось много дичи и пушного зверя. Это давало возможность прокормиться, не выходя в открытую степь к кочевникам.

Спустя пару дней амазонки заметили, что на соседнем острове обосновалась большая группа молодых кочевников. Постовые девушки прибежали к Дадух — теперь уже предводительнице крепости.

— Я знаю обо всем, — сказала она.

— Мы видели такого высокого и очень симпатичного молодого человека, когда он поил лошадей. Интересно, сколько же их там? — говорили наперебой взволнованные девушки.

— Их ровно столько, сколько и нас, — ответила Дадух, улыбаясь. — И уверяю вас, они все симпатичные и доступные парни.

— А где же мы построим сорочий дом? — спросила амазонка Куля, прислонившись к дереву в грациозной позе, подчеркивающей ее тонкую талию и отточенные формы бедер. — Ведь мы не предусмотрели для этого места.

— Глупенькая! — воскликнула Дадух. — Любовь не требует особых условий, удобств и приспособлений, для этого подходит все, созданное природой! Годится все из дерева, камня, песка, травы, наконец. И даже в воде это неплохо получается, разве что в воздухе невозможно это сделать. Вот и сейчас у тебя очень удобная стойка, если хочешь знать, можно заняться этим, ничего не меняя.

Еще больше потянувшись и довершив свою соблазнительную позу, Куля томным голосом произнесла:

— Не-ет! Я бы чуточку исправила!

Все присутствующие издали коллективный вздох, после чего воцарилась полная тишина. Все обдумывали необычные слова Дадух и мысленно соглашались с ней.

— Ой! Пока это все продумаешь, осмотришь, обнюхаешь, всякое желание пропадет, — не выдержала веселая Куля. — А я сейчас думаю только об одном...

И девушки, рассмеявшись, побежали к облюбованному и испробованному месту купания — к старице, где вода была и чище, и теплее, чем в основном русле Танаиса. Они сбежались к берегу, на ходу раздеваясь и кидаясь в воду, при этом смеялись, ревзились, плескались, отчего поднялся неимоверный визг и хот, привлекая внимание парней на противоположном берегу. Когда все юноши высыпали на плес и уставились на такое зрелище, девушки, как бы засмущавшись, выскочили из воды и побежали к своей одежде, повернувшись спиной. На противоположном берегу раздался стон...

Дадух, издали наблюдая за этой картиной, искренне радовалась за своих сестер.

— Вот теперь, глупые дикари, вы в петле аркана, конец которого привязан к седлу моего арканкеша, — сказала она с удовлетворением.

На следующий день Дадух заметила, что на перешейке, по которому можно перейти на нейтральную территорию, появилась заметная тропка, и осталась довольна. «Надо распорядиться сделать здесь мостик, — подумала она. — Может быть, тогда и я смогу подобрать себе достойную пару. Мне ведь всего-то двадцать шесть лет».

Через неделю появился красивый деревянный мостик с резными перилами, тропка превратилась в проторенную дорогу, а нейтральный островок был весь вытоптан. Дадух не стала никуда ходить, потому что избранник сам к ней явился. Это был тридцатипятилетний кареглазый великан Гурий...

А еще через неделю никто никуда не ходил: все жили в лагере, потому что близлежащие острова на реке были заняты ско-

том, пригнанным кочевниками в дар амазонкам. Скифы, конечно, не могли одолеть «ужасный хеттский», но спустя месяц Да-дух и несколько других амазонок свободно изъяснялись на наречии кочевников. Рассеялись и сомнения предводительницы насчет здоровья юношей. Чем внимательнее она приглядывалась к ним, тем больше убеждалась в том, что парней выбирали очень тщательно, и тот, кто это делал, учитывал правила империи амазонок. Да-дух решила, что настала пора познакомиться с вождем скифов, тем более что перед наступлением зимы, которая, должно быть, в этих краях сурова, надо было обсудить один насущный вопрос.

Посланный к вождю Гурий вернулся с вестью о том, что Доуджи-хан с радостью ждет всех амазонок во главе с прекрасной Да-дух и счастлив окказать им гостеприимство. В назначенный день сотня амазонок, до зеркального блеска начистив свои кольчуги, оседлав лучших скакунов, выехала в степь к назначенному вождем месту. Воительницы прихватили с собой щедрые дары: греческие трофеиные доспехи, щиты, луки со стрелами, боевые топоры, мечи, много шелковой материи и драгоценных украшений, и каждого предмета одного вида было не менее сотни. Но среди них не было ни одной вещи, сделанной в империи амазонок, кроме золотого шлема и панциря. Этот подарок предназначался лично вождю кочевников.

Огромную площадку, видимо, рассчитанную на прием всех амазонок, расчистили от бурьяна и кустов, разостлали ковры и множество подушек, на длинных полотняных скатертях разложили отварное и жареное мясо, лепешки, прохладительные напитки и вина из кумыса, воду в сосудах невообразимых форм, фрукты и какие-то незнакомые степные ягоды. Недалеко от такого роскошного застолья стояла палатка Доуджи-хана, за которой дальше находился целый лес войлочных шатров, с другой стороны горели костры походных кухонь, где в котлах и чайниках что-то бесперебойно клокотало. А народу, окружившего эту площадь, было не менее пяти тысяч.

Да-дух со своей свитой, сопровождаемая Гурием, проехала к шатру вождя сквозь расступившуюся толпу. Она взглядалась в лица кочевников и видела то, что недоступно обычному зрителю.

лю. На лицах этих простых людей было написано многое, если не все. У большинства по-детски наивное и чистое любопытство. У некоторых глаза горели завистливым огнем от блеска чужих доспехов. Третьих одолевала обычная мужская похоть. Среди них можно было увидеть и женские лица с плохо скрытой лютой ненавистью, и глаза молоденьких девушек, которые радовались, сами не зная чему.

«Наверняка здесь есть сестры погибших от наших рук воинов, – подумала Дадух. – Или невесты наших нынешних парней. Хорошо, что среди них нет матерей. Очевидно, замужние женщины не ходят на такие всенародные торжества или, может быть, открыто игнорируют нас».

Она также заметила, что таких молодцев, каких направили к ним, было совсем немного. Значит, те семьсот парней для невест небольшого народа значительная потеря, соответственно, ничего доброго от них нельзя ожидать.

У входа в большой шатер стоял могучего сложения седой воин с добрым выражением карих глаз, пристально глядываясь в Дадух, которая смотрела прямо в глаза вождя. Они легко и ясно читали мысли друг друга, и каждая сторона знала, что будет понята правильно. Затем хан повернулся к Гурию и в наступившей тишине сказал:

– Да, сын, я восхищен твоим выбором и очень счастлив! – с этими словами он сделал шаг и, обняв Дадух за плечи, безмолвно и без лишних церемоний пригласил ее в шатер.

– Входи, дочка, не как в шатер вождя, а как к себе домой! Заходи, и да будет твой приход в нашу семью счастливым! – приветствовала Дадух высокая и очень красивая женщина лет пятидесяти и тоже обняла девушку. – Будь моей дочерью, дай мне счастья быть тебе матерью. Я Таира – мать Гурия.

Что-то произошло с Дадух. Она захотела подольше задержаться в объятиях этой женщины, чтобы не расплескать теплое и нежное чувство, вдруг проснувшееся в ее груди. И что же все увидели в следующий миг? Прижавшись к матери и спрятив лицо, навзрыд плакала грозная и непобедимая предводительница амазонок. Она еще до конца не понимала, что происходит с ней. То ли она расслабилась и дало знать о себе напряжение послед-

них месяцев, то ли родительское участие разбудило в ней жажду любого живого существа к материинской ласке, то ли сердце, так долго мучимое жестокостью, не выдержало испытания нежностью. А может, все это вместе обрушилось на растрогавшуюся Дадух...

Стараясь утешить ее, расплакалась и женщина, гладя ее спину и плечи. Потом прослезился и старый хан, и все, кто наблюдал эту семейную сцену. Первым взял себя в руки Доуджи-хан. Украдкой утерев слезу, он веселым голосом сказал:

– Хватит же! Успокойтесь, а то вы затопите слезами весь шатер!

Дадух постаралась успокоиться и, понемногу придя в себя, обратилась к Доуджи-хану.

– Нам надо поговорить, отец! – сказала она, наконец, твердым голосом. – Надеюсь на вашу мудрость, которую мы успели оценить в последнее время не однажды.

Они втроем уселись на великолепный шелковый ковер, усыпанный пышными подушечками, а Гурий, зашедший позже, стоял у порога и безмолвно наблюдал за ними.

– Я прошу вас понять, – начала Дадух. – Наше положение здесь очень шаткое. Вам известно, что степные парни предложили руки нашим девушкам, так же как и мне – ваш сын Гурний. И вы знаете, что я не ответила отказом. Мои девушки тоже готовы дать согласие, но я не хочу в вашем доме...

– В своем доме, дочка! – поправил ее хан.

– Не хочу в этом доме кривить душой и что-то скрывать за пазухой, – продолжила Дадух, слегка понизив голос. – Дело в том, что мы – беглые амазонки...

И она рассказала о недавнем походе на Аттику, об убийстве Антеииху, бежавшей с Тесеем, и о том, как они оказались в этих краях.

– Мы хотим жить просто как женщины, иметь семьи и растить своих детей, – говорила она. – Правда, мы не слишком умеем вести хозяйство, а тем более, по обычаям вашего народа. Мы с вами говорим на разных языках, и, кроме всего прочего, мы отняли у ваших девушек целую армию лучших женихов. Это не может быть мелочью и создаст серьезные проблемы. Мне немно-

го трудно говорить, но я уверена, что вы меня понимаете. Когда мы сыграем вместе семьсот свадеб, молва далеко разнесет весть о таком событии, и пусть не допустят боги, чтобы об этом узнали те, от кого мы скрываемся. Поэтому мне тяжело принять решение. Особенно после того, как я впервые в жизни поняла, насколько важно иметь близких и родных людей в этом жестоком и несправедливом мире. Я могла тысячу раз умереть, не познав то, что сегодня услышала от вас, мать и отец... – она взглянула на них глазами, полными слез, не в силах далее произнести ни слова.

– Доченька, ты очень хорошо научилась говорить на нашем языке, но больше и лучше ты сказала глазами, – постарался подбодрить ее Доуджи-хан. – Твои слезы очень красноречивы и выразительны, и ничего искреннее этого не может быть. Они дороже алмазов, потому что вымучены долгими страданиями сердца и души.

– В силу многих обстоятельств мы не можем жить среди вас, – постаралась продолжить Дадух, взяв себя в руки. – Это очень опасно для ваших людей, поэтому я предлагаю действовать по такому плану: после свадьбы я уведу молодые семьи на северо-восток, в холодные и дикие степи, ближе к лесам. О нашем местонахождении будет знать только совет старейшин, а у родителей по очереди будут гостить одна-две пары. В случае нападения других народов вы всегда можете отступить по дороге, ведущей к нам, предварительно сообщив об этом через гонцов. Если богам будет угодно скрыть от империи амазонок наше расположение, никто другой нас не одолеет.

– У меня единственная просьба к тебе, доченька... – помолчав, сказал старый вождь. – Не оставляй нас без счастья видеть тебя и Гурия.

– И пожалуйста, дарите нам побольше внуков и внучек, похожих на вас, – добавила Таира.

Когда они вчетвером вышли из шатра на публику, Дадух уже была в белом шелковом платье поверх доспехов, а голову в шлеме покрывал нежно-розовый ажурный платок – подарок родителей жениха и знак того, что она невеста...

После того как вскоре сыграли семьсот свадеб одновременно, Дадух и Гурий неожиданно для всех подняли лагерь молодожен-

нов и в течение суток увели в неизвестном направлении. Перед самыми холодами, когда с неба посыпался первый белый пух, они поставили свои шатры на новом, достаточно удобном месте и стали обживаться. Так было положено начало нового военно-матриархального Царства Савроматов¹.

* * *

Через три дня пешего хода к бухте реки Галис (Шхалипс) подруги Хурсана и Даахазиля встретились. Здесь они попрощались с хеттскими и хурритскими всадниками – последние появились неожиданно и изъявили желание быть полезными Хурсане. Удовлетворив имеющиеся желания обеих сторон за ночь, не в ущерб бдительности и самосохранению, и осыпав подарками хеттов и хурритов, причем всех – от военачальников до рядовых, к полудню следующего дня подруги со своими сестрами погрузились на корабли и вышли в открытое море.

Они шли на веслах, придерживаясь береговой линии и поджидая фракийцев, которые ушли из Мраморного моря, чтобы перехватить амазонок в узком пространстве между морем и страной Урарту. Караван судов шел не спеша, лавируя на легком береговом бризе. Когда Хурсана и Даахазиля провели перекличку на всех кораблях, обнаружилось много лишних людей. Самых амазонок было около сорока тысяч, а среди них чудесным образом затесалось множество мужчин разных племен и народностей со всего Средиземноморья и Ахунского побережья. А еще нужно было решить судьбу почти шести тысяч гребцов, которые в отчаянии готовы были броситься в пучину моря, справедливо полагая, что их жизнь висит на волоске.

Для решения такого рода горячих проблем на флагмане собирался походный высший совет уд во главе с Даахазилем. К вечеру, так как был полный штиль, корабли сошлись на веслах, образуя круг, и уд перешли на флагман. Совещавшись почти до утра, на рассвете они объявили, что принято решение подойти к берегу и отпустить всех, кто этого хочет, но не всех сразу, а в две-

¹ На эту тему см.: *Геродот. История. Кн. 4 – Мельпомена. Ст. 110–116.*

три остановки. Сказанное было понято так, будто уд решили всех утопить или перерезать на берегу. Они действительно намеревались сжечь всех, пожелавших свободы, на каком-нибудь лесистом необитаемом островке, куда хотели заманить мужчин под предлогом любви. Но после совещания Дахазиля и Хурсана, как всегда, приняли свое решение.

Хурсана давно заметила, что между одной из молодых амазонок, служившей ей оруженосцем, и высоким сильным гребцом из Урарту завязалось настоящее чувство. Однажды ночью Хурсана позвала их к себе в каюту, исключив возможность подслушивания. Даут, так звали молодого гребца, свободно говорил на хетто-хурритском диалекте. Хурсана спросила, как давно он плавает и хорошо ли знает эти берега. Даут ответил, что, будучи рабом и постоянно находясь в подвале для гребцов, он мало чему успел научиться, познания его очень скучны, но на корабле среди гребцов есть человек, хорошо знающий эти места.

— Знайте, желая спасти вашу жизнь, я ставлю под угрозу и свою, — сказала Хурсана. — Можно ли верить этому человеку?

— Ради великолдушной Хурсаны, изъявившей такое благородное желание, мы готовы умереть раньше, чем кто-либо сможет узнать от нас хоть один звук из ваших слов! — поклялись влюбленные в один голос.

— Тогда приведите его ко мне незаметно.

Через некоторое время в каюту вошел одноглазый и темноволосый гребец лет пятидесяти, вполне здорового вида, с густой растительностью на обнаженном торсе. Молча поклонившись Хурсане, он на чистом хеттском сказал:

— Я сам ассириец, но долго жил среди хеттов, поэтому хорошо владею вашим языком. Зовут меня Гассур. Из всего, что я слышал и сам додумал, мне кажется, что нас хотят спасти. Если это так, я могу предложить один беспрогрызный план.

— Говори, — велела Хурсана.

— Я долго плавал, командуя финикийскими пиратами, и однажды за нами погнались несколько других финикийских кораблей. Они были легче и быстрее, а мы устали да еще имели на борту много раненых, поэтому не могли от них оторваться. То-

гда один старый финикиец указал нам на маленький островок, заросший густым лесом. Мы подошли к нему и сели на мель, выскочили на берег и заняли круговую оборону, прячась за прибрежные валуны и кустарники. Финикийские корабли не спеша обошли остров со всех сторон и, убедившись, что до материка достаточно далеко и вплоть никто не доберется, встали перед нашим погившим судном на якоря и собирались брать нас измомром, считая, что мы сами себя загнали в мышеловку. Нужно сказать, что на этом островке не было никакой живности, кроме маленьких птиц, мелькающих повсюду зеленых ящериц и нескольких ленивых змей, греющихся на солнце, отсутствовала пресная вода и все заросло можжевельником. Иначе говоря, не имея запасов, там невозможно было прожить и нескольких часов. В отчаянии мы принялись копать колодцы, но в них оказывалась та же соленая морская вода, только мутная от грязи. Между тем старый финикиец, по совету которого мы оказались в таком аду, строго нам приказал ложиться и спать, чтобы сберечь силы до полуночи, когда начнется отлив. Тогда до материка можно будет просто добежать по сухому до рассвета, а там есть такие леса, где спрятаться, отдохнуть, найти пищу и воду будет не так уж сложно. Действительно, к вечеру остров на глазах начал увеличиваться в размерах, постепенно обнажилась и ровная песчаная полоса, по которой можно было, если желаешь, ездить наперегонки на колесницах. И мы за полночи успели благополучно перебраться в густые прибрежные леса, где оказались как в раю. Там были и фрукты, и дичь, и пресная вода, и все, что душа пожелает. Этот островок перед вами. Нам нужно только немного денег, необходимые инструменты и свобода, которую можно дать людям, устроив им ночь любви без кандалов на этом же острове... А рано утром надо все поджечь, чтобы ветер и дым скрыли наш побег. И еще надо, чтобы корабли стояли в море подальше от острова.

— Что ты так долго делал у хеттов? — спросила Хурсана. — Судя по твоим глубоким познаниям в нашем неимоверно трудном для других народов языке, ты или с детства жил с хеттами, или десятки лет находился среди наших согламенников.

– Это длинная история, но раз ты спрашиваешь, то, я думаю, делаешь это не из праздного любопытства. Да, я действительно родился в хеттском поселке, в долине реки Нил, недалеко от великих пирамид Гизы. Правда и то, что ваш язык очень труден для представителей других народов, но только не для ассирийцев. Вы никогда не общались с ассирийцами и не знаете, что наши языки очень похожи. И в хеттском и в ассирийском языках есть много слов общего значения. Кроме языка, есть еще и много другого, что нас очень тесно связывает. Например, мне, свободно говорящему на двух этих языках, трудно определить, где хеттские, а где ассирийские сказки и притчи. Очевидно, наши народы долго жили рядом или вместе находились в составе какого-то древнего государства. И сейчас, хотя правители из злорадных интересов порой и разжигают вражду, простой хеттский и ассирийский народы глубоко уважают друг друга, поскольку корни у нас с вами одни. И любой ассириец всегда знает, что вернее и преданнее друга, чем хетт, на свете не бывает.

Рано осиротев и оставшись один в родительском домике, я выжил только благодаря хеттскому хабле¹, по законам которого все жители нашей улицы несли ответственность за воспитание осиротевшего мальчика. Соседи поочередно меня кормили, никто из них не спрятывал своим детям обнову, пока не сошьет мне новую одежду, никто не ложился спать, пока не удостоверялся, что я ужинал. Каждый посевной сезон соседи помогали возделывать мой небольшой участок, а соседские женщины обмазывали и белили мой домик, как и свои, после падения уровня воды в Ниле.

Основным занятием жителей нашего поселка, что находился на возвышенности нильской излучины, было обслуживать охрану пирамидной воды.

– Какой пирамидной воды? – удивилась Хурсана.

– Дело в том, – продолжил ассириец, – что пирамиды являлись кладовыми для питьевой воды. Многие думают, что это надгробия фараонов, но это не совсем верно, хотя каждая пира-

¹ Х а б л е – квартал (адыг.).

мида носит имя ее создателя-фараона и является ему памятником. Они имели другое значение. Ведь пирамиды состоят из миллионов белых, мягких известняковых глыб. Каждый раз Нил, поднимаясь, заливает их, причем вода поднимается очень медленно за сто дней и так же медленно спадает. За это время известняк пирамид вбирает в себя воды Нила и, процеживая, пропускает сквозь себя. После полноводной весны наступает засушливый сезон, и по всей стране люди, испытывая жажду, вынуждены пить солоноватую, мутную, загрязненную трупами животных воду Нила или, в лучшем случае, черпать ту же солоноватую воду из глубоких колодцев. Поэтому они стремятся к прохладной и чистой питьевой воде, которую хранят пирамиды до следующего половодья в Ниле. Эту воду продают жителям безводных пустынь, и они увозят ее в больших сосудах целыми караванами. По всему Египту старшинам строго предписано собирать кувшины и посыпать их в Мемфис к пирамидам. Там их заполняют живительной водой, которая долго не портится, и развозят по всей пустыне. Это удивительно вкусная и полезная вода, она способна исцелять от болезней. Например, кости человека, который пьет пирамидную воду, становятся очень прочными, как железные; молодость и сила сохраняются надолго, сердце никогда не болит, а волосы и зубы не выпадают (см. примечание в конце книги).

Так вот, жители нашего поселения охраняли, чистили и разливали эту воду и благодаря такой постоянной работе и земледелию жили неплохо. Когда мне исполнилось двадцать лет и настала пора жениться, соседи собрались и спросили, есть ли у меня на примете хорошая девушка. К несчастью, я ни в кого не был влюблен. Тогда старики посоветовали мне поехать к своим в Ассирию и жениться на соплеменнице, привезти ее в свой домик, и таким образом мой род не растворился бы среди хеттов.

Они как родного сына снарядили меня в дорогу, дали хорошую одежду, лихого скакуна, денег на калым и пообещали следить за хозяйством до моего возвращения. Воодушевленный такой поддержкой, я с великим радостью поехал в Ассирию, на родину моих отцов. Меня провожали всем поселением, но особенно запомнились большие, синие и очень грустные глаза моего друга

детства Ятчча, сына соседского добряка и силача Ахомгота. Ятчч был мне больше чем друг, я считал его своим братом. На прощанье мы обменялись с ним ножами в ножнах, и я спешно выехал, стараясь не вымывать душу себе и другим долгими проводами.

Но в Ассирию я попал в недобрый час – вся страна усиленно готовилась к войне с Вавилонским царством. Алчность и кровожадность затмила глаза моему народу. Возможность безнаказанно уничтожить чужое великое достояние и желание захватить несметные богатства, созданные многовековым трудом, помутили сознание ассирийцев. Я так и не женился там. Да и не нашлось невесты, которая согласилась бы выйти замуж за землепашца и уехать на чужбину. Все молодые девушки Ассирии грезили о юношах-воинах, командах-десантниках, сотниках, тясячниках, которые уйдут в поход и вернутся с богатыми трофеями, в золоте, тканях, со стадами скота и толпами рабов. Каждая девочка мнила себя в скором будущем госпожой, рабовладелицей и правительницей отвоеванных ее женихом владений и земель. Воспитанные во мне хеттами мягкость, тактичность и доброта воспринимались ими как нечто позорное, не свойственное мужчине.

Нужно быть правдивым и признаться, что я тоже был слишком молод, плохо понимал то, что вижу. Я хорошо помнил, как мой отец в минуты тоски по родине возносил до небес все ассирийское, так родное и близкое ему. Потому я, вернувшись к своим и достигнув того, о чем мечтал покойный отец, не смог опуститься с небес на гречную землю. Одурманенный всем происходящим, я последовал совету дальних родственников, которых мне удалось разыскать, и вступил в армию Тикульти-Никурты¹. Поступив на службу, я понемногу продвинулся и через шесть лет был уже авторитетным сотником. Но когда прошел дурман молодости и вернулась способность думать, я постепенно начал вспоминать свое хеттское воспитание и вскоре заметил перемену в отношении ко мне военачальников. Еще бы! Система слежки была хорошо отлажена, я ощущал ее спиной. Я понял, что на мою Ассирию никакой Вавилон не собирался нападать первым,

¹ Тикульти-Никурты I – ассирийский царь, около 1250 г. до н. э. взял в плен вавилонского царя.

а я не был намерен больше убивать и отнимать чужое. Армия стала мне в тягость. Мне не нравилось, что ассирийцы только и делали, что провоцировали всех соседей на конфликт, нападали на пограничные посты и докладывали своим начальникам то, что они хотели услышать. Мол, сколько можно терпеть наглость этих шумеров, вавилонян, хеттов, урарту и других, они опять напали на нас и изрубили наших спящих воинов, поэтому пришлось отбиваться...

У меня появилось непреодолимое желание вернуться к своим хеттам, в свой родной уютный домик, снова пахать и сеять, ухаживать за пирамидной водой, а там уже подросла сестра моего друга Ятеча и дочь Ахомгота, я мог бы попросить ее руки и на всегда забыть дорогу в Ассирию. Но этим мечтам не суждено было сбыться...

Однажды, под самое утро, во время восхода утренней звезды, мы в две сотни напали на пограничный отряд египетских хеттов, которых было около двух десятков. Меня разбудили перед самой атакой, и я спросонья не понял, что это хетты. Мы напали внезапно, но хетты не дрогнули и не опустили головы. Они оказали отчаянное и очень организованное сопротивление, успев отослать вестника в свою армию. Еще до рассвета мы справились с хеттским отрядом, а я погнался с одним из своих воинов вслед за отправленным гонцом, хотя было мало надежды догнать его. Убегающий скрылся за холмом, а мы с моим спутником разделились, так как невозможно было угадать, куда свернет скрывшийся хетт. Когда мы объехали холм с обеих сторон, я увидел, что мой воин и хетт уже сошлись лицом к лицу. Оказывается, тот сбавил ход и поджидал нас, зная, что мы разделимся. Совершенно неожиданно он вдруг развернулся и атаковал моего спутника, изловчившись, разрубил ему шлем и голову. После этого хеттский воин остановился, чтобы подпустить меня поближе. И только подобравшись на безопасное расстояние, я узнал в нем друга детства! Да, это был Ятеч, сын Ахомгота! Я стоял как вкопанный, не смев поднять голову, а слезы отчаяния и раскаяния текли по моим щекам.

У него в руках был лук, а в колчане еще оставались стрелы, так что он спокойно мог убить меня. Долго я стоял, не шевелясь

и не готовясь ни к атаке, ни к сопротивлению. Но он не стрелял, и я чувствовал, что он таким образом выражает свое презрение. Когда я, наконец, осмелился взглянуть ему в глаза, я увидел, что Ятч полез за пазуху своего плаща и достал оттуда небольшой предмет, который поднял высоко и показал мне, затем, не слезая с лошади, наклонился и воткнул в кучу земли, издали казавшуюся нарытой кротом. После чего Ятч развернулся ко мне спиной и уехал прочь, выполнять свой печальный долг вестника смерти боевых товарищев.

Я медленно подъехал к месту гибели своего соплеменника и разглядел тот предмет. Это был мой юношеский нож, который я когда-то отдал Ятчу в знак братства! Он был воткнут в кучу конского навоза. В этот момент впервые в жизни я понял, как велик, бесконечен и жесток мир, как ничтожен, мал, одинок и чужд всем и всему в этом мире...

С того места я повернул своего коня прочь от границ Ассирии, Египта и хеттов на побережье к лидийцам и финикийцам, где еще не было опасности встретиться с ассирийцами и хеттами. Долгие годы разбойничал на трех морях, пока не попал в плен к грекам. Они приковали меня к веслам, и если бы не ваш поход на Афины, я сгинул бы на цепи, как и подобает собаке...

А теперь мне хочется вернуть хеттам хоть немного из того, что я им задолжал, поэтому я с большим удовольствием помогаю вам.

Хурсана выслушала этот захватывающий рассказ молча, не перебивая.

— Быть посему. Я последую твоему плану, Гассур, — сказала она, когда одноглазый гребец замолчал. — Но помни, об этом никто не должен знать, пока вы не окажетесь на том острове! Можешь идти.

* * *

Весь следующий день над кораблями витало тревожное напряжение. Гребцы чувствовали, что с ними хотят покончить, поскольку все знали, что суд никого не оставляют в живых. Очень скоро гребцы станут лишними для империи, как и корабли, которые будут сожжены, чтобы за ними не было лишних охотни-

ков. Войско амазонок пойдет обратно сухопутным путем. И гребцы уже открыто говорили, что настает их последний час.

Молодые амазонки молча наблюдали за работой гребцов, которые уже как неживые, скрипя зубами, механически двигали веслами. К полуночи усилились наряды караульных, и амазонки начали уже вслух возмущаться, требуя прощальной ночи любви с понравившимися гребцами. Когда к вечеру показался лесистый островок, Дахазиля дала сигнал «Следовать за мной!», и вся армада обошла остров кругом и встала на якорь почти у самой кромки суши. Последовал гулкий лязг цепей, и освободившиеся гребцы попрыгали в воду, где мылись и плескались целый час. Вскоре горячим амазонкам объявили ночь любви, и они, побросав все лишнее, тоже прыгнули в воду, а потом, выбрав себе пару, разбежались кто куда. С собой они взяли бурки и кое-какие свертки – видимо, хотели угостить своих возлюбленных чем-нибудь вкусненьким напоследок.

Глубокой ночью, когда на острове все стихло, Дахазиля дала световой сигнал кораблям отступить от берега в море на сто длиин, так как начинавшийся отлив мог внезапно лишить их маневренности.

…Утро началось с паники. Не было ни амазонок, изъявивших желание провести ночь с гребцами, ни самих гребцов, казалось бы, на время побросавших свои кандалы, и даже следов их победы не осталось. Изумленные уд собрались на срочное совещание, но так и разошлись по с чем, обвиняя друг друга в глупости и недальновидности. Когда уже днем были подсчитаны убытки, выяснилось, что империя лишилась почти двух тысяч воительниц, тут же объявленных предательницами, да еще имущества, которое каждая умудрилась с собой прихватить. Особенно много пропало инструментов и тканей.

«Ну что ж, люди хотят жить по-людски! – с удовлетворением подумала Хурсана. – Им повезло. Но если вдруг мы с Дахазилем снова когда-нибудь их увидим, как они нас встретят? Ведь все уверены, что это им самим удалось сбежать, якобы мы упустили их из-под носа! Что ж, скажу... Мы с подругой отпустили на сторону больше пяти тысяч своих языческих сторонниц, и никто не знает, что мы им помогли! Это и влюбленные, и просто може-

лавшие жить вне чудовищной империи, да и несчастные лесбиянки, которым уже не поможешь. А сейчас мы идем домой практически без поддержки, и кто знает, что нас ждет...»

Такие же мысли терзали и Дахазилию. Но особенно думать и гадать времени не было, она дала команду подобраться к острову и поджечь его на всякий случай, как и договаривались накануне. Когда несколько человек, выполнив команду, на лодках подплыли к берегу, из ближайших кустов, шатаясь, вышел одноглазый ассириец, который был явно чем-то встревожен. Дахазилия с кормы корабля увидела, как Хурсана перехватила его и они вместе подошли к флагману. Подплывшая лодка выпустила Хурсану и одноглазого пирата, который тут же попал на допрос к уд. Но это длилось недолго, потому что Гассур клялся, что ни одна амazonка не выбрала его для любви, хотя он вовсю хвастал своими достоинствами и умением, с горя он напился греческого вина и уснул. Теперь он просит пощадить его и высадить на какой-нибудь ближайшем и мало-мальски удобном для остановки берегу, только не оставлять на этом злополучном острове. Уд готовы были выместить на нем все зло и накопившуюся обиду, но Дахазилия, сообразившая по одному только непродолжительному взгляду Хурсаны, что этот хитрый ассириец остался не зря, отвела от него месть разозлившихся уд.

Когда, наконец, все забыли об одноглазом гребце и собирались дать команду о поджоге острова, ассириец шепнул Хурсане:

– Не поджигай остров, там все равно никого уже нет. И, пожалуйста, найди возможность поговорить со мной до отхода кораблей.

В то время, когда одноглазый ассириец говорил ей это, прощеживая слова сквозь редкие зубы, Хурсана заметила, что одна из старших уд, плохо скрываясь и делая отсутствующий вид, подслушивала их. Она тут же избавилась от лишних ушей, подозвав к себе одну молодую амazonку и приказав «выдать этой пьяни еще немного вина и запереть в какую-нибудь каюту до ее полного пропрезвления». Когда все укрылись от палящего солнца в тени и прохладных каютах, Хурсана нашла возможность поговорить с загадочным ассирийцем.

Старый пират рассказал, что ночью он поднялся на вершину сопки, господствующей на острове, и заметил множество кораблей, идущих за амазонками. Пока они не приближаются, стараясь оставаться незамеченными. Вероятно, ждут удобного момента для нападения.

— Их очень много, — говорил Гассур. — Очевидно, слух о несметных богатствах, которые вы везете, привлек их. И вы не сможете уйти без боя, потому что стоите на губе Эвксинского Понта. Они в любом случае имеют возможность пойти наперевес и оказаться раньше вас у выхода из этой губы. Поживиться вашей добычей намерены опытные и хитрые пираты, это видно невооруженным глазом. Я понял это по их маневрам. Они многое умеют, и вряд ли вам удастся их перехитрить, если не используете один прием, который я вам предлагаю.

— Но почему же ты, уже свободный человек, не убежал? — удивленно спросила Хурсана. — Мы ведь можем держать бой перед любым врагом и до сих пор не проявили слабости и трусости!

— Я не убежал только потому, что хочу ответить добром на добро. Я не спорю, на суще вы беспредобные воительницы, но у вас мало опытных флотоводцев, способных противостоять этим морским волкам. Пираты не станут с вами честно драться, они просто подожгут ваши суда. Это просто грабители, им нужна только добыча, а не военная победа, и они используют такие маневры, которым вы еще не научены.

— Значит, ты остался потому, что хотел нам помочь?

— Совершенно верно, моя госпожа! Я знаю, как их можно завлечь и сжечь. Дело в том, что их лазутчики на легких лодках сейчас наверняка плывут по береговой линии. И я бы попросил их пока не трогать, а внимательно проследить за ними. Уверен, что они не знают о широкой косе, которая откроется ночью при отливе, поэтому вам надо оставить корабли в таком положении, как они сейчас стоят, и таким образом дать возможность пиратам спрятаться от вас за островом, чтобы они встали на эту косу. Еще я рекомендую до наступления темноты нарезать как можно больше можжевеловых ветвей на этом острове и сложить их так, чтобы ночью с их помощью поджечь корабли пиратов, оставаясь

на безопасном от стрел расстоянии. Для этого нужно прикрепить гирляндой вязанки можжевельника к цепям, которыми мы были прикованы, их на ваших судах предостаточно.

— А среди них не окажется таких же опытных, как ты, моряков? — спросила Хурсана, одолеваемая сомнениями.

— Об этом можешь не переживать. Та наша команда со старым финикийцем, показавшим нам это место, после неудачного нападения вся уже на дне моря. Лишь меня одного тогда подобрал аттический корабль, проплыvавший мимо того места спустя два дня. И с тех пор я влакил тяжелую жизнь раба, пока боги не послали мне вас!

* * *

После разговора с бывальным ассирийцем Хурсана тут же созвала экстренный совет уд, которые долго судили-рядили, опасаясь допустить еще один просчет, как с беглыми амазонками и гребцами. Но теперь они сами были в положении притесняемых и вынуждены были искать единственно верное решение. Поскольку не находилось других возможностей, пришлось идти на риск и согласиться с предложением Хурсаны, которое она сделала по подсказке ассирийца. При этом каждая из двенадцати уд поставила свою речь так, что никто не сказал убедительного и решающего слова, как бы снимая с себя ответственность в случае поражения.

Последней в разговор вступила Адиса — самая молодая из присутствующих, но умная и сообразительная девушка. В свои пятнадцать лет она добилась участия в столь дальнем и трудном походе, что само по себе было достижением. А на совете уд ей было разрешено находиться по уставу амазонок, в котором оговаривалось присутствие самой младшей из воительниц, чтобы перед решающим словом старшей она тоже высказалась свое мнение.

Адиса вышла на середину, чтобы все ее видели. А там было на что посмотреть: лучисто-сероглазая юная красавица со стройными, чуть загорелыми ногами, девичий стан затянут в доспехи, каштановые, слегка вьющиеся длинные волосы выглядывают из-под блестящего шлема. Не то что мужчины, даже видавшие виды старухи-уд смотрели на нее с восхищением.

— На правах младшей амазонки этого совета прошу меня выслушать, — заговорила Адиса серебристым грудным голосом. — Я знаю, что меня могут не послушать, но за свои слова несу такую же ответственность, как и старшие члены совета. Предлагаю поступить так: пусть каждая из нас скажет прямо, принимает она или не принимает план ассирийца. Если позволите, я объясню. Мне кажется, что на этом совете многие не понимают, какая угроза нависла над нами. На нас идут не с пиками и мечами, а хотят окружить и сжечь прямо на воде. Это же морские волки, против которых нам нечего выставить! Мы на кораблях только умеем передвигаться по морю, никакого стратегического и тактического опыта по ведению морского боя у нас нет. Я понимаю, многие из здесь присутствующих хотят использовать трудную ситуацию, чтобы «съесть» двух наших предводительниц — Хурсану и Дахазилию. Но такого случая не будет, потому что живой выбраться никто не сможет — мы все обречены. Поэтому каждая из вас должна сказать «да» или «нет».

Все уд молчали, пребывая в шоке от сказанного этой девчонкой: такая сопливая, а какие мысли излагает!

Тогда встала Дахазилия — старшая по управлению на море — и сказала:

— Я прошу разрешить мне самой принять решение. И, пользуясь своим правом, которое было дано мне на этом же совете ранее, хочу объяснить свой выбор.

Уд облегченно вздохнули, мол, нашлась та, кто берет на себя всю ответственность, и закивали головами. Хурсана отдельно попросила слова и напомнила, что речь идет об исключительных полномочиях. По установленному закону предводительница похода вверяется жизнь всех остальных, и только она отвечает за исход дела. Хурсана предложила еще раз проголосовать за то, чтобы дать исключительные права Дахазиле, и сама же первая подняла руку. За ней последовала Адиса, потом постепенно и другие, а когда проголосовавших «за» стало больше половины, оставшиеся нехотя вытянули руки, подтверждая, таким образом, неограниченную и исключительную власть Дахазилии.

— Несправедливо, что я распоряжаюсь жизнью каждой из вас, — молвила в ответ Дахазилия. — Особенno это касается тех, кто меня

терпеть не может, от кого исходит вражда. Я не могу радоваться своей власти хотя бы потому, что знаю многих, кто роет мне яму по возвращению домой в крепость. Мне известно, что многим не по душе, как мы с Хурсаной управляем, хотя ни одной битвы мы до сих пор не проиграли. Я хорошо помню, что не мы убивали царицу Антейпху у стен афинского храма, не отправили голову Тесея вслед за ее головой в море. Именно этого мне не простят, и за мое низвержение вы проголосуете с еще большей охотой и гораздо дружнее. Думаю, вы обвините нас и в том, что мы вчера устроили побег всем влюбленным на наших кораблях. И вы определенно вспомните это на высшем совете империи. Я не могу быть рада такой власти еще и потому, что воспользуюсь ею слишком жестко, но не могу и отказаться – потому что вы мне уже дали эти полномочия.

Она высоко подняла голову и возвысила голос.

– Поэтому властью, данной мне высшим советом уд, я, Дахазиля, дочь еороки, провозглашаю: с этого момента и до возвращения в родные крепости право распоряжаться и чинить единоличный суд я отдаю, оставляя за собой половину ответственности за ее поступки...

С этими словами она сняла с груди бриллиантовый орден – символ власти амазонок. Все повернули головы в сторону Хурсаны, но их предположения не оправдались. Дахазиля подошла и повесила орден власти – на Адису! Уд в гневе задрожали, но сумели сдержать эмоции...

Когда Дахазиля и Хурсана вывели новую предводительницу на верхнюю палубу, чтобы представить всем, на кораблях поднялось ликование, сопровождавшееся выкриками: «Аферим! Адиса, аферим!» Дахазиля поняла, что сегодня одержала самую крупную победу за весь этот поход. Взгляд Хурсаны, в котором играл скрытый огонек восторга, тоже говорил об этом. Адиса, стоявшая между подругами, чуть склонила их головы к себе и одновременно обеим на ушко сказала:

– Мне известно, что вы всегда читаете мысли друг друга. Я не желаю больше таиться и хочу, чтобы вы знали – я тоже читаю ваши мысли и полностью с ними солидарна.

— Тем легче будет нам троим, — то ли сказала, то ли мысленно передала Хурсана, и девушки весело рассмеялись.

...Дахазиля и Хурсана знали Адису с детских лет, хотя онаросла в другой крепости. Ее способностями восхищались и раньше, но в этом походе юная амазонка стала всеобщей любимицей. «Настолько же умна, насколько и красива», — говорили о ней сестры. В боевом искусстве ей не было равных среди сверстниц, а на прошлогодних весенних состязаниях по бегу она оказалась быстрее непревзойденной Гуашаней, которая двенадцать лет подряд никому не отдавала первенство. Адиса тогда оказалась не просто быстройшей, но еще внимательной и чуткой. Когда Гуашаней споткнулась и упала, Адиса, бежавшая впереди всех, обернулась на шум, вернулась, помогла ей подняться, отряхнула и до финиша успела обогнать всех, кто ее опередил.

Быстрыми были не только ее ноги. В единоборствах она носила такие удары, о которых противница узнавала лишь спустя пару мгновений, а зрители — по звуку рассеченного воздуха. Ее же невозможно было поймать на удар. В битве под Афинами, казалось бы, она просто скакала на лошади, а вокруг нее воины почему-то падали, умирая от невесть откуда взявшихся ран. Кстати, именно Адиса, играя и шутя, придумала трюк с мокрыми бурками во время боя у Мраморного моря.

После нескольких месяцев наблюдения за юной воительницей Хурсана и Дахазиля поняли, что она не такая, как все, душа ее гораздо чище и светлее, чем классический продукт империи. Ум и очарование Адисы сочетались с совершенно иными принципами, ничего общего не имевшими с тем, чему ее учили. Адиса сберегла в себе именно ту красоту, которую империя пыталась выжечь в девичьих душах.

Полностью доверяла Адисе и прежняя царица, незабвенная Ипполита. Когда нужно было договориться с каким-нибудь правителем о пропуске войск, о закупке продуктов, фуража или провести другие торговые и политические переговоры, она часто посыпала Адису. Там, где появлялась эта ослепительная девушка, мужчины никого и ничего более не замечали, завороженно на нее глядя и вслушиваясь в журчание ее серебристого голоска, и оста-

вались в таком состоянии еще час после того, как Адиса удалялась с победой.

Однажды, еще в начале похода, когда на корабле властвовала всеобщая похоть, Дахазиля и Хурсана заметили, что среди осаждавших от любви амазонок нет Адисы. Она спокойно разгуливала по палубе, и никто из гребцов или других рабов к ней не приставал. Дахазиля не поняла, что у нее на уме, и полушутя спросила: «Посмотри, какие парни, почему не выберешь себе кого-нибудь?» Адиса так же спокойно ответила, что намерена отдать свою девственность только супругу и никому более, и прошла мимо, загадочно улыбаясь Дахазилю, которая от этих слов почувствовала себя совершенно голой на людном месте. «О, боги! – подумала она. – Эта девчонка читает мои мысли. Она настолько уверена во мне и не боится, что я окажусь не той, кому можно говорить такое!» Спустя некоторое время Дахазиля рассказала обо всем Хурсане, и та очень серьезно сказала, что Адиса, видимо, все поняла про их собственные мысли и ищет доверия подруг.

Но до нынешнего совета у них не было случая выразить Адисе свое отношение и принять ее в круг доверия. Лишь сегодня Дахазиля сделала пятнадцатилетнюю девушку на полсотни лет «старше», назначив ее новой правительницей амазонок этого похода и вручив ей ответственность за судьбу сестер – заодно отобрав такую ответственность у старых ул. При этом подруги остались спокойны и за свою участь: ведь спасаться от пиратов-преследователей они будут верным способом, подсказанным старым ассирийцем. «И как ловко она подтолкнула меня к собственному спасению!» – думала Дахазиля, про себя изумляясь дальновидности девушки.

Тем временем Адиса действовала просто и четко. Она послала большой отряд рубить можжевельник с недоступной для вражеского обзора стороны острова. Амазонки быстро навязали множество снопов, скрепляя их медными цепями убежавших ранее рабов, приготовили огромные гирлянды и разложили на песчаной отмели. Затем по морю растянули их от берега к кораблям, и вскоре пятьдесят снопов можжевельника было спрятано за судами, которые стояли, вытянувшись в овал. Войско стало ждать наступления темноты, а вместе с ним отлива. Сумерки только

стущались, когда наблюдатели с острова донесли, что галеры пиратов постепенно выходят из тени береговой линии и выстраиваются точно по тому месту, где находится песчаная коса, чтобы оставаться незамеченными с кораблей амазонок. Они собирались, прячась за островком, приблизиться к амазонкам и одновременно поджечь все их корабли горящими стрелами, но это оказалось невозможным из-за очень быстрого отлива, который лишил корабли хода. Шесть самых больших кораблей амазонок по глубокой воде поплыли к вражеской эскадре, таща за собой по воде можжевеловые гирлянды. Они обогнули весь флот, оставаясь на безопасном от стрел расстоянии, и начали сужать связки вокруг пиратских галер. Приближающиеся в темноте огромные черные споны пиратам показались сверхъестественными чудовищами, а всем было известно, что амазонки способны на колдовство. Слухи об этом разнеслись после недавнего побоища возле Мраморного моря. Перепугавшись, морские волки начали пускать наугад огненные стрелы и быстро подпалили остававшиеся внутри сухими можжевеловые вязанки, которые все ближе подтаскивались к галерам, стоявшим уже почти на мели. Все вокруг осветилось. Пираты поняли, что сами себя подожгли, и начали метаться, черпая воду от бортов, при этом становясь открытой мишенью для амазонок.

В самый разгар битвы, когда по открывшейся косе пираты стремглав убегали с горящих кораблей в лес на материк, случилось неожиданное. Навстречу врагу выскочил потерянный отряд амазонок-беглянок! Они быстро довершили дело, перебив всех пиратов до начала прилива. Затем отряд скрылся обратно в чащу, не забыв до этого выстроиться на берегу лицом к кораблям амазонок и трижды ударить о свои щиты мечами, выражая почтение к старшим и чувство исполненного долга. Они исчезли с первыми лучами восходящего солнца, как будто и не появлялись. Словно чья-то невидимая рука по воле богов помогла амазонкам, что оставались на кораблях.

Не желая с этим просто так мириться, на палубу флагмана, где, воодушевленная победой, стояла лучезарная Адиса, выбежали все двенадцать уд и стали требовать догнать предательниц и отдать их на суд высшего совета.

— Кто это здесь носится и мешает мне командовать? — строго спросила Адиса, выгнув при этом правую бровь. — Еще одно слово, и велю вас всех арестовать и выбросить в море за неподчинение и прекословие предводительнице!

— Да здравствует царица Адиса! — выкрикнул кто-то, и на этот голос эхом откликнулись амазонки на всех кораблях.

* * *

Оставив на рассвете догорающие корабли и пленных под присмотром беглянок на берегу, флот амазонок снялся с якорей и, гонимый легким и прохладным ветерком, тронулся дальше в путь в сопровождении стайки дельфинов — хорошая примета у мореходов.

Заметив на одном из кораблей флотилии группу пиратов, Даахазиля спросила у Адисы, что это значит. Та ответила: «А-а, это рабы одноглазого ассирийца. Когда доберемся до родных берегов, он собирается комплектовать команды на три корабля, которые я ему обещала по прибытии. А эти пленные станут его гребцами. Не всю жизнь им пленять других, пусть и сами побудут в плена у нашего старого моряка».

Уже без забот и обязанностей руководителей похода Хурсана и Даахазиля предались простому человеческому отдыху в мягких греческих лежаках в своей каюте на двоих.

В один из таких спокойных дней Хурсана, задумавшись о прошлом, настоящем и будущем, спросила у подруги:

— Ты хоть понимаешь, что мы наделали? Отпустили наших единомышленниц и сделали непримиримыми врагами оставшихся. Как нам вообще удалось выйти из этой ситуации живыми? И как быстро все решила Адиса и, главное, верно! Все войско пойдет за ней в огонь и в воду не задумываясь. Она действительно подобна богине, дарующей радость и свободу. Я уверена — она именно та амазонка, которая сейчас нужна империи и нам!

— Кого обсуждаете? Меня? — неожиданно вошла Адиса и, сбросив с себя оружие и доспехи, плюхнулась между подругами. — Ну и кто же я, по-вашему?

— Как знать! — рассмеялись старшие. — Говорят, если хочешь узнать человека, побудь под его началом.

— Так кто же я, выкладывайте? А то довольно одного моего слова, и кто-то из вас опять станет царицей!

— Ой, нет! Только не это! — еще сильнее расхохотались женщины.

— Нам никак нельзя расслабляться, — уже всерьез продолжила Адиса. — Вы тут все так запутали, что я даже не знаю, где искать концы. Вы отпустили на волю самых свободолюбивых, на кого можно было положиться, а теперь с оставшимися уда спешите домой к остальным. Или разрешите мне утопить всех уда, или давайте вместе искать выход. Все мы думаем одно и то же по поводу будущего империи, но нас мало. Если нас хоть в чем-то заподозрят, то сотрут в порошок. Мы наберем по десять тысяч союзниц, но у империи еще сто пятьдесят тысяч воительниц! Что делать будем?

— Ты явно знаешь, что надо делать. Поэтому не томи, а выкладывай сразу. Не мучай наши старые мозги, — сказала лениво Дахазилия.

— Да, я знаю, что делать, но не могу и не хочу! А вы можете, но, кажется, не очень хотите!

— Говори прямо и коротко, о чем ты думаешь, — повторила Дахазилия, уже немного напрягшись.

И вдруг одновременно с Хурсаной они вскочили и уставились на Адису:

— Неужели? — выдохнули они вместе.

— Да, я не могу это сделать, потому что хочу выйти замуж девственницей, а вы можете, но не хотите рожать! Рожать нам надо! Притом и девочек, и мальчиков, пользуясь тем, что мы не дома в крепости, пока эти уда только тем и занимаются, что блюют в море, свесившись через борт. Я всех обошла и осмотрела, на кораблях нет ни одной беременной, которая родила бы раньше чем через четыре месяца. А нам нужны дети, чтобы привезти домой 36 тысяч соратников, только тогда империя дрогнет! И к нам перейдут еще тысяч двадцать пять амазонок, а еще все наряды, это я гарантирую, которых будет тысяч сто. Вот тогда я объявлю, что хочу выйти замуж и назначаю турнир. Но главное сейчас — разбудить чувство материнства, поэтому найдите мне беременную

амазонку! Хоть возвращайтесь на Италийский полуостров, там, наверное, уже есть на подходе.

Долго еще воительницы ломали головы, а уже вечером, когда они стояли на палубе, к ним подошел ассириец и попросил слова.

— Что еще ты хочешь у меня выторговать, старый вор? — спросила Адиса своим бархатисто-нежным голосом.

— Ничего, ничего! Разве старый Гассур может просить и даже подумать больше, чем богиня Адиса дает. Ее щедрость не имеет границ и не охватывается воображением.

— Ну, хватит, переходи от слов к делам. А то ты своими обходными маневрами разозлишь меня вконец, и я тебе не дам и половины того, что обещала.

Ассириец на миг потерял дар речи, потом быстро заговорил:

— О, не сердись, великолушная царица! Теперь у меня есть все, и мне больше ничего не нужно, но я хочу сказать, что не надо так увлекаться сжиганием кораблей. Они такие ценные, старый Гассур мог бы их очень выгодно продать, а все вырученные деньги отдал бы вам.

— Ах ты, старый хитрец, ты еще со мной торгуешься! Раз так, давай по-честному: даю три корабля за каждую беременную женщину.

Ассириец открыл рот от удивления.

— У меня есть все, но беременные женщины только у вас. И не на три корабля, а на все шесть.

Тут его локоть больно сжала Хурсана, и ему пришлось, вскрикнув от боли, замолчать. Ассирийца быстремко затащили в каюту и велели говорить. Гассур рассказал, что есть две полненькие амазонки, которые работают на корабле, в отсеке, где расположена греческая кузница, там же они и прячутся. Когда выходили в поход, они еще не догадывались о своем положении, а возможностью убежать не воспользовались, потому что побоялись остаться одни с детьми на руках. А теперь сидят и плачут, не зная, что делать.

— Об этом никому ни слова! — жестко сказала Хурсана. — А шесть кораблей можешь считать своими.

— Но вы же не убьете их детей, не сделаете меня на старости лет великим грешником? — спросил ассириец. — Мне не будет

мил и сладок даже весь флот в подарок, если вы с ними поступите так жестоко.

— Успокойся, Гассур! Даём тебе слово, что не хотим никого убивать, — заверила Дахазиля.

Выпроводив старого ассирийца, все три воительницы молча смотрели друг на друга, пока Адиса не произнесла:

— Я думаю, надо немного переждать. Остановимся где-нибудь на берегу, разобьем лагерь, займемся рыбной ловлей и охотой, да и хеттам будет приятно наше временное соседство. Мы уже два с лишним месяца безвылазно качаемся на волнах, а это как раз очень плохо для первых месяцев беременности. Если не сделать передышку, можно навредить не только будущим детям, но и матерям. А посему повелеваю построить летний лагерь на побережье, а самим порыбачить и поохотиться на наших судах целый месяц. Кто нам сможет помешать в этом? Мы уничтожили почти весь флот близлежащих трех морей. Кузницу с основной массой воительниц тоже надо перенести на берег, я полагаю. Пусть немного отдохнут — они заслужили. Да и вообще — чем дольше нас будут ждать дома, тем больше обрадуются и лучше встретят!

Дахазиля и Хурсана в который раз поразились уму и смелости этой девочки. Адиса хорошо понимала, что даже кратковременное общение с родными детьми круто переменит характер амазонок и сведет на нет результаты продолжительного зомбирования и внушения имперских устоев. Ловко Адиса рассчитала: она устроит так, чтобы амазонки успели понянчиться, поиграть со своими детьми — ведь в полевых условиях этого за них никто не будет делать. И тогда все тридцать тысяч воительниц наши! Но перед этим надо надежно усыпить бдительность совета уд.

Система воспроизводства (иначе не назовешь) в империи амазонок была так упорядочена, что в годы впечатлительной юности девочкам не показывали не только человеческие роды, но и всячески ограждали их от созерцания того, как это происходило у различных животных. Само по себе убить материнский инстинкт это не могло. И уд усиленно работали над тем, чтобы мать и дитя после родов не видели друг друга, стараясь при этом загубить все проявления нежности и привязанности. Кому-то

это было удобно – родила и смело пошла дальше. Видимо, просто были и есть женщины, у которых материнское чувство почти атрофировано.

Используя тонкие психологические приемы, избыток энергии амазонок направляли на войну и свободную любовь, радикально подавляя в них чувство ответственности. Они даже не задумывались с том, что происходит с их детьми. Поэтому всех амазонок любого возраста называли своими сестрами, до-черыми сороками.

Кроме того, в империи было распространено особое по своей дикости понимание культуры. Воспевался, пропагандировался и превозносился культ жестокости и порядка, а мягкость, нежность, жалостливость и привязанность считались признаками невежества и невоспитанности, проявлением слабости и малодушия. История знает существование городов-полисов с такими обществами, которые легко и безболезненно освобождались от детей с врожденными дефектами и слабым здоровьем, от постаревших родителей, неспособных себя содержать. Стариков сажали в специальные корзины и спускали с высокого обрыва, детей сортировали на здоровых и слабых в древних государствах Спарты, Рима, у хеттов и японцев. И это лишь те факты, что дошли до нас, а сколько в истории белых пятен...

Амазонкам с рождения внушалось чувство превосходства над иными – якобы невежественными – народами. Собственно, так оно и было во многих отношениях. Амазонки твердо знали, что для выживания племени нужно много рожать, а затем применять законы селекции, отбирать тех, кто быстрее вырастет и станет воительницей, воспитать в девочке только те качества, которые не будут ее отвлекать от основной программы – выживать в битве и производить себе подобных.

Три царственные подруги хорошо понимали, что у них нет шансов разом победить империю, но были твердо убеждены в том, что сделают великое дело, если просто заронят в душу амазонок искру свободы. Эта искра будет жить, все больше разгораясь, и когда-нибудь воспламенится, приведя к неминуемому взрыву. Никакому внешнему врагу не под силу победить эту адскую гидру – ее можно только взорвать изнутри!

Дахазилия объявила приказ о том, что войско амазонок разбивает временный прибрежный лагерь, чтобы облегчить положение беременных сестер, а заодно помочь соплеменным хеттам отразить нападок финикийского флота. Таким образом они еще намеревались наладить отношения с хеттами и хурритами, а за одно, по возможности, и с ассирийцами.

Можно не говорить, с каким восторгом амазонки встретили этот приказ, радость переполняла всех. Наконец-то они получили царицу, что разбиралась и в большой политике, и в чаяниях самих амазонок. Между собой они говорили о том, что впервые у них такая предводительница, которая понимает простую вещь – и неустранимым амазонкам бывает больно и трудно.

Больше всех радовались беременные амазонки, некоторые из них должны были родить на днях. Торжествовали и все остальные, поддерживая сестер в минуту испытания женской природы.

За несколько дней выстроили целый городок из шалашей, который еще через две недели превратился в большой торговый берег. Благо, амазонкам было чем торговать – содержимого богатых складов Афин хватило бы надолго, и там было много ценного как для самих эллинов, так и для чужеземцев.

Мудрая Адиса приставила к беременным ненавязчивую охрану, чтобы те не пожелали вдруг улизнуть с торговцами к хеттам или другим соседям. Со временем, когда у одной сестры начались роды, позвали самых старших и опытных в лагере и устроили шум и неугомонный гвалт, который не смолкал до тех пор, пока на свет не появился ребенок, здоровый и хорошеный мальчик, которого так и называли – Пэрыйт (Первый). Все считали, что он первый мальчик у амазонок, которому дозволено будет жить. Сказать о том, что его «надо срочно умертвить», как положено по уставу империи, ни у кого язык не повернулся. Пэрыйт оказался замечательным ребенком, который, как и все дети, хотел пососать материнского молока и поспать у матери на груди и еще, по возможности, оставаться сухим.

Забыв про все на свете, амазонки всех возрастов толпами ходили к мальчику посмотреть, полюбоваться, обласкать и поиграть с ним, понаблюдать, как за ним ухаживает мать, как его пе-

ленают, особенно умиляю то, как он берет грудь, трогая ручонками и перебирая пальчиками. Для них это было уникальное зрелище! Это все пробуждало в них самих безудержное желание самой возиться со своим малышом, будь то девочка или мальчик.

Вскоре родился и второй мальчуган, еще забавнее первого. Теперь уже все, набравшись маленького опыта, наперебой советовали молодой мамаше, как себя вести, начиная от того, как держать малыша и заканчивая тем неожиданным вопросом, кем он станет, когда вырастет.

«Я впервые видела, как амазонки, не стесняясь друг друга, роняли слезы умиления и прочувствованной до глубины души нежности», – расскажет потом Хурсана своим подругам.

Вечерами женщины все чаще собирались вокруг какого-нибудь вечернего костра и подолгу тихо говорили о том, кто такие амазонки, к чему они призваны, почему у них такая нечеловеческая жизнь, и кто виноват в том, что они не могут жить как нормальные люди. Почему они не могут сами решать, кем быть: амazonкой или чьей-то женой, матерью или убийцей? Почему в других государствах, где они успели побывать – Эгрурии, Аттике, Урарту, Хатти, – люди живут иначе? Не держат на службе воительниц, все женщины живут в семьях, воспитывают детей, любят мужей, оберегают тепло и уют в доме.

Эти разговоры доходили и до юной царицы, которая чрезвычайно радовалась им. Адиса говорила подругам, что нужно еще немного времени, чтобы все амазонки хотя бы по разу успели подержать детишек, попривыкнуть к ним. «Ведь они боятся даже трогать, не то что держать младенцев, трясутся мелкой дрожью, когда близко к ним подходят, – говорила она. – Пусть малыши немного подрастут, начнут улыбаться и смотреть на них, тогда не за горами будет крах империи, и можно будет смело выезжать домой».

Сама Адиса занималась политикой, ездила в гости к хеттской знати, к хурритам в Урарту. И везде она лучезарной улыбкой и очаровательной красотой добивалась успеха, ведя серьезные переговоры. Она доказывала правителям, что здесь, на распутье дорог многовековых цивилизаций, где уже сама земля выгрывана тысячелетними империями, не будет покоя старым народам:

пришли молодые, быстро размножающиеся варвары с волчьей хваткой. Нужно уходить от этих ассирийцев, финикийцев, дорийцев и им подобных, переселиться на территорию между двумя морями и закрепиться там, создав мощную, централизованную империю. Адиса говорила, что нужно бросить каменистые земли, на которых они с великим трудом выживают, и небольшие оазисы, которые были обжиты кровью и потом, и перейти в земной рай, где не бывает слишком жарко и очень холодно, где семя, случайно уроненное в благодатную землю, отдает сторицей, где леса и поля покрыты густой растительностью, воздух пьется, как райская вода. А живут там богатыри и красавицы...

Но все было тщетно. Те, кто слушал Адису, видимо, боялись ее власти, думали, что она подомнет всех и вся под свое начало и создаст еще неизвестно какой вид угнетения. Она ведь царица амазонок, хотя сейчас только предводительница в походе, но по прибытии на родину, кто знает, найдется ли равная ей. Эта девочка сбросит любую власть, имея под рукой почти сто тысяч отборных воительниц.

Адиса и сама прекрасно понимала, что хеттов и хурритов сейчас ничем не проймешь, но чтобы ее визиты имели действительную пользу, она напоследок всем говорила одно и то же:

– Боги не допускают, чтобы древние и благородные народы оказались за бортом безвременья. Но если случится вдруг поражение или опустошение на земле легендарных хеттов и хурритов, передайте по цепочке поколений, что мы не исчезли в пучине тысячелетий, даже оказавшись за бортом. Добирайтесь до подножия Горы Счастья – пусть она будет ориентиром для ваших потомков!

С такими словами она уезжала из очередного города, а когда обошла их все, предалась охоте и рыболовству...

* * *

Привыкшая с детства к беспрекословному исполнению устава и четкой дисциплине, Альтуд никак не могла понять, что вызвало недоброжелательное отношение к ней сестер после той схватки в Афинах. А то, что именно с этого момента она из всеобщей

любимицы превратилась в человека, которого стали обходить стороной даже лучшие подруги, она безошибочно чувствовала.

«Как же так? – думала она. – Разве можно было оставлять предательницу в живых, разве за одним только золотом мы шли на Атику, преодолевая столько трудностей, теряя столько сестер?»

Она долго размышляла над этим и находила только один ответ – новое предательство интересов империи! И виновны в этом Хурсана и Дахазиля! Она с презрением вспоминала постыдное и совершенно неожиданное решение Хурсаны о согласии на хороший откуп за голову Антеипху.

«Нет! – возмущалось все ее существо. – Не заплачено было ничего за предательство, пока я не вызвала Антеипху на поединок и не прикончила эту змею, пригревшуюся на груди царственного Тесея!»

И сейчас ее сильнее всего возмущало то, что эта пигалица, Адиса, так обошлась с походным советом уд. «Кто дал ей право так угрожать нашим уважаемым старшим сестрам, которым империя дала высшие полномочия и право контролировать соблюдение всех законов империи в любых обстоятельствах?! Да, тогда было много мнений и, конечно, было принято верное решение – отдать полномочия одной предводительнице и не мешать ей действовать по своему усмотрению. Да, под угрозой гибели от рук многоопытных морских волков находилась вся армия амазонок, и Адиса вывела их всех из сложившейся ситуации с успехом. Но это все не дает ей права вести себя столь вызывающе с верховными уд!»

Альтуд понимала, что нельзя обсуждать даже про себя действия царицы, но нутром чувствовала недобрые замыслы главенствующей тройки, хотя прямых фактов, уличающих предводительниц, у нее не было.

«Вот и теперь исчезли пять наших кораблей, – размышляла Альтуд. – Выехали из-за одной беглянки, а скольких уже потеряли! Если они сбежали, то надо перевернуть весь мир, найти и уничтожить их, во что бы нам это ни обошлось! А если они просто заблудились, что наиболее вероятно, тогда надо им помочь. Хотя куда они денутся? Повоюют, повоюют и вернутся на родину. Их не так мало, чтобы они натолкнулись на превосходящую

силу. Найдут проводников и по сухе всегда смогут прорубить своими саблями дорогу домой сквозь непроходимые лесные чаши, сквозь армии любых государств. Нет таких воинов, способных остановить движение войска амазонок, потому что каждое сражение только прибавляет им силы, так как после битвы они пополняются лошадьми и рабами-носильщиками. Но почему же все-таки отпустили этих лесбиянок? Может, перед предводительницами еще в начале похода стояла задача избавиться от них? Тогда что значит последний массовый побег отряда Дадух? Ведь сестры не могли совершить это без ведома цариц, а когда мы увидели в конце битвы этих беглянок, то все равно не стали преследовать. Конечно, царицы и здесь найдут лазейки, чтобы оправдать свой поступок, скажут, что был риск, можно было понести потери, весь поход поставить на край гибели. Но неужели высший совет уд проглотил и такую отговорку?»

Альтуд лежала на палубе и не могла сомкнуть глаз. Она даже не заметила, что боковая качка уже давно убаюкала всех амазонок, которые не захотели уйти на берег. Также на корабле остались члены совета уд, тоже не пожелавшие «кормить комаров». Прислушавшись и присмотревшись к кромешной тьме, она увидала старую Афауз-уд, кошкой пробирающуюся именно к ней.

Альтуд привстала, давая знать о своем местонахождении. Афауз-уд остановилась и поманила ее пальцем к себе, заодно жестом указав, чтобы она продвигалась «змеей». Альтуд проползла открытое пространство и оказалась рядом со старухой, которая молча поманила ее за собой. Они бесшумно прошли мимо спящих на корму, где была каюта для совещаний уд. Когда очи тихо вошли туда, минуя притаившихся возле дверей двух охранниц, Альтуд почувствовала, что в темноте собрались все уд, озабоченно усевшись на дощатых скамьях вокруг стены-борта.

Первой заговорила старшая из них, которая почему-то оказалась над самым ухом Альтуд.

– Дочка! – прошипела она. – На берегу родился уже второй ребенок, и снова нам об этом не сообщили. Глупые амазонки вот уже вторую неделю носятся и играют с этими мальчиками. Если они еще немного повозятся с детьми, их уже никогда не вернуть под имперский устав. Теперь вся надежда на твое умение превра-

щаться в животных. Нам нужно, чтобы ты пробралась к ним в лагерь незаметно и обсыпала новорожденных вот этим порошком... — и чьи-то прохладные и сухощавые руки всунули ей в ладонь маленький кожаный кисет. — Но будь осторожна, нельзя, чтобы на тебя саму попало содержимое этого кисета. Когда все сделаеть как надо, быстро погружайся в воду и плыви назад, чтобы растворить частицы порошка, которые в любом случае на тебя осядут. Ступай и знай, что своим нынешним поступком ты спасешь империю амазонок! Мы будем ждать тебя, но ты по возвращении не заходи сюда, а сразу иди и ложись на свое обычное место. Так надо!

Альтуд, не проронив ни слова, вышла из каюты, сжимая в руке кожаный мешочек. «Превратившись» в кошку, она так же бесшумно подошла к борту галеры, сняла с себя одежду, оставшись в одних черных шелковых трико. За плотно обтягивающим талию кушаком лежал кисет. Без вслеска она соскользнула в прохладную морскую воду и вскоре, благополучно доплыv до берега, услышала возню в одном из шалашей. Альтуд подкраилась и увидела нескольких амазонок, тихо, почти шепотом разговаривавших при тусклом свете жировой коптилки над младенцем-свертком, который мирно посапывал у семи нянек. Альтуд, разделив на ощупь содержимое мешочка, развязала веревку и через щель в крыше шалаша рассыпала половину порошка на всех находящихся там, после чего моментально и так же незаметно оказалась на крыше шалаша, где находился второй ребенок с матерью. Она учудила их по звуку младенческих причмокивающих губ. С ними она поступила так же, рассыпав оставшуюся часть порошка, а потом стремительно пробралась к воде мимо сторожевых и бодрствующих амазонок, прячась за тени деревьев. Ночь была темна, да и на ней все было черное, так что никто не мог помешать Альтуд свершить свое дело. Добравшись до кромки воды, она выкинула пустой мешочек в море и погрузилась в легкую рябь прибрежных вод, поплыv назад к кораблю.

Альтуд не знала, что это за порошок, но была уверена, что этим она убила новорожденных, иначе уд не стали бы рисковать и поручать ей, Черной молнии, такое задание.

«Что ж, — думала она, ложась на свое место, никем не замеченная. — Стало быть, вы, дорогие сестры, решили погубить им-

перию, разбудив слабость матерей к своим чадам. Не очень благородно с вашей стороны играть на слюнявых чувствах. Так знайте, я, Альтуд, не дам вам осуществить эти планы! Да и как вы посмели?! Тысячелетия стояла империя, и будет еще стоять столько же, несмотря на ваши жалкие усилия!» – чуть ли не шепотом произнесла она, укладываясь поудобнее на своем ложе.

Она ничуть не сомневалась, что поступила правильно, потому что так нужно было во благо империи. Ради этого ее вырастили и воспитали. Ей даже вспомнилось, как однажды они со старой Алдыш-уд выследили в лесу два волчьих логова, расположенных неподалеку друг от друга. У одной волчицы было четыре волчонка, а у другой только два, и эта другая, пользуясь отсутствием сильной соперницы, однажды днем пришла в ее логово и передушила всех четырех волчат. Алдыш-уд объяснила этот случай просто: волчица защищала будущее своего потомства, которому пришлось бы сузить ареал из-за конкурентов, да к тому же превосходящих количеством и силой. И это закон природы – чтобы выжить самому, надо убивать других!

Занятая такими мыслями, Альтуд не заметила, как крепко заснула. Но утром ее разбудили душераздирающие вопли, доносящиеся со стороны берега, из расположения лагеря. С кораблей, стоявших в небольшой бухте, хорошо просматривалось все, что происходило там. А это был настоящий переполох! Одни амazonки бегали по побережью, размахивая палками и саблями, пытаясь убить что-то уползающее. Другие убегали в море на мелководье, третьи попрыгали в лодки-долбленики и усиленно гребли от берега, некоторые, скинув с себя кольчуги и оставив их на песке, вплавь добирались до кораблей. Галера с предводительницей и судно, на котором находились члены высшего совета, набирая почти одинаковую скорость, поплыли к берегу. На ходу они брали на борт всех находящихся в воде амazonок. Когда они подплыли на максимально допустимое расстояние, все увидели нескольких амazonок, отчаянно бьющихся с крупными, длиною в два шага, черными змеями, которые передвигались на удивление быстро и маневренno. И было их невообразимо много, и количество их все прибывало и прибывало...

Когда Хурсана в спешке спрыгнула с кормы галеры и подбежала к шалашам, около которых было особенно шумно, она увидела такую жуткую картину, что невольно отвернулась. На трупах, почерневших и успевших опухнуть, было столько этих ужасных змей, что почти ничего кроме них не было видно. И самое удивительное, они выползали из всех щелей и дыр, их становилось все больше и больше – змей, устремленных именно к этим двум шалашам!

В такой суматохе прозвучал хриплый голос старой Афауз-уд:

– Не трогайте их! Это бесполезно. Их прибудет еще больше, если вы не перестанете бить их. Это души наших погибших и умерших сестер. Они вас не тронут потому, что собрались отомстить только тем амазонкам, которые совершили тяжкое преступление против империи, предав души родительниц и прародительниц! Уходите! А те, кто не грешен перед душами предков, могут не страшиться расправы! Они страшны тем, кто погряз в грехах. Ныряйте в море, просите прощения перед духами погибших за империю и смойте с себя грехи в соленой морской воде – это очистит вас!

Как только несчастные женщины услышали такой призыв, они перестали бороться со змеями и все бросились в море, отчего пенный берег залюснился отблеском утренних лучей солнца на шлемах амазонок. Они скрывались под волнами и с новой силой появлялись над водой, с дрожью в голосе раскаиваясь и прося прощения.

– Теперь, – продолжила Афауз-уд, когда все оказались на кораблях, – возьмите деревянные бортовые ведра, возвращайтесь туда и обильно полейте трупы в шалашах морской водой. Они тоже очищаются, если живые попросят за них у душ погибших.

Снова началась непонятная процедура: мокрые и растрепанные амазонки в попыхах носили воду из моря и бесперебойно обливали оба шалаша со змеями и трупами, губами нашептывая какие-то слова и мольбы. Когда было выпито не менее ста ведер соленой воды, они заметили, что змеи потихоньку начали расползаться и удаляться во все стороны. А амазонки остались стоять на берегу совершенно неподвижные, ошеломленные и с ужасом в глазах. Спустя некоторое время, немного прия в себя,

они подошли к шалашам, и даже видавшие виды амазонки вздрогнули от невыносимого зрелища. Невозможно было смотреть на вздувшиеся от множества ядовитых укусов тела, среди которых находились и групики ни в чем не повинных детей.

– Разожгите большой костер из сухих дров и бросьте туда тела! – продолжала командовать Афауз-уд, стоя на корме галеры. – Используйте только палки, потому что нельзя их трогать руками. Осторожно соберите шлемы и оружие и вымойте в морской воде.

Амазонки точно следовали ее указаниям: разобрали мокрые шалаши, закидали трупы сухими дровами и подожгли. А Адиса, Дахазиля и Хурсана растерянно наблюдали весь этот ужас, пока черный дым не поглотил тела несчастных погибших, еще вчера так беззаботно радовавшихся возможности новой жизни. Подруги чувствовали, что все их хитросплетения, труды и старания разбудить в сердцах амazonок тягу к свободе и разуму улетучились в утреннее небо вместе с этим гигантским столбом дыма.

– Да, мы недооценили знания, опыт и хитрость наших старых уд, – едва выдавила из себя Адиса и направилась в свою каюту, а Хурсана, отметив озарившиеся удовольствием лица всех членов совета уд, пошла за ней.

– Что же это было?! – спросила тихо Дахазиля, когда корабли полным ходом ушли в открытое море, покинув страшный берег.

– Я думаю, это было какое-то снадобье, которое змеи чувствовали на большом расстоянии, и оно приводило их в бешенство. Это снадобье легко растворяется в воде и, видимо, соль полностью его нейтрализует, – сказала Адиса.

– Да, наверняка ты права, потому что только у пострадавших шалашей я увидела еле заметные дыры в камышовых покрытиях, – добавила Хурсана. – Кто-то ночью через эти дыры рассыпал порошок. Но кто?

– Я поняла, что это! – чуть ли не выкрикнула Адиса. – Это порошок из сущенных змеиных яиц! Вот что собрало такое великое множество этих ползучих гадов! Эх, почему мы не приняли во внимание тысячелетний опыт наших имперских жриц?!

– Выходит, они все знали и держали нас под контролем? – недоумевала Дахазиля. – Тогда почему они нас обошли своей высокой местью?

— А потому, что мы пока еще справляемся с задачами, поставленными нам перед походом, — без тени сомнения ответила Хурсана. — Мы нужны им для благополучного прибытия домой. К тому же они вполне уверены, что мы уже побеждены!

— Но мы остались совершенно одни, без всякой военной поддержки. Преданные нам амазонки окончательно запуганы иозвращены в прежнее состояние, — сказала Дахазиля.

— Нет, подруги! — горячо возразила Хурсана. — Я не сомневаюсь, что они навсегда запомнят то, что случилось, и долго еще будут рассказывать нашим сестрам о невероятном воскрешении душ погибших амazonок в облике черных змей. И о гнусной мести старых уд за нарушение устава и за «страшное преступление» — рождение детей! Все равно я верю, что когда-нибудь наступит другая жизнь. Амазонки поймут, каким был трюк уд. И рождаются еще такие же, как мы. Во всяком случае, мы были честны с самими собой и пытались сделать так, как это и должно быть. Не всегда амазонки будут так невежественны, да и жрицы-уд устанут совершасть преступления.

— Ты права, но для этого нужна другая религия, другие боги, — спокойно сказала Дахазиля.

К ней присоединилась Адиса, тихо добавив:

— И другие люди!

Эскадра шла полным ходом к родным берегам, но не было слышно обычного веселья, смеха и песен. Уд продолжали свое дело, давили на амazonок устрашающими речами, слушали их покаяние, все глубже и глубже вникая в суть произошедших за время длительного и дальнего похода необыкновенных событий. Они «открывали глаза» тем, кто необдуманно потворствовал великому греху перед богинями, простирающими плань своего покровительства над миром амazonок. И перед матерями, чьи души будут жестоко наказывать вероотступниц приходя с того света в самых кошмарных обличиях. И запуганные женщины — а это были просто женщины — слушали все новые и новые небылицы, подобные недавно пережитому ужасу.

Конец первой части

АВТОРСКОЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Египетские пирамиды – уникальные резервуары для питьевой воды. Вот что пишет про Египет Геродот в своей знаменитой «Истории».

Книга I. Статья 12. «....Из почвы выступает соленая вода, которая разрушает даже пирамиды». **Статья 19.** «...100 дней поднимается Нил, по истечении этого срока вода снова падает, река входит в свое прежнее русло, и затем низкий уровень воды сохраняется целую зиму вплоть до следующего летнего солнцестояния».

Книга II. Статья 97. «...Когда Нил затопляет страну, только одни лишь города возвышаются над водой почти как острова. Ведь вся остальная Египетская страна, кроме городов, превращается в море. Тогда плавают на судах уже не по руслу реки, а напрямик по равнине. Так, например, на пути из Невкратиса в Мемфис проезжают мимо пирамид, хотя это необычный путь по реке...»

Статья 101. «...этот царь (Мерида) оставил о себе в память обращенное на север предупреждение святилища Гефеста и велел выкопать озеро... И на озере воздвиг пирамиды...»

Статья 108. «Как только река отступала, страдали от недостатка воды и вынуждены пить солоноватую воду, которую вычерпывали из колодцев...».

Книга III. Статья 6. «...Из всей Эллады, да кроме того еще из Финикии в Египет привозят дважды в год вино в глиняных сосудах и все-таки там не увидишь ни одного порожнего сосуда. Куда же, спрашивается, они деваются? Я отвечу на это. Каждый староста общины обязан собирать все (порожние) сосуды в своем городе и отправлять в Мемфис. Из Мемфиса же, наполнив водой, их переправляют в ту безводную Сирийскую пустыню...»

Статья 12. «...Черепа погибших персов хрупкие, а черепа египтян прочные...»

Известно, что Египетские пирамиды выполнены из монолитных глыб известняка. Водопоглощение известняка 20-40 %. Значит, пирамида, когда затапливается водой при подъеме воды в Ниле, не могла не набрать воду. И объем воды мог быть 400-800 млн литров (при объеме пирамиды – 2 млн м³). И эта вода не могла не уходить из тела пирамиды тогда, когда вода в реке Нил падала и уходила в старое русло, обнажая тело пирамиды. Вода не могла не быть чистой и вкусной, не могла не содержать много кальция – необходимого для организма, укрепляющего мышцы и кости. Вода не могла портиться в теле пирамиды в течение зимнего периода – в пору безводности Египта.

Сама форма пирамиды способствовала тому, что во время паводка, из-за сужения к верху, внутри пирамиды создавался эффект диффузии, который

способствовал заполнению, как насосом, микрокапилляров до самой вершины. А в период падения уровня Нила вода, содержащаяся в теле пирамиды, не растекалась через боковую поверхность, так как по закону механики основное давление воды в теле пирамиды рассредоточивалось от вершины вниз под углом 45°.

После стодневного подъема воды наступал период падения уровня и поверхность пирамиды покрывалась слоем ила, закрывающего поры и щели, который, высыхая на наружной поверхности стен, создавал своеобразный гидроизоляционный слой, также препятствующий растеканию воды через боковую поверхность.

И чистую, холодную, богатую минеральными солями и кальцием, свежую воду можно было забирать из тела пирамиды.

Таким образом, пирамида является идеальным резервуаром для аккумуляции, очистки, обогащения, охлаждения и хранения питьевой воды.

Зададим себе вопросы и будем отвечать:

1. Была необходимость строить резервуары для воды?

Геродот (книга II статья 108) отвечает на этот вопрос: да, как только вода Нила отступала, появлялась проблема нехватки питьевой воды во многих районах территории Египта.

2. Решала ли пирамида проблему питьевой воды?

Да, питьевой воды из одной только пирамиды (400–800 млн литров воды), а их было много, могло хватать на 200 дней в году из расчета по 5 литров в сутки на население в (600 000 000:5:200) 600 тыс. человек.

3. Могла быть использована пирамида, где было размещено захоронение фараона, для питьевой воды?

Да, могла (в тех случаях, когда действительно имели место захоронения в пирамидах), потому что трупы тщательно бальзамировались и помещались в монолитные и герметичные мраморные саркофаги и технически не трудно исключить соприкосновение с водой микробов и проникновение трупного яда в воду.

4. Существовала ли экономическая выгода от сооружения грандиозных пирамид?

Очевидно, Геродот описывает весь цикл сбора и сбыта воды в Сирийской безводной пустыне.

Кроме того, существует и косвенная экономическая выгода от оздоровительной роли богатой кальцием воды (книга III статья 12). Это подчеркивает еще и стратегически важное значение, ведь в те века прочность костей играла немаловажную роль. И наконец, нам кажется, что красавая гипотеза о том, что пирамиды были призваны служить надгробием фараонов только для того, чтобы увековечить память о них, не выдерживает глубокой критики.

Литературно-художественное издание

Ахметов Муасед Борисович

АДЫГСКИЕ АМАЗОНКИ

Заведующий редакцией В. Н. Котляров

Редактор К. Елевтеров

Художник Ж. А. Шогенова

Корректор Н. В. Римская

Компьютерная верстка И. А. Зайчуковской

Лицензия № 00003 от 27.08.99

Сдано в набор 05.07.07. Подписано в печать 18.10.2007.

Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Антиква.

Усл. печ. л. 12,39. Тираж 1000 экз.

Издательство М. и В. Котляровых
360051, КБР, г. Нальчик, ул. Кабардинская, 162

ООО «Полиграфсервис и Т»
360000, г. Нальчик, ул. Кабардинская, 19.
Тел./факс: (8662) 42-62-09
e-mail: elbrus@mail.ru
www.elbruss.ru

INTRODUCTION: THE CONCEPT OF A "LITERATURE OF THE MUSLIM WORLD"

The concept of a "literature of the Muslim world" is a relatively new one. It has been used in recent years to describe a body of literature that is produced by writers from a variety of Muslim countries and cultures. This literature is often characterized by its focus on issues such as identity, tradition, and modernity, and by its use of a range of literary genres and styles.

The concept of a "literature of the Muslim world" is also used to describe a body of literature that is produced by writers who are not necessarily from Muslim countries, but who write in a style that is characteristic of the Muslim literary tradition. This literature is often characterized by its focus on issues such as spirituality, morality, and social justice, and by its use of a range of literary genres and styles.

The concept of a "literature of the Muslim world" is also used to describe a body of literature that is produced by writers who are not necessarily from Muslim countries, but who write in a style that is characteristic of the Muslim literary tradition. This literature is often characterized by its focus on issues such as spirituality, morality, and social justice, and by its use of a range of literary genres and styles.

The concept of a "literature of the Muslim world" is also used to describe a body of literature that is produced by writers who are not necessarily from Muslim countries, but who write in a style that is characteristic of the Muslim literary tradition. This literature is often characterized by its focus on issues such as spirituality, morality, and social justice, and by its use of a range of literary genres and styles.

The concept of a "literature of the Muslim world" is also used to describe a body of literature that is produced by writers who are not necessarily from Muslim countries, but who write in a style that is characteristic of the Muslim literary tradition. This literature is often characterized by its focus on issues such as spirituality, morality, and social justice, and by its use of a range of literary genres and styles.

The concept of a "literature of the Muslim world" is also used to describe a body of literature that is produced by writers who are not necessarily from Muslim countries, but who write in a style that is characteristic of the Muslim literary tradition. This literature is often characterized by its focus on issues such as spirituality, morality, and social justice, and by its use of a range of literary genres and styles.